

ЕЖЕГОДНИК

**финно-угорских
исследований**

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск

2013

Редакционный совет:

- В. Е. Владыкин (Ижевск, УдГУ)
Д. В. Герасимова (Ханты-Мансийск, Югорский ГУ)
А. Е. Загребин (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН) – председатель
Н. Г. Зайцева (Петрозаводск, ИЯЛИ Карельский НЦ РАН)
А. С. Казимов (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
А. Кережи (Будапешт, Этнографический музей)
В. М. Лудыкова (Сыктывкар, Сыктывкарский ГУ)
В. И. Макаров (Йошкар-Ола, МарГУ)
И. В. Меньшиков (Ижевск, УдГУ)
Ю. А. Мишанин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
М. В. Мосин (Саранск, МГУ им. Н. П. Огарева)
С. Сааринен (Финляндия, Туркусский университет)
К. Салламаа (Финляндия, Оулуский университет)
С. Тот (Эстония, Тартуский университет)
И. Л. Жеребцов (Сыктывкар, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН)
Е. П. Шеметова (Москва, МГУП)
Э. Тулуз (Франция, Институт восточных культур и цивилизаций)
В. А. Юрченков (Саранск, НИИГН при Правительстве РМ)

Редколлегия:

- В. М. Ванюшев (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
Т. Г. Владыкина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Н. Денисов (Санкт-Петербург–Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
М. Г. Иванова (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
А. С. Измайлова (Ижевск, УдГУ)
А. В. Ишмуратов (Ижевск, УдГУ) – заместитель гл. редактора
Р. В. Кириллова (Ижевск, УдГУ)
Н. И. Леонов (Ижевск, УдГУ)
Р. Ш. Насибуллин (Ижевск, УдГУ)
Г. А. Никитина (Ижевск, УИИЯЛ УрО РАН)
В. Г. Семенов (Ижевск, УдГУ)
Ю. В. Семенов (Ижевск, УдГУ)
И. В. Тараканов (Ижевск, УдГУ)
Н. А. Федосеева (Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ)
Г. Н. Шушакова (Ижевск, УдГУ)

Министерство образования и науки РФ
Международная ассоциация финно-угорских университетов
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
Финно-угорский научно-образовательный центр гуманитарных технологий

ЕЖЕГОДНИК ФИННО-УГОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Вып. 4

Ижевск

2013

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Г. В. Мерзлякова*, доктор исторических наук,
профессор, ректор УдГУ

Зам. главного редактора – *А. В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д. И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 4 / Науч. ред.
А. Е. Загребин; сост.-ред. А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова; отв. ред.
Д. И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2013. – 154 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыту разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам учреждений культуры.

ISSN 2224-9443

© Удмуртский государственный университет, 2013

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ	7
<i>Максимов С. А.</i> Названия подорожника в удмуртских диалектах и их происхождение	7
<i>Бусыгина Л. В.</i> Пути и этапы развития системы терминов в удмуртском литературоведении	18
<i>Семёнов В. Г.</i> Ромашка лекарственная (<i>Matricária chamomilla</i>): принципы наименования и распространение в диалектах удмуртского языка	47
<i>Шайхулов А. Г., Шайхисламова З. Ф., Асмондьяров В. Н.</i> Некоторые методологические аспекты сопоставительных исследований диалектных данных в контексте когнитивных сфер (на материале диалектологических атласов уральских и алтайских языков)	54
ФОЛЬКЛОРИСТИКА	60
<i>Пчеловодова И. В.</i> Фольклор на сцене: взгляд изнутри	60
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	65
<i>Камитова А. В.</i> Библейский контекст в поэтике Максима Прокопьева	65
<i>Динисламова С. С.</i> Юван Шесталов. Проблема художественного перевода произведений	70
<i>Богданова Л. А.</i> Концептосфера повести Г. Д. Красильникова «Остаюсь с тобой»	76
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ	82
<i>Мусихин А. Л.</i> Грамоты каринским арским князьям XVI в.: история публикации и изучения	82
<i>Лескинен М. В.</i> Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река»	91
КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО	106
<i>Сазыкина И. А.</i> Влияние орнаментальных мотивов вышивки финно-угров на современный сценический костюм	106

<i>Ивишина В. М.</i> О реализации этнокультурного компонента образования в системе среднего профессионального образования Удмуртской Республики	115
Ю Б И Л Е И	121
<i>Ермолаева Н. Г.</i> Незабываемый мой Алексей Ермолаев	121
<i>Васильев С. Ф.</i> Удмуртский алхимик	127
О Т З Ы В Ы	130
<i>Станько А. И.</i> О диссертации А. А. Вахрушева «Просветительская миссия печати и литературы в провинциальной России...»	130
Р А Б О Ч И Е П Р О Г Р А М М Ы	134
<i>Шадрин В. А.</i> Рабочая программа дисциплины Экология	134
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2013 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	147

С. А. Максимов

**НАЗВАНИЯ ПОДОРОЖНИКА
В УДМУРТСКИХ ДИАЛЕКТАХ
И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ**

В удмуртских диалектах наблюдается большое разнообразие наименований подорожника, многие из которых являются двух- или многокомпонентными структурами, образованными на собственно удмуртской почве. Компоненты могут быть как исконными, так и иноязычными, но сами названия практически все прозрачны с точки зрения происхождения. По способу номинации их можно разбить на несколько групп, исходя из того, какой мотивационный признак лежит в основе названия:

- 1) морфологический признак (внешний вид): *шырбыж* 'мышинный хвост';
- 2) место произрастания: *сюрестурын* 'дорожная трава';
- 3) неприхотливость, «стойкость» растения: *юнтурын* 'стойкая (крепкая) трава', *батыртурын* 'трава-богатырь';
- 4) лечебные, целебные свойства: *вирдугдытйсьтурын* 'трава, останавливающая кровь';
- 5) возможность использования листьев растения для забав: *пужсыяцконкуар* 'лист для вышивания, создания узоров'.

Из более чем двух десятков наименований подорожника наиболее древним, скорее всего, является слово *шырбыж* 'мышинный хвост'.

Ключевые слова: удмуртские диалекты, названия подорожника, лингвистическая карта, территориальное распространение, этимология, принципы номинации, языковые контакты.

Настоящая работа написана на основе комментария к диалектологической карте «Подорожник». Картографируемому понятию дается следующее толкование: *подорóжник* – «Сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в соцветие в виде колоса» [1].

В удмуртских диалектах наблюдается большое разнообразие названий подорожника, многие из которых являются двух- или многокомпонентными структурами, образованными на собственно удмуртской почве. Компоненты могут быть как исконными, так и иноязычными, но сами названия практически

все прозрачны с точки зрения происхождения. В связи с этим этимологию большинства компонентов в настоящем комментарии мы не рассматриваем, а ограничиваемся их переводом и, по возможности, раскрытием мотивационных признаков наименований. Наряду с этим мы даем этимологию заимствованных слов. Кроме того, считаем целесообразным рассмотреть происхождение трех компонентов: *турын* ‘трава’, *кўар* ‘лист’, *с'ас'ка* ‘цветок’, участвующих как при образовании названий подорожника и других травянистых растений в целом.

Слово *турын* (к. *турун*) является древнеарийским или древнеиранским заимствованием периода финно-угорской общности; праформа восстанавливается в виде **tarna* [2, 3]; в диалектах удмуртского языка имеет множество фонетических вариантов, которые подробно описаны в Комментарии к карте «Щавель» [4].

Лексема *кўар* – исконного происхождения, ср. к. *кор* ‘лист’. Эти слова В. И. Лыткин возводит к общепермскому **kwor* [5]. В уральском этимологическом словаре они под вопросом сравниваются с прибалтийско-финскими и саамским примерами, также под вопросом дается соответствие из венгерского языка. Неочевидность сопоставляемых слов составители словаря видят в несоответствии семантики: ср. ф. *korva* ‘ухо’, но: *korvalehti* ‘ушная раковина’ (собств. ‘ушной лист’); венг. *harap* ‘сухая трава, сухая листва, опавшие листья и сучья’ [6].

Слово *с'ас'ка* (орф. *сяська*) большинство исследователей относит к чувашским, по современным представлениям, к болгарским заимствованиям, ср. чув. *сеҫке* ‘цветок’ [7, 8, 9, 10]. Соответствия имеются в других тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [11].

подорожн'ик

Территориальное распространение. Встречается в большинстве диалектных групп, хотя во многих населенных пунктах функционирует параллельно с каким-нибудь другим названием. Реже оно представлено в бесермянском наречии, в нижне- и среднечепецком диалектах северного наречия, в средневосточном диалекте, а также в некоторых говорах южного наречия, при этом в шошминском, татышлинском, канлинском и красноуфимском говорах периферийно-южного диалекта это название не зафиксировано. В опорном пункте Бол. Гондырь (155) Куединского р-на Пермского края записано с ударением на последний слог – *подорожн'ик*.

Происхождение. Заимствовано из русского языка, в котором этимология прозрачная: излюбленные места произрастания данного растения – полевые и проселочные дороги, обочины усовершенствованных дорог.

с'урэстурын, с'урэскўар

Варианты названия и территориальное распространение

Название *с'урэстурын* записано в оп. Удм. Сурвай (10) Унинского р-на, вариант *с'урэстурым* – в оп. Кульма (12) Кильмезского и оп. Дым-Дым-Омга (18) Вятско-Полянского р-на Кировской обл., а также в оп. Калашур (129) Киясовского р-на УР. Вариант с гласным *у* вместо *ы* конечного слога второго компонента – *с'урэстурум* зафиксирован в оп. Кыйлуд (89) Увинского р-на. Фонетические модификации с гласным верхнего подъема передне-среднего ряда *ү* бытуют в Балтасинском (*с'үрэстурым* – 139, 140) и Кукморском (*с'юрэс-*

туръм – 142, 145а) р-нах РТ, а в оп. Канлы (173) Кушнаренского р-на РБ описываемое слово функционирует в облике *с'ырэстурым*.

Корреспонденция гласного первого слога $y \sim \bar{y} \sim ы$ компонента *с'урэс* образовалась вследствие возникновения разных рефлексов праудмуртского **й* по диалектам.

Слово *с'урэскўар* записано в оп. Лудорвай (94) Завьяловского р-на и оп. Стар. Бодья (110) Кизнерского р-на УР.

Лексическая структура и мотивация. Название *с'урэстурын* состоит из компонентов *с'урэс* и *турын* – ‘дорога + трава’, иначе говоря ‘дорожная трава’. А второй компонент слова *с'урэскўар* имеет значение ‘лист’; соответственно структуру целиком можно перевести как ‘дорожный лист’. Происхождение исследуемых слов мотивировано местом произрастания, поэтому подобные наименования могут типологически возникнуть в разных языках независимо один от другого. Но дисперсное распространение исследуемых слов в удмуртских диалектах вместе с типологической параллелью в русском языке говорит о том, что они, скорее всего, образовались под влиянием русского языка.

с'урээдуртурын, с'урээдуркўар

Варианты названия и территориальное распространение

Наименование *с'урээдуртурын* зафиксировано в оп. Турнес (61) Дебёсского р-на и в оп. Нов. Монья (71) Селтинского р-на, а вариант *с'урээдуртуръм* записан в д. Варклед-Бодья (149) Агрызского р-на РТ. Форма *с'урээдуртурым* употребляется в с. Бол. Карлыган (138) Мари-Турекского р-на Республики Марий Эл и в с. Мал. Лызи (141) Балтасинского р-на РТ, а в оп. Стар. Уча (145) соседнего Кукморского р-на бытует вариант *с'ърээдуртуръм*.

Название *с'урээдуркўар* распространено в некоторых населенных пунктах Завьяловского р-на (92, 95, 96).

Наличие в письменных источниках: *сюрестурын* ‘подорожник’, *сюресдуртурын* 1. ‘подорожник’ 2. ‘цикорий обыкновенный’ (2008) [12].

Лексическая структура и мотивация. Исследуемые названия являются трехкомпонентными структурами. Кроме двух компонентов, аналогичных предыдущей паре названий, здесь присутствует также элемент *дур* ‘край, обочина’. Покомпонентный перевод слова *с'урээдуртурын* будет ‘дорога + обочина + трава’. Но в данной структуре следует выделить отдельно член *с'урээдур* (< *с'урэс* + *дур*) ‘обочина дороги’, который выступает как определение к слову *турын*. Структуру целиком можно растолковать как ‘трава, растущая на обочине дороги’, соответственно *с'урээдуркўар* – «лист, растущий на обочине дороги», хотя возможна несколько иная трактовка: ‘трава (с широкими листьями), растущая на обочине’.

Как и слова *с'урэстурын, с'урэскўар*, исследуемые названия образованы под влиянием русского языка, на что, в частности, указывает и параллельное употребление формы *с'ърээдуртуръм* со словом *подорожн'ик* в оп. 145.

Слово *т(а)рантас'яс'ка* отмечено в оп. Стар. Кня-Юмья (143) Кукморского р-на Татарстана. Состоит из компонентов *т(а)рантас* ‘тарантас (дорожная повозка)’ и *с'яс'ка* ‘цветок’. В отношении второго компонента (общеудм. *с'ас'ка*) следует сказать, что обычно он выступает в качестве форманта названий травянистых растений, имеющих яркие или достаточно приметные цветы.

Но наблюдательный сельчанин, по-видимому, даже в малоприметном соцветии подорожника может увидеть общее с понятием «цветок» в обыденном сознании. В названиях растений данный компонент выступает в функции фитоформанта, своего рода суффиксоида, который условно можно перевести как ‘трава (имеющая цветы, соцветия)’, а наименование целиком можно растолковать как ‘трава (с цветами), растущая на дороге, по которой ездят на тарантасах’.

Слово *гуждортурым* в качестве названия подорожника записано в оп. Бол. Гурезь-Пудга (104) Вавожского р-на. Компонент *гуждор* имеет значения ‘проталина’, ‘лужайка’, и следовательно, само название будет означать ‘трава, растущая на лужайке’, то есть на ровном сухом участке луга, который нередко утаптывается от ходьбы человека, домашнего скота и птицы. В подобных местах один из распространенных видов – гусиная лапка, которая как раз в удмуртских диалектах известна под названием *гуждортурын* ~ *гуждортурым*. Также данным словом иногда именуют *горец птичий*. Не исключено, что в случае с подорожником имеет место перенос названия с одного вида на другой, хотя исследуемое название вполне мотивированное и для подорожника.

Лексема *д’унтурым* записана в оп. Лельвиж (142) Кукуморского р-на РТ и зафиксирована словарями: *юн турым* ‘подорожник’ (1932) [13]; *юнтурын* ‘тж’ (1994) [14]; *юнтурын* диал. бот. ‘тж’ (2008) [15]. Первый компонент слова *д’ун* (< *йун*) имеет значение ‘крепкий, прочный, твердый, стойкий’. Таким образом, название мотивировано тем, что растение может обитать там, где другие виды не выживают: на тропинках, вдоль проселочных дорог и др.

батъртурым, батърс’эс’ка. Первое слово употребляется в оп. Асавка (169) Балатачевского р-на, а второе – в оп. Ташкичи (172) Илишевского р-на Башкортостана. Композит *батъртурым* состоит из структурных компонентов *батър* ‘богатырь’ и *турым* ‘трава’, а второй компонент лексемы *батърс’эс’ка* – *с’эс’ка* означает ‘цветок’. При выборе названия растения, как и в предыдущем случае, был учтен «стойкий характер» подорожника. Но у данных названий мотивация может быть трактована и несколько иным образом. По сообщению Р. Ш. Насибуллина, ранее в Закамье молодежь с помощью цветоносов подорожника устраивала состязания «на выявление богатыря». Прочные нитеобразные цветоносы служили средством для перетягивания. Чья «веревка» выдерживала дольше, чем у соперника, тот и становился богатырем.

Наименование *пис’айпукон* записано в оп. Стар. Гыя (38) Кезского р-на. Состоит из компонентов *пис’ай* ‘кошка’ и *пукон* ‘сидение; стул’. Мотивация названия не совсем ясна. Возможно, базируется на том, что участки земли во дворе или около дома, поросшие подорожником, широкие листья которого создают сплошной покров и прикрывают голую землю, удобны для отдыха кошек на летнем солнце.

шырбыж, шырбышкұар

Варианты названия и территориальное распространение

Наименование *шырбыж* известно в абсолютном большинстве диалектов, при этом для диалектов с открытыми и отодвинутыми назад вариантами *ы* характерны следующие фонетические формы: *шырбыж* (24, 31, 159, 163) и *шырбъж* (25, 26, 29–31, 35, 36, 45–50, 135, 137, 145а, 146, 149, 150, 152, 160).

Слово *шырбышкўар* зафиксировано в ярском говоре (21–23), варианты *шырбышкўар* (24) и *шьрбъшкўар* (25, 28, 29) – в глазовском говоре среднечепецкого диалекта северного наречия; последняя форма отмечена также в бесермянском населенном пункте Шамардан (45).

Наличие в письменных источниках: *šŕr-bŕž* G ‘подорожник (Plantago)’ (1892, 1894) [16]; *шырбыж* ‘тж’ (1892) [17]; *шыр быж* г. ‘подорожник’ (1919) [18]; *шырбыж* (1994) ‘подорожник’ (1994) [19]. В словаре Т. Борисова [20] *шырбыж* (*турым/турын*) зафиксирован как ‘хвощ луговой’; в Удмуртско-русском словаре 2008 г.: *шырбыж* 1. ‘подорожник’ 2. диал. ‘хвощ полевой’, *шырбыжкуар* ‘подорожник’ [21].

Лексическая структура и мотивация. Наименование *шырбыж* является композитом, состоящим из структурных компонентов *шыр* ‘мышь’ и *быж* ‘хвост’, и таким образом означает ‘мышинный хвост’. При акте номинации принят в учет внешний вид растения, а точнее, его соцветия в виде колоса, располагающиеся на высоком голем цветоносе. Такое соцветие ассоциировалось с хвостом мыши.

В слове *шырбышкўар* присутствует еще третий компонент – *кўар* ‘лист’, который часто выступает как фитоформант (своего рода суффиксоид) в названиях растений, имеющих относительно большие листья с округлой листовой пластинкой. Следует отметить, что название *шырбыж* образовалось из *шырбышкўар* в результате отпадения (неупотребления) конечного компонента.

Слово *кома'бъж* записано в оп. Стар. Юмья (144) Кукморского р-на РТ. Зафиксировано также словарями: *комакбыж* ‘подорожник’ (1994) [22]; *комакбыж* диал. бот. ‘подорожник; стебель подорожника’ (2008) [23]. Первый компонент *кома'* (< *комак*) имеет значение ‘крыса’ и восходит к русскому диалектному слову *хомяк* ‘крыса’. Название возникло из *шырбыж* в результате ассоциативной связи соцветий подорожника с хвостом крысы.

Лексема *урьскўар* отмечена в оп. Шавьяды (170) Балтачевского р-на РБ. В качестве первого компонента здесь выступает слово *урьс* ‘плеть, кнут’. Название, как и в двух предыдущих случаях, мотивировано внешним видом соцветия подорожника. В словарях зафиксировано без второго компонента: *урыс* ‘подорожник’ (1994) [24]; *урыс* диал. бот. ‘подорожник (трава)’ (2008) [25].

вирсэртурым, вирсэркўар

Варианты названия и территориальное распространение

Наименование *вирсэртурым* употребляется в с. Бабино (98) Завьяловского р-на, с. Норья (121) Малопургинского р-на, в д. Стар. Игра (133) Граховского р-на и д. Дятлево (137а) Алнашского р-на, в варианте *вирсэртурьм* – в оп. Кузюмово (135) Алнашского р-на.

Форма *вирсэркўар* зафиксирована в оп. Мужбер (59) и Верх-Нязь (60б) Игринского р-на, а также в оп. Уйвай (64) Дебёсского р-на.

Наличие в письменных источниках: *вирсэртурын* ‘подорожник’ (1994) [26]; *вирсэркуар* бот. ‘тж’, *вирсэркуар* диал. бот. ‘тж’ (2008) [27].

Лексическая структура и мотивация. В исследуемых названиях основную номинационную функцию несет компонент *вирсэр* ‘кровеносный сосуд’, представляя подорожник как «траву с кровеносными сосудами». Название исходит

из того, что листья подорожника имеют прожилки белого цвета, отчетливо виднеющиеся на фоне зеленой листовой пластинки. Они имеют продолжение в черенке листа, при срыве которого, будучи эластичными, зачастую не ломаются вровень с черенком, а свешиваются в виде белых нитей. Эти прожилки при номинационном акте и ассоциировались с кровеносными сосудами.

Слово *сиуъркўар* отмечено в оп. Муважи (137) Алнашского р-на. Первый компонент *сиуър* – это диалектное название жилы, сухожилия с той мотивацией, что и в предыдущем случае.

Название *с'улэмтурым* записано в оп. Пазял (114) Можгинского р-на. Компонент *с'улэм* 'сердце' мотивирован теми же обстоятельствами, что и в двух предыдущих случаях: округлые листья подорожника с отчетливыми прожилками ассоциировались с кровеносными сосудами сердца.

Наименование подорожника *вирду'дътис'турьм* в оп. Лельвиж (142) Кукморского р-на Татарстана в структурном отношении состоит из трех компонентов: *вир* 'кровь', *ду'дътис'* 'останавливающий' и *турьм* 'трава'. В целом его можно растолковать как «трава, останавливающая кровь». Оно происходит из способности сока подорожника останавливать кровь. При порезах и неглубоких ранах листья подорожника разжевывают и прикладывают к порезам. Кроме того, на мелкие царапины и ссадины нередко накладывается лист подорожника, смоченный слюной.

Лексема *йаракўар* бытует в с. Бабино (98) Завьяловского и д. Ср. Кечёво (123) Малопургинского р-нов. Компонент *йара* переводится как 'рана, ссадина; струп'. Как и в предыдущем случае, при назывании принято во внимание целебное свойство растения – заживление ран.

Слово *с'ўнс'оуқўар* зафиксировано в д. Калмияры (154) Куединского р-на Пермского края. Начальный компонент *с'ўнс'он* 'сосание, высасывание, отсасывание' образовано от глагола *с'ўнс'ънь* (др. диал. *с'ўнс'ыны, чупчънь* и др.). По словам информантов, растение так называют из-за того, что оно «*д'арайэз с'ўнс'э*» 'рану высасывает', то есть помогает ее заживлению, высасывая гной.

пужықуар, пужйацконкуар, пужйацконтурын

Варианты названия и территориальное распространение

Слово *пужықўар* употребляется в оп. Бол. Жужгес (90) Увинского р-на, а фонетические варианты *пужъқўар, пужықўар* – в оп. Карамас-Пельга (128) Киясовского р-на.

Название *пужйацконқўар* и его варианты распространены преимущественно в среднезападном диалекте и в некоторых других сопредельных говорах. Выявлены следующие фонетические формы: *пужйацконқўар* (56, 57), *пужйац'конқўар* (14), *пужйас'конқўар* (82, 84, 118), *пужйас''конқўар* (13), *пужйатконқўар* (71, 86, 87, 89–91, 97, 102). Из указанных вариантов за пределами среднезападного диалекта оказалась форма *пужйатконқўар* в пределах нылгинского говора (89, 90) и среднеижского диалекта (91, 97), а форма *пужйас'конқўар* отмечена в с. Бол. Сибы (118) в ареале южного наречия.

Наименование *пужйацконтурын* зафиксировано в оп. Ниж. Кивары (78) Шаркаканского р-на (средневосточный диалект), а вариант *пужйас'контурьм* – в оп. Нижнебалтачево (161) Татышлинского р-на Башкортостана.

Наличие в письменных источниках: *riži-kwar* ‘подорожник (большой)’ (1896) [28]; *пужы кар* ‘подорожник (травя)’ (1932) [29]; *пужыкуар, пужыятсконкуар* ‘подорожник’ (1994) [30]; *пужыкуар, пужыятсконкуар* бот. ‘тж’ [31].

Лексическая структура и мотивация

Структура *пужыкӯар* состоит из компонентов *пужы* ‘узор’ и *кӯар* ‘лист’, а в наименованиях *пужйацконкӯар* и *пужйацконтурын* вычленяется компонент *пужйацкон* ‘вышивание, занятие вышиванием (собственно, созданием узоров)’.

При всей прозрачности приведенных названий, их мотивация могла остаться лишь догадками, если бы при полевом сборе материала необычность названий не побудила справиться у самих информантов. Оказывается, листья подорожника служили для следующей забавы: их складывали или заворачивали определенным образом и прокусывали зубами; после разворачивания на листе оставались узоры, нередко выглядевшие изящно благодаря прожилкам подорожника. Эту забаву можно сравнить с соревнованием на вырезание самой красивой новогодней снежинки. Но отметим, что ранее удмуртские женщины, приложив лист подорожника к краю белого холста, прикусывали лист таким образом, что на холсте оставались узоры.

чыл'пакӯар, чыл'пас'коңкӯар. Эти названия подорожника функционируют в оп. Гожан (153) Куединского р-на Пермского края. Компонент *чыл'пан* (др. диал. *чил'пан*) первого слова означает ‘плетение кружев (собственно, создание ажурных узоров); вышивание’, а компонент второго слова *чыл'пас'кон* имеет значение ‘плетение (занятие плетением) кружев; вышивание’. Мотивация аналогична предыдущей группе слов.

сырккӯар

Варианты слова и территориальное распространение

Слово *сырккӯар* распространено в Граховском р-не (131, 132), при этом в последнем опорном пункте – в варианте *сърккӯар*. Вариант *сырткӯар* зафиксирован в оп. Арвазь-Пельга (113) соседнего Кизнерского р-на. В Удмуртско-русском словаре 2008 г. слову *сыркуар* диал. бот. даны следующие значения: 1. ‘звездчатка’ 2. ‘будра плющевидная’ 2. ‘кошачья лапка’ [32].

Происхождение. Слово заимствовано из татарского языка, ср. тат. *сырхуат* 1. ‘кожная болезнь...’ 2. бот. ‘зверобой изящный (который лечит кожные болезни)’ [33]. Как сказано выше, сок подорожника имеет свойство заживлять раны, поэтому понятен перенос названия с одного растения на другой. Вполне возможно также, что существуют татарские диалекты, в которых это слово используется для обозначения подорожника. Конечная группа звуков татарского слова была адаптирована под фитоформант *куар*.

Слово *шалзэй* записано в с. Юва (175) Красноуфимского р-на Свердловской области. Происхождение не совсем ясно. Возможно, восходит к названию травы *шалфей*, в свою очередь, происходящему из средневековой медицинской латыни: *salvia* «целебная сила» (от *salvus* – «здоровый»). Предполагается, что в русский проник из итальянского или немецкого через другие славянские языки [34].

Отметим некоторые семантические и фонетические трудности возведения этого слова к русскому источнику. Семантически название могло быть перенесено из-за того, что подорожник, как и шалфей, обладает рядом целебных

свойств. Фонетический облик удмуртского диалектного слова должен был иметь вид **шалнэй* или **шалфэй*. Поскольку в русских говорах зафиксировано название *шалфиева трава* [35], не исключена возможность бытования и формы *шалфией*. В этом случае на почве удмуртского языка могли произойти следующие изменения: *шалфийэй* → *шалнийэй* (*шалфийэй*) → *шалнид^бэй* → *шалнэй* → *шалзэй*.

Так как красноуфимский говор находится под сильным влиянием марийского языка, а также местного татарского диалекта, возможно проникновение исследуемого названия через указанные контактирующие языки (диалекты).

Как показывают исследования, в удмуртских диалектах в совокупности насчитывается более 20 наименований подорожника, большинство из которых образованы на собственно удмуртской почве. По способу номинации их можно разбить на несколько групп, исходя из того, какой мотивационный признак лежит в основе названия:

1) морфологический признак (внешний вид): *шырбыж(куар)* ‘мышиный хвост(-лист)’, *комакбыж* ‘крысиный хвост’, *урыскуар* ‘кнут-лист’, *вирсэртурын* ‘кровеносный сосуд-трава’, *сыныркуар* ‘жила-трава’, *сюлэмтурын* ‘сердце-трава’;

2) место произрастания: *сюрестурын* ‘дорожная трава’, *сюрескуар* ‘дорожный лист’, *сюресдуртурын* ‘придорожная трава’, *сюресдуркуар* ‘придорожный лист’, *тарантасяська* ‘цветок, растущий вдоль дороги, где ездят на тарантасе’, *гуждортурин* ‘трава, растущая на лужайке’;

3) неприхотливость, «стойкость» растения: *юнтурын* ‘стойкая (крепкая) трава’, *батыртурын* ‘трава-богатырь’, *батырсяська* ‘цветок-богатырь’, (?) *пийпукон* ‘сиденье кошки’;

4) лечебные, целебные свойства: *вирдугдытйсьтурын* ‘трава, останавливающая кровь’, *яракуар* ‘лист, заживляющий рану’, *сюпсёнкуар* ‘лист, высасывающий гной из раны’;

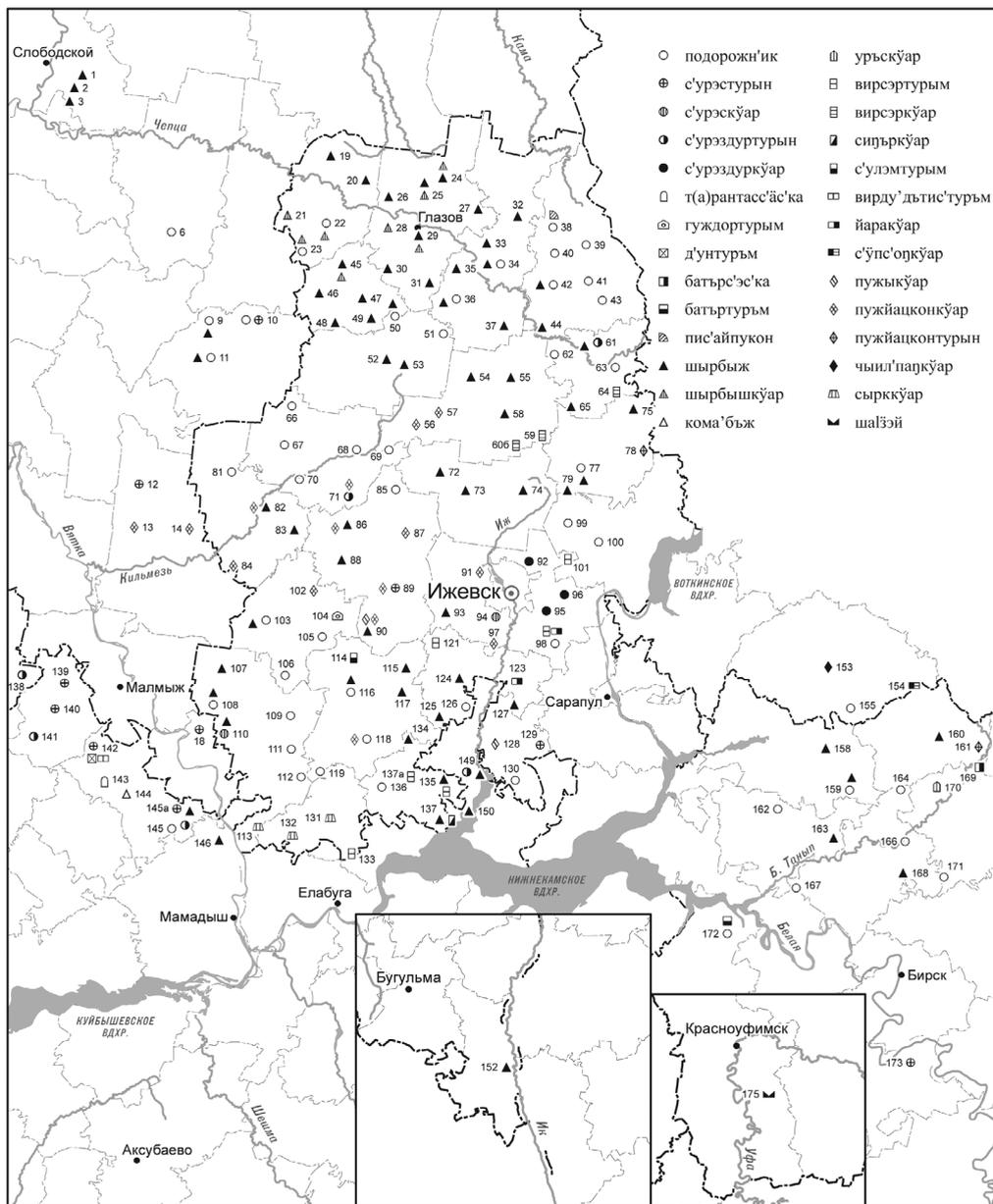
5) возможность использования листьев растения для забав: *пужыкуар* ‘лист для узоров’, *пужыяцконкуар* ‘лист для вышивания, создания узоров’, *пужыяцконтурин* ‘трава для вышивания, создания узоров’, *чильпанкуар* ‘лист для плетения кружев, создания ажурных узоров’, *чильпаськонкуар* ‘лист для плетения (занятия плетением) кружев’, *батырсяська* ‘цветок для выявления богатыря’.

Отметим также, что несколько заимствований в заимствующем языке ничем не мотивированы: так, наименование *подорожник* имеет русский источник; слово *шалзэй*, по-видимому, также восходит к русскому языку; название *сырккуар* заимствовано из татарского.

Исследуя названия подорожника в удмуртских диалектах, можно прийти к выводу, что из двадцати с лишним наименований этого растения наиболее древнее, скорее всего, – слово *шырбыж*: во-первых, оно распространено в абсолютном большинстве удмуртских диалектов; во-вторых, его компоненты *шыр* ‘мышь’ и *быж* ‘хвост’ относятся к древним пластам лексики, имеющим допермское происхождение [36, 37].

ПОДОРОЖНИК

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бот. – ботаника; венг. – венгерский язык; диал. – диалектное; к. – коми язык; общеудм. – удмуртский язык; оп. – опорный пункт; орф. – орфография, орфографически; РБ – Республика Башкортостан; РТ – Республика Татарстан; тат. – татарский язык; УР – Удмуртская Республика; ф. – финский язык; чув. – чувашский язык; G – глазовский диалект (по Ю. Вихманну).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН. Ин-т рус. яз.; Росс. Фонд культуры. М.: Азъ. яз., 1993. С. 556.
2. *Лыткин В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М.: Наука, 1970. – 386 с.; переизд. с доп.: Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. С. 287.
3. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III / K. Rédei. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991. S. 792.
4. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. II. Научн. издание / Р. Ш. Насибуллин, С. А. Максимов, В. Г. Семёнов, Г. В. Отставнова. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2010. С. 174–180.
5. *Лыткин В. И.* Указ. ист. С. 133.
6. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch... S. 187–188.
7. *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen // LSFU. Vol. 21. Helsinki, 1987. S. 230.
8. *Munkácsi B.* A wotják nyelv szótára / B. Munkácsi. Budapest, 1896; 2-ik kiadó. Pécs, 1990. L. 446.
9. *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка: В 2 т. / М. Р. Федотов. Чебоксары, 1996. С. 104.
10. Русско-чувашский словарь: Ок. 40000 слов / Под. Ред. Н. А. Андреева и Н. П. Петрова; НИИ при Сов. Мин. Чув. АССР. М.: Сов. Энци., 1971. С. 850.
11. *Федотов М. Р.* Указ. ист. С. 104.
12. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск, 2008. С. 629.
13. *Борисов Т. К.* Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь: Ок. 15000 слов / Т. К. Борисов; АН СССР. УрО. Удм. ИИЯЛ; Удм. отд. Всесоюз. фонда культуры. Ижевск, 1991. С. 152.
14. *Соколов С. В.* Биологической нимкыльёсын кылбугор = Словарь биологических терминов / С. В. Соколов, В. В. Туганаев; Под общ. ред. С. В. Соколова; Илл. Н. Вахрушевой. Ижевск: Удмуртия, 1994. С. 113.
15. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 816.
16. *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann... S. 25, 247.
17. *Верещагин Г. Е.* Собрание сочинений: В 6 т. / Г. Е. Верещагин; Под. ред. В. М. Ванюшева. Т. 6. Кн. 2: Вотско-русский словарь [= Удмуртско-русский словарь] / Отв. за выпуск и авт. предисл., комментариев Л. М. Ившин; РАН. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 2006. С. 263.
18. *Яковлев И. В.* Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кыльёссэс валэктісь книга / И. В. Яковлев. Казань, 1919. С. 41, 69.
19. *Соколов С. В.* Указ. ист. С. 113.
20. *Борисов Т. К.* Указ. ист. С. 137, 355.
21. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 629.
22. *Соколов С. В.* Указ. ист. С. 113.
23. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 313.
24. *Соколов С. В.* Указ. ист. С. 113.
25. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 702.

26. Соколов С. В. Указ. ист. С. 113.
27. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 122.
28. *Munkácsi B.* A votják nyelv szótára... S. 597.
29. *Борисов Т. К.* Указ. ист. С. 232.
30. Соколов С. В. Указ. ист. С. 113.
31. Удмуртско-русский словарь. Указ. ист. С. 553–554.
32. Там же. С. 620.
33. Татарско-русский словарь: В 2-х т. Казань: Магариф, 2007_{гг.} С. 288.
34. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. В 2 т. / П. Я. Черных. 2-е изд., стереот. М.: Рус. яз., 1994_{гг.} С. 400.
35. Там же.
36. *Лыткин В. И.* Указ. ист. С. 40, 326.
37. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch... S. 353, 500.

Поступила в редакцию 17.10.2013

S. A. Maksimov

The Names of Plantain (Plantago) in the Udmurt Dialects and Their Origin

There are a lot of names of plantain in the Udmurt dialects, many of which are two-or multicomponent structures formed on the Udmurt basis. The components can be both native and borrowed, but the origin of almost all of the names is clear. By the method of nomination they can be divided into several groups based on motivational signs of the names:

- 1) morphological character (appearance): šyrbyž ‘mouse tail’;
- 2) locus of vegetation: šuresturyn ‘road grass’;
- 3) plant unpretentiousness, hardiness: junturyn ‘strong grass’; batoryturyn ‘husky grass’;
- 4) therapeutic, healing properties: virdugdytišturyn ‘grass, stopping blood’;
- 5) the use of plant leaves for amusement: pužyjatskonkwar ‘leave for embroidery, for creation of a pattern’;

From more than twenty types of plantain the most ancient, in our opinion, is the word šyrbyž ‘mouse tail’.

Keywords: the Udmurt dialects, names of plantain, linguistic map, geographical distribution, Etymology, principles of nomination, language contacts.

Максимов Сергей Анатольевич,
кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov Sergey Anatolyevich,
Candidate of Sciences (Philology),
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1
E-mail: makser02@yahoo.com

УДК 821.511.131'37

Л. В. Бусыгина

ПУТИ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ В УДМУРТСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В мире изменяющихся понятий и развивающихся терминологий ведущую роль сегодня приобретает заимствованная лексика, что, безусловно, связано с увеличением удельного веса двуязычия (многоязычия). Одна из актуальных проблем в удмуртской лингвистике – изучение литературоведческих терминов, так как объем переводческой деятельности возрастает, в известной степени меняется характер исследовательских работ, расширяется интертекстуальное пространство произведений и др. К тому же в удмуртском литературоведении преобладают заимствованные термины, и в последнее время наблюдается тенденция к переводу их на удмуртский язык, что вызывает острые дискуссии. Анализ литературоведческой терминологии показал, что нет необходимости перехода на «искусственный» удмуртский язык, ибо каждый заимствованный элемент в языке аккумулирует историю народа. В зависимости от времени, исторических условий и культурных тенденций определялись основные понятия и термины, осваиваемые другими языками. В работе исследуются виды и способы заимствований литературоведческих терминов в удмуртском языке, пути их проникновения, источники и хронология освоения иноязычных слов.

Ключевые слова: заимствованная литературоведческая терминология, хронология, этимология, пути проникновения, источники.

Живой язык – это явление, постоянно развивающееся. Любой процесс в нем, несомненно, обусловлен изменениями в социально-политической и культурной жизни общества. Появление новых реалий, новых явлений, исчезновение каких-либо вещей – все отражается в языке, в лексике. Наиболее же чувствительная к внешним воздействиям часть лексики – это терминология различных направлений (поскольку отдельно взятое слово может совпадать с понятием, им обозначаемым, но может и не совпадать). Именно в системе терминов с очевидностью отражается влияние общества на язык, так что при изучении исторических этапов формирования и развития государств, анализа типов цивилизаций, определения их культурного, научного и технического потенциала изменения в системе

терминов – важный показатель. И на данном этапе развития общества изучение проблем терминоведения – актуальная задача лингвистики.

Более того, сегодня ведущую роль приобретает заимствованная терминология, поскольку в современном обществе увеличивается удельный вес двуязычия (многоязычия). И в удмуртской лингвистике одна из насущных проблем – исследование литературоведческих терминов. С увеличением объема переводческой деятельности в некоторой степени меняется характер исследовательских работ, расширяется интертекстуальное пространство произведений и др., что ведет к росту заимствованной терминологии.

Попытаемся проследить динамику вхождения русской терминологии и через русский язык – иноязычной – в удмуртское литературоведение. Тенденция к переводу терминологии на удмуртский язык вызывает в ученом мире острые дискуссии. Возможно, наша статья позволит несколько масштабнее взглянуть на данный вопрос. На наш взгляд, проблема перевода иноязычной лексики, огромным потоком входящей в удмуртский язык более актуальна, чем проблема устоявшихся заимствованных терминов. Нет необходимости в резком переходе на «искусственный» удмуртский язык, хотя не исключаем использование (или – параллельное использование) отдельных переводных терминов. Как объясняют ситуацию М. К. Каракулова и Б. И. Каракулов в «Сопоставительной грамматике русского и удмуртского языков», «во-первых, повседневные контакты и доминирующая роль русского языка в средствах массовой информации, в официально-деловой, научной, учебной, образовательной сферах вызывают приток русских слов и в настоящее время. Во-вторых, рядовые носители языка принимают удмуртские неологизмы без энтузиазма, потому что запоминать их и заменять ими привычные русизмы – это дополнительный труд, создающий неудобство для говорящих. В-третьих, некоторые из предлагаемых новых слов неудачны, громоздки, искусственны, что вызывает отторжение всего нового, даже хорошего, удачного» [1].

К тому же добавим, что заимствованные из русского языка слова зачастую не русизмы, а интернациональная лексика. Если рассматривать ее как элемент культуры, отражает историю предметов, явлений, развитие наук и т. д. Она аккумулирует в себе историю удмуртского народа, историю его контактов с русским народом и, более того, исторические контакты русского народа. Известно, что в разных сферах деятельности преобладают заимствования из какого-либо конкретного языка (в музыкальной терминологии – из итальянского, в военной – много немецких и французских вхождений, в спорте преобладает английская терминология и др.). Интернациональные слова вправе функционировать и в удмуртском языке.

Как известно, в литературоведении преимущественно преобладают заимствования из греческого и латинского языков, поскольку основы научных знаний о литературе и искусстве закладывались в Древней Греции и Древнем Риме («Поэтика» и «Риторика» Аристотеля, «Наука поэзии» Горация и др. [2]). Освоение их другими языками происходило в разные периоды, в зависимости от исторических условий, от общественно-политических изменений, культурных тенденций разных стран и народов. Изучение заимствованных литературоведческих терминов в удмуртском языке (в удмуртском литературоведении

в основном используется интернациональная терминология) позволяет нам говорить о позднем развитии удмуртской филологической науки.

Первые литературоведческие термины связаны, безусловно, с переводами религиозной литературы (представляем их с указанием источника первой фиксации, частотности использования и сведениями об этимологии слова):

СИМВОЛ: (37) 1847 *символ* ‘символ (веры)’ (АзбГлаз., 120) < р. символ [греч. symbolon – условный знак]*.

БИБЛИЯ: (11) 1877 *библия* ‘библия’ (Ист., 43) < р. библия [греч. biblia – книга].

СТИХ: (11) 1882 *стих* ‘стих’ (отдел слов, имеющих полный смысл, произносимых в пасхальных или иных церковных песнопениях) (Требн., 33) < р. стих [греч. stichos – ряд, порядок, строй].

ПЕРЕВОДЧИК: (22) 1893 *переводчик* ‘переводчик’ (НачНаст., 55) < р. переводчик.

ПРИПЕВ: (27) 1896 *припев* ‘припев (церковной песни)’ (Посл., 45) < р. припев.

СТИХОВНА: (1) 1908 *стиховна* ‘стиховна (собрание стихов, поемых на вечерни после сугубой ектении и литии)’ (Часосл., 92) < р. *стиховна*.

Первая фиксация этих терминов отмечена в «Азбуке, составленной из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии. По (глазовскому)» (1847), в «Священной истории ветхого и нового завета. На вотском языке» (1877), в «Требнике на вотском языке» (1882), а также в книгах «Иньмар косэмез дышеськыны кучкон понна. Начальное наставление в православной христианской вере. На вотском языке» (1893), «Последование пасхи на вотском языке. Быдзымнал вось» (1896) и «Часослов на вотском языке» (1908) (см.: [5]).

Новый этап в удмуртской литературе и культуре начинается после 1905 года. Революция 1905–1907 гг. явилась, по словам М. Горького, «актом великого культурного значения». Это время становления младописьменных литератур, которое характеризуется развитием малых прозаических жанров и особенно поэзии. В удмуртской словесности выделяются поэтические произведения, что, отражается и в терминологии, в частотности употребления терминов. В области литературоведения появляется три новых заимствованных термина – *стихотворение*, *поэт* и *рассказ*:

СТИХОТВОРЕНИЕ: (14) 1907 *стихотворения* ‘стихотворение’ (МихПерв., 11); 1919 (Г 9.VIII); 1920 (Г 24.I; Стих., 1); *стихотворение* 1963 (Ермаков, 78); 1975 (УдЛ, 19); 1987 (М № 2, 50), *стихотворення* (М № 6, 27); 1988 (М № 10, 7); 1989 (М № 5, 61); *стихотворения* (К № 6, 1); *стихотворение* (К № 9, 10); 2006 (И № 11–12, 30); 2009 (И № 1–2, 7) < р. стихотворение.

ПОЭТ: (69) 1913 *поэт* ‘поэт’ (Юбил., 19) < р. поэт [греч. poiētēs].

РАССКАЗ: (8) 1907 *рассказ* ‘поэт’ (МихПерв., 37) < р. рассказ.

Важно отметить, что термин *стихотворение* в письменных источниках фиксируется всего 14 раз, что после 1920 г. он практически исчезает и не встречается

* Здесь и далее этимологии слов использованы из Большого толкового словаря русского языка [3] и Словаря иностранных слов [4].

до 1963 г. (см. выше). Этот факт, несомненно, связан с именем удмуртского поэта, ученого, общественного деятеля Кузубая Герда: созданный им в 1920-е гг. термин *кылбур* 'стихотворение' укоренился не только в удмуртском языке, но и вошел в коми язык в форме *кывбур* (см.: [6]).

С творческой деятельностью Кузубая Герда связан и следующий этап развития удмуртской литературоведческой терминологии. Если проследить первую фиксацию слов, то большинство из них встречаются в произведениях Герда: сборник стихотворений «Крезьчи», брошюра «К. Маркс» (КМ), сборник песен «Эркин улонлэн кырзанысьсыз» (ЭУК) и др., а также в газете «Виль синь» (ВСинь) – впоследствии «Гудыри» (Г) и в журнале «Кенеш» (К), на страницах которых активно печатался поэт. Будучи одним из основоположников удмуртской литературы, он внес в свое творчество и тем самым – в удмуртскую литературу широкий диапазон жанров и методов, стилей и направлений. Освоив традиции и богатство русской и мировой литератур, он впервые ввел, такие сложнейшие формы поэзии, как фигурные стихи; такие жанры, как сонет, элегия, романс, ноктюрн, триолет, рондель и др. Он оперировал разнообразными стилистическими приемами, формами строфики, рифмовки, что, стало достоянием удмуртской литературоведческой терминологии. Так, жанром *элегия* впервые отмечено удмуртское стихотворение Кузубая Герда «Гужемлэн жьытэз» («Летний вечер»), *триолет* – «Шундыез кырзаны» («Воспевать солнцу»), *ноктюрн* – «Инмын жьуало кизилиос» («На небе горят звезды»). Изучение иноязычной терминологии, динамики вхождения интернациональных терминов в удмуртский язык во многом позволяет увидеть зарождение удмуртской филологической науки.

Судя по русским вхождениям, этот период в литературе был временем экспериментов, активных творческих поисков. В заимствованиях (см. ниже) отпечатались жанровые и образные искания художников слова, поиски новых средств выразительности, художественного метода изображения действительности – в целом, отразилась специфика эпохи и особенности мировосприятия зачинателей удмуртской литературы. Не случайно начало «Настоящего двадцатого века» (по Ахматовой) связывают с Первой мировой войной и двумя революциями 1905 и 1917 гг., с переходом России на новую фазу развития. В области удмуртского литературоведения также происходят своего рода революционные преобразования:

1916:

ЭЛЕГИЯ: (13) 1916 *элегия* 'элегия' (Гужемлэн жьытэз, 51) < р. элегия [греч. elegeia от elegos – жалобная песня].

1917:

АВТОР: (180) 1917 *автор* 'автор' (ВИ 10.04) < р. автор [лат. au(c)tor].

МЕТОД: (7) 1917 *метод* 'метод (обучения в школе)' (ВИ 2.X) < р. метод [греч. méthodos – путь исследования, учение].

ПОЭЗИЯ: (55) 1917 *поэзи* 'поэзия' (Крезьчи, 97) < р. поэзия [греч. poíēsis].

1918:

БАСНЯ: (1) 1918 *басня* 'басня' (ВСинь, 14.05) < р. басня.

КОМЕДИЯ: (86) 1918 *комедия* 'комедия' (Г 23.12) < р. комедия [греч. kōmōdia].

ПЕРЕВОДИТЬ КАРИСЬ: (1) 1918 *переводить карись* 'переводчик' (ВСинь, 6.09) < р. переводчик.

ПЕРЕВОДИТЬ КАРЫНЫ: (4) 1918 *переводить карыны* ‘переводить’ (ВСинь 25.06) < р. переводить.

ПИСАТЕЛЬ: (99) 1918 *писатель* ‘писатель’ (Г 26.11; ВСинь 20.07) < р. писатель.

ПРИЁМ: (4) 1918 *приём* ‘приём’ (ВСинь 2.08) < р. приём.

ПРИМЕТА: (15) 1918 *примета* ‘примета’, *примет* (ВСинь 20.07) < р. примета.

СТИЛЬ: (51) 1918 *стиль* ‘стиль’ (Г 26.11) < р. стиль [лат. *stylus*, от греч. *stylos* – грифель для писания; слово это служило также для обозначения способа изложения, склада речи].

1919:

БЫЛИНА: (20) 1919 *былина* ‘былина’ (ЮС 4.06) < р. былина.

ЛЕГЕНДА: (121) 1919 *легенда* ‘легенда’ (Г 15.09) < р. легенда [от лат. *legenda* – то, что должно быть прочитанным].

ЛИТЕРАТУРА: (216) 1919 *литература* ‘литература’ (Г 6.11) < р. литература [лат. *litteratura*].

ОБРАЗ: (143) 1919 *образ* ‘образ’ (ГСалдат 14.05; Г 11.10) < р. образ.

ТЕМА: (119) 1919 *тема* ‘тема’ (Г 20.12) < р. тема [греч. *thema* – то, что положено в основу].

ПЕРЕВОДИТЬ КАРОН: (2) 1919 *переводить карон* ‘перевод’ (Г 19.10) < р. перевод.

1920:

ГИМН: (79) 1920 *гимн* ‘гимн’ (ЭУК, 12) < р. гимн [греч. *hymnos*].

ДЕКЛАМАЦИЯ: (13) 1920 *декламация* ‘декламация’ (Г 5.06) < р. декламация [лат. *declamatio*].

ИДЕЯ: (121) 1920 *идея* ‘идея’ (КМ, 7; Лунач., 7) < р. идея [греч. *idéa* – образ, понятие, представление].

КРИТИКА: (105) 1920 *критика* ‘критика’ (Г 17.04) < р. критика [от греч. *kritiké* – искусство разбирать, судить].

ЛЕТОПИСЬ: (33) 1920 *летопись* ‘летопись’ (Г 5.10) < р. летопись.

ЛИТЕРАТОР: (110) 1920 *литератор* ‘литератор’ (Г 26.06) < р. литератор. [от лат. *litterator* – учитель грамоты].

ОЧЕРК: (156) 1920 *очерк* ‘очерк’ (КМ, 5; Лунач., 5) < р. очерк.

ПОЭМА: (136) 1920 *поэм* ‘поэма’ (Сюрло 4.10; Г 24.02, 28.04) < р. поэма [греч. *poiēma*].

ПОЭТЕССА: (53) 1920 *поэтесса* ‘поэтесса’ (Г 28.04) < р. поэтесса [франц. *poetesse*].

ПРОЗА: (76) 1920 *проза* ‘проза’ (Г 17.03) < р. проза [лат. *prosa*].

ПРОИЗВЕДЕНИЕ: (153) 1920 *произведение* ‘произведение’ (Сюрло 4.10) < р. произведение.

ПЬЕСА: (167) 1920 *пьеса* ‘пьеса’ (Г 6.03, 5.06, 11.10) < р. пьеса [франц. *pièce*].

ПЬЕСКА: (34) 1920 *пьеска* ‘пьеска’ (Сюрло 20.11; Г 6.03, 28.04, 5.08, 11.10) < р. пьеска.

РИФМА: (62) 1920 *рифма* ‘рифма’ (Г 17.03) < р. рифма [от греч. *rhythmos* – соразмерность, согласованность].

СБОРНИК: (93) 1920 *сборник* ‘сборник’, *кылбур* ~ ‘сборник стихов’ (МУК, 3) < р. сборник.

1921:

ДЕКЛАМИРОВАТЬ КАРЫНЫ: (16) 1921 *декламировать карыны* ‘декламировать’ (Г 2.11) < р. декламировать [от лат. *declamare*].

ЛИТЕРАТУРНОЙ УЖПУМ: (538) 1921 *литературной ужпум* ‘литературная проблема’ (Г 14.04) < р. литературная проблема.

ПЕРЕНОСНОЙ ЗНАЧЕНИЕ: (13) 1921 *переносной значение* ‘переносное значение’ (Г 22.10) < р. переносное значение.

РИТМ: (49) 1921 *ритм* ‘ритм’ (Сюрло 23.02) < р. ритм [греч. *rhythmòs*].

ТИП: (32) 1921 *тип* ‘тип’ (худ. образ, содержащий обобщённые черты какой-л. группы людей) (Дурись 16.09) < р. тип [греч. *typos* – отпечаток, форма, образец].

ТРАГЕДИЯ: (56) 1921 *трагедия* ‘трагедия’ (Г 26.10) < р. трагедия [греч. *tragōidia*].

ФЕЛЬЕТОН: (51) 1921 *фельетон* ‘фельетон’ (Г 30.08) < р. фельетон [франц. *feuilleton*].

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗА: (113) 1921 *художественной проза* ‘художественная проза’ (Дурись 16.09) < р. художественная проза.

1922:

КРИТИКОВАТЬ КАРЫНЫ: (63) 1922 *критиковать карыны* ‘критиковать’ (Г 13.03) < р. критиковать.

1923:

ДРАМАТУРГ: (110) 1923 *драматург* ‘драматург’ (Г 1.01) < р. драматург.

ИДЕАЛ: (58) 1923 *идеал* ‘идеал’ (Г 27.02) < р. идеал [франц. *idéal*].

ПОСЛОВИЦА: (92) 1923 *пословица* ‘пословица’ (Г 23.11) < р. пословица.

РУКОПИСЬ: (58) 1923 *рукопись* ‘рукопись’ (Г 4.12) < р. рукопись.

СИНОНИМ: (43) 1923 *синоним* ‘синоним’ (Г 22.07) < р. синоним [греч. *sinonymos*].

СОНОЕТ: (35) 1923 *сонет* ‘сонет’ (Г 7.07) < р. сонет [итал. *sonetto*].

ТЕЗИС: (23) 1923 *тезис* ‘тезис’ (Г 9.10) < р. тезис [греч. *thesis*].

ТРИОЛЕТ: (16) 1923 *триолет* ‘триолет’ (Г 20.01) < р. триолет [франц. *triolet*, от итал. *trio* – трое].

1924:

ЗАГАДКА: (26) 1924 *загадка* ‘загадка’ (Г 2.02) < р. загадка.

ЗАГАДКА-МАДИСЬКОН: (1) 1924 *загадка-мадиськон* ‘загадка’ (М № 7, 49) < р. загадка.

ЛЕКСИКОН: (7) 1924 *лексикон* ‘лексикон’ (Г 9.03) < р. лексикон [греч. *lexikon*].

ПИСАТЕЛЬНИЦА: (9) 1924 *писательница* ‘писательница’ (Г 16.12) < р. писательница.

ПОГОВОРКА: (64) 1924 *поговорка* ‘поговорка’ (Г 2.02) < р. поговорка.

ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ГЕРОЙ: (43) 1924 *положительной герой* ‘положительный герой’ (Г 10.02) < р. положительный герой.

ПРЕДАНИЕ: (48) 1924 *предание* ‘предание’ (Г 8.06) < р. предание.

РИТМИКА: (30) 1924 *ритмика* ‘ритмика’ (Г 17.07) < р. ритмика.

СИНТАКСИС: (33) 1924 *синтаксис* ‘синтаксис’ (Г 24.02) < р. синтаксис [греч. *syntaxis* – построение, порядок].

СОДЕРЖАНИЕ: (23) 1924 *содержание* ‘содержание’ (Г 11.03) < р. содержание.

ЭПИТЕТ: (32) 1924 *эпитет* ‘эпитет’ (Г 21.12) < р. эпитет [греч. *epitheton*].

ЭПОС: (45) 1924 *эпос* ‘эпос’ (ШЗ, 158) < р. эпос [от греч. *epos* – слово, повествование].

ЮМОР: (50) 1924 *юмор* ‘юмор’ (Г 11.03) < р. юмор [англ. *humour*].

1925:

БЕЛЛЕТРИСТИКА: (11) 1925 *беллетристика* ‘беллетристика’ (Г 13.02) < р. беллетристика [от франц. *belles lettres* – изящная словесность].

КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯД: (3) 1925 *календарной обряд* ‘календарный обряд’ (Г 27.11) < р. календарный обряд.

ПИСАНИЕ: (12) 1925 *писание* ‘писание’ (Г 17.02) < р. писание.

ПОЭТ-САМОУЧКА: (1) 1925 *поэт-самоучка* ‘поэт-самоучка’ (Г 31.10) < р. поэт-самоучка.

ПСЕВДОНИМ: (61) 1925 *псевдоним* ‘псевдоним’ (Г 25.08) < р. псевдоним [от греч. *pséudos* – ложь, вымысел и *ónyma* – имя].

СТИШОК: (4) 1925 *стишок* ‘стишок’ (Г 13.10) < р. стихок [от греч. stichos – ряд, строка].

1926:

ГИПЕРБОЛА: (24) 1926 *гипербола* ‘гипербола’ (Кыл, 37) < р. гипербола [от греч. hyperbolē – преувеличение].

ДАКТИЛЬ: (8) 1926 *дактиль* ‘дактиль’ (размер стиха) (Г 10.02) < р. дактиль [греч. daktylos].

ДиАЛОГ: (72) 1926 *диалог* ‘диалог’ (Кыл., 45) < р. диалог [греч. diálogo].

ДИССОНАНС: (4) 1926 *диссонанс* ‘диссонанс’ (Кыл., 46) < р. диссонанс [франц. dissonance].

ЗАГОЛОВОК: (25) 1926 *заголовок* ‘заголовок’ (Г 2.02; К № 4а, 39) < р. заголовок.

ИДЕАЛЬНОЙ ГЕРОЙ: (7) 1926 *идеальной герой* ‘идеальный герой’ (Г 31.01) < р. идеальный герой.

ИДЕЙНОЙ МИР: (1) 1926 *идейной мир* ‘идейный мир (произведения)’ (К № 4а, 39) < р. идейный мир.

ИМПРОВИЗАТОР: (4) 1926 *импровизатор* ‘импровизатор’ (Кыл, 54) < р. импровизатор.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: (2) 1926 *интерпретация* ‘интерпретация’ (Кыл, 57) < р. интерпретация [лат. interpretatio – разъяснение].

ИНТРИГА: (9) 1926 *интрига* ‘интрига’ (Кыл, 55) < р. интрига [франц. intrigue].

ИРОНИЯ: (17) 1926 *ирония* ‘ирония’ (Кыл, 58) < р. ирония [греч. eirōneia – при творство].

КОМИК: (9) 1926 *комик* ‘комик’ (Кыл, 66) < р. комик [греч. kōmikos].

КОММЕНТАРИЙ: (13) 1926 *комментарий* ‘комментарий’ (Кыл, 66) < р. комментарий [лат. commentarius].

КОНФЛИКТ: (81) 1926 *конфликт* ‘конфликт’ (Кыл, 71) < р. конфликт [лат. conflictus].

КЫЛБУР РАЗМЕР: (18) 1926 *кылбур размер* ‘стихотворный размер’ (К № 4а, 39) < р. стихотворный размер.

ЛИРИКА: (62) 1926 *лирика* ‘лирика’ (Кыл, 78) < р. лирика [от греч. lyrikós – произносимый под звуки лиры, чувствительный].

МЕТАМОРФОЗА: (9) 1926 *метаморфоза* ‘метаморфоза’ (Кыл, 83) < р. метаморфоза.

НАТУРАЛИСТ: (7) 1926 *натуралист* ‘натуралист’ (последователь натурализма) (Кыл, 89) < р. натуралист [от лат. natura – природа].

НОКТЮРН: (9) 1926 *ноктюрн* ‘ноктюрн’ (К № 3–4, 27) < р. р. ноктюрн [франц. nocturne – ночной]

ОБРАЩЕНИЕ: (18) 1926 *обращение* ‘обращение’ (Г 23.07) < р. обращение.

ПОВЕСТЬ: (128) 1926 *повесть* ‘повесть’ (Г 19.12) < р. повесть.

ПУБЛИЦИСТИКА: (54) 1926 *публицистика* ‘публицистика’ (Кыл, 104) < р. публицистика [от лат. publicus – общественный].

СТОПА: (17) 1926 *стопа* ‘стопа’ (в стихосложении) (К № 4а, 40) < р. стопа.

ХРОНИКА: (27) 1926 *хроника* ‘хроника’ (К № 4а, 39) < р. хроника [от греч. chronika – летопись].

1927:

АГРОПЬЕСА: (1) 1927 *агротьеса* ‘агротпьеса’ (Г 31.07) < р. агропьеса.

ДРАМА: (75) 1927 *драма* ‘драма’ (Г 31.10) < р. драма [от греч. drāma – действие, сценическое представление].

КУПЛЕТ: (38) 1927 *куплет* ‘куплет’ (Г 08.01) < р. куплет [франц. couplet].

МЕТАФОРА: (68) 1927 *метафора* ‘метафора’ (Г 15.01) < р. метафора [греч. *metaphorá* – перенесение].

ПОДЗАГОЛОВОК: (6) 1927 *подзаголовок* ‘подзаголовок’ (Г 10.08) < р. подзаголовок.

РИФМОВАТЬ КАРЫНЫ: (12) 1927 *рифмовать карыны* ‘рифмовать’ (Г 6.01) < р. рифмовать.

СРАВНЕНИЕ: (4) 1927 *сравнение* ‘сравнение’ (Г 13.01) < р. сравнение.

СЮЖЕТ: (69) 1927 *сюжет* ‘сюжет’ (Г 28.04) < р. сюжет [франц. *sujet*].

УТОПИЯ: (13) 1927 *утопия* ‘утопия’ (Г 15.01) < р. утопия [искусственное слово, состоящее из греч. отрицания *ou* – не и *topos* – место, букв. «нигде не находящееся»].

ФОЛЬКЛОР: (66) 1927 *фольклор* ‘фольклор’ (Г 18.11) < р. фольклор [англ. *folk-lore*].

1928:

АГИТПЬЕСА: (3) 1928 *агитпьеса* ‘агитпьеса’ (Г 16.05) < р. агитпьеса.

АМФИБРАХИЙ: (14) 1928 *амфибрахий* ‘амфибрахий’ (Г 10.02) < р. амфибрахий [греч. *amphi* – кругом; *brachys* – краткий].

АНАПЕСТ: (18) 1928 *анапест* ‘анапест’ (Г 10.02) < р. анапест [греч. *anapaistos* – отражённый назад].

АНЕКДОТ: (65) 1928 *анекдот* ‘анекдот’ (краткий устный шуточный рассказ с остроумной концовкой) (Г 6.01) < р. анекдот [греч. *anecdotos* – неизданный].

АНТОЛОГИЯ: (38) 1928 *антология* ‘антология’ (К № 15, 18) < р. антология [греч. *antologia* – собрание цветов, цветник].

БЕЛЛЕТРИСТ-ПРОЗАИК: (1) 1928 *беллетрист-прозаик* ‘беллетрист–прозаик’ (Г 27.05) < р. беллетрист-прозаик.

ЗАГЛАВИЕ: (5) 1928 *заглави* ‘заглавие’ (Г 9.09; Г 30.10) < р. заглавие.

КРИТИК: (149) 1928 *критик* ‘критик’ (Г 21.11; К № 18, 39) < р. критик [от греч. *kritikē* – суждение].

ЛИРИЗМ: (7) 1928 *лиризм* ‘лиризм’ (Г 9.09) < р. лиризм.

ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОЦЕСС: (19) 1928 *литературной процесс* ‘литературный процесс’ (Г 25.03) < р. литературный процесс.

ЛУДОРВАЙЩИНА: (3) 1928 *лудорвайщина* ‘лудорвайщина’ (Г 7.11) < р. лудорвайщина.

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ: (11) 1928 *олицетворение* ‘олицетворение’ (Г 8.02) < р. олицетворение.

ПОЭТИКА: (34) 1928 *поэтика* ‘поэтика’ (Г 8.02) < р. поэтика [греч. *poiētiké*].

РОМАН: (87) 1928 *роман* ‘роман’ (Г 4.05) < р. роман [франц. *roman*].

СМЫСЛ: (5) 1928 *смысл* ‘смысл’ (Г 14.11) < р. смысл.

ТВОРЧЕСТВО: (102) 1928 *творчество* ‘творчество’ (Г 25.03) < р. творчество.

УСТНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТВОРЧЕСТВО: (2) 1928 *устной поэтической творчество* ‘устное поэтическое творчество’ (Г 18.04) < р. устное поэтическое творчество.

ФАБУЛА: (12) 1928 *фабула* ‘фабула’ (Г 1.02) < р. фабула [лат. *fabula*].

ФУТУРИСТ: (5) 1928 *футурист* ‘футурист’ (Г 12.05) < р. футурист.

ХОРЕЙ: (16) 1928 *хорей* ‘хорей’ (Г 10.02) < р. хорей.

1929:

БЕГЕНТЫЛОВЩИНА: (5) 1929 *бегентыловщина* ‘бегентыловщина’ (Г 15.12) < р. бегентыловщина.

БЫТОПИСАТЕЛЬ: (3) 1929 *бытописатель* ‘бытописатель’ (Г 3.11) < р. бытописатель.

ВОДЕВИЛЬ: (36) 1929 *водевиль* ‘водевиль’ (К № 2, 37) < р. водевиль [франц. vaudeville].

ГЕРДОВЩИНА: (25) 1929 *гердовщина* ‘гердовщина’ (Г 20.12) < р. гердовщина.

ЗАВЯЗКА: (14) 1929 *завязка* ‘завязка (в художественном произведении)’ (Г 31.08) < р. завязка.

КЛАССИК: (89) 1929 *классик* ‘классик’ (К № 10–11, 44) < р. классик [лат. classicus].

КЛИШЕ: (6) 1929 *клише* ‘клише’ (Рабселькор, 58) < р. клише [франц. cliché].

КОМИЗМ: (5) 1929 *комизм* ‘комизм’ (Г 3.12) < р. комизм.

ПИСЛЕГОВЩИНА: 1929 *пислеговщина* ‘пислеговщина’ (Г 27.12) < р. пислеговщина.

РАЗВЯЗКА: (9) 1929 *развязка* ‘развязка’ (Г 31.08) < р. развязка.

САТИРА: (41) 1929 *сатира* ‘сатира’ (Г 3.12) < р. сатира [лат. satira – смесь; так определялся стихотворный жанр античности, в котором в виде пародий, посланий, памфлетов и т. д. разрабатывалась самая разнообразная тематика].

ФОРМАЛИЗМ: (20) 1929 *формализм* ‘формализм’ (Г 27.09) < р. формализм.

ФУТУРИЗМ: (8) 1929 *футуризм* ‘футуризм’ (Г 5.11) < р. футуризм [от лат. futurum – будущее].

1930:

ЖАНР: (106) 1930 *жанр* ‘жанр’ (К № 11, 42) < р. жанр [франц. genre].

КОМПОЗИЦИЯ: (83) 1930 *композиция* ‘композиция’ (К № 4, 67) < р. композиция [от лат. compositio – составление].

ЛИТМОНТАЖ: (2) 1930 *литмонтаж* ‘литмонтаж’ (К № 5–6, 88) < р. литмонтаж.

ОБРАЗНОСТЬ: (3) 1930 *образность* ‘образность’ (К № 12, 37) < р. образность.

ПАРАЛЛЕЛИЗМ: (16) 1930 *параллелизм* ‘параллелизм’ (К № 4, 32) < р. параллелизм.

ПСИХОЛОГИЗМ: (16) 1930 *психологизм* ‘психологизм’ (К № 11, 33) < р. психологизм.

УТОПИЧЕСКОЙ РОМАН: (6) 1930 *утопической роман* ‘утопический роман’ (Г 25.01) < р. утопический роман.

Таким образом, в 1920-е годы в удмуртском литературоведении уже сложился основной терминологический аппарат. Эти теоретические термины в известной степени позволяют наблюдать путь развития удмуртской литературной науки: за короткое время (всего 10 лет) происходит практически выравнивание художественного опыта младописьменной удмуртской литературы по отношению к литературам старописьменной традиции, в частности, русской. При этом становление и развитие жанровой системы, поиски методов изображения действительности, несомненно, шли под влиянием русской литературы. И, конечно, модернизация, расцвет русской культуры, ее «Серебряный век» не могли не отразиться на удмуртской литературе, о чем можно судить и по литературоведческой терминологии: такие термины, как *течение* и *направление* в письменных источниках фиксируются только в 30-е годы XX-го столетия, но уже встречаются названия различных модернистских направлений и течений (*футуризм*, *психологизм*, *формализм* и др.), стилей, жанров, соответствующих духу времени (*утопия*, *декламация*, *гимн* и др.). При этом фиксируются и специфические термины, характерные только для удмуртской литературы. Например, под влиянием социально-политических событий возникли идеологические

течения, отразившиеся в таких терминах, как *гердовщина*, *пислеговщина*, *бегентыловищина*, *лудорвайщина*.

В 1930–1940-е гг. с появлением в удмуртской литературе многих новых писателей (Т. Архипов, М. Коновалов, П. Блинов, А. Лужанин, И. Гаврилов, Ф. Кедров), наметилась тенденция развития всех жанров, усиливается критика, ведущей темой становятся строительство социализма и воспитание нового человека. Начинает складываться метод социалистического реализма, основные положения которого были приняты в 1934 г. на I-ом Всесоюзном съезде писателей. Эти тенденции определяют и литературоведческую терминологию (далее список приводим с указанием источника первой фиксации, по которым можно проследить издания на удмуртском языке по годам):

1931: драматургия (Вормомы, 5) < р. драматургия [греч. *dramatoourgia*]; **схематизм** (произведений) (Вормомы, 7) < р. схематизм.

1932: направление (Кылб., № 6, 5) < р. направление; **течение** (УК 16.01) < р. течение.

1933: идеализм (ГорьЛен., 55) < р. идеализм [франц. *idéalisme*]; **классической искусство** (ГорьЛен., 16) < р. классический; **летописец** (Гук., 18) < р. летописец; **мистификация** (ГорьЛен., 61) < р. мистификация [франц. *mystification* от лат. *mysterium* – таинство и *facio* – делаю]; **реалист** (ГорьЛен., 25) < р. реалист; **романтик** (ГорьЛен., 8) < р. романтик; **романтика** (ГорьЛен., 51) < р. романтика; **такт** (ГорьЛен., 3) < р. такт [нем. *Takt* от лат. *tactus* – прикосновение]; **юмористика** (ГорьЛен., 26) < р. юмористика.

1934: абсурд (СталКолхоз, 33) < р. абсурд [лат. *absurdum*]; **беллетрист** (Кылб., № 4–5, 81) < р. беллетрист; **гиперболизировать карыны** (Кылб., № 6, 56) < р. гиперболизировать; **классика** (Кылб., № 6, 55) < р. классика; **литературно-критической газет** (Кылб., № 4–5, 82) < р. литературно-критическая газета; **натурализм** (Кылб., № 7, 8) < р. натурализм [франц. *naturalisme* от лат. *naturalis* – природный, естественный].

1935: лирической кылбур (Конв., 313; Корепан., 58) < р. лирическое стихотворение; **палеограф** (Сьодэн, 81) < р. палеограф [греч. *palaios* – древний и *graphō* – пишу]; **публицист** (Конв., 305) < р. публицист [лат. *publicus* – общественный]; **сказитель** (Сьодэн, 4) < р. сказитель; **текст** (Сьодэн, 92) < р. текст [лат. *textum* – связь, соединение].

1936: вульгаризм (Вить ар, 34) < р. вульгаризм [лат. *vulgaris* – обыкновенный, простой]; **миф** (Жуйков, 135) < р. миф. [от греч. *mýthos* – сказание, предание]; **поэтической творчество** (УК 16.01) < р. поэтическое творчество; **рассказчик** (УК 16.01) < р. рассказчик.

1937: интонация (УК 17.01) < р. интонация [лат. *intonare* – громко произносить]; **пунктуация** (УК 17.01) < р. пунктуация [от лат. *punctum* – точка]; **романист** (Кап. ныл, 73) < р. романист; **фантастической выжыкыл** (УК 11.01) < р. фантастическая сказка; **фольклорной материал** (УК 11.01) < р. фольклорный материал; **эпитафия** (Кап. ныл, 83) < р. эпитафия [греч. *epitaphios (logos)* надгробное (слово)].

1938: аллегория (Антирел., 21) < р. аллегория [греч. *allos* – иной и *agoreuo* – говорю]; **замысел** (ВКП(б), 292) < р. замысел; **мифология** (Антирел., 19) < р. мифология [от греч. *mýthos* – предание, сказание и *lógos* – учение]; **мотив** (Антирел., 20) < р. мотив [франц. *motif*]; **пафос** (ВКП(б), 326) < р. пафос [греч. *πάθος* – страсть, воодушевление]; **послание** (Амунд., 131) < р. послание; **прообраз** (ВКП(б), 86) < р. прообраз; **реализм** (УК 18.01) < р. реализм [лат. *realis* – действительный]; **талант** (ВКП(б), 19) < р. талант; **фельетонно-критической статья** (ВКП(б), 110) < р. фельетонно-критическая статья; **эпиграф** (ВКП(б), 28) < р. эпиграф [греч. *epigraphē* – надпись]; **юмористической журнал** (Амунд., 28) < р. юмористический журнал.

1939:

1940: *лирической героиня* (СталЛен., 495) < р. героиня; *прозаической произведение* (Нянь, 174) < р. прозаическое произведение; *пролог* (СталЛен., 7) < р. пролог [греч. proloogos < pro – перед, впереди + logos – слово, речь]; *публицистической жанр* (СталЛен., 250) < р. публицистический жанр; *фантастика* (Нянь, 6) < р. фантастика [греч. phantastice – способность воображать].

В годы Великой Отечественной войны самым действенным стало слово поэтов–лириков и писателей–публицистов. Эпоха породила замечательную по силе и искренности поэзию, гневную публицистику, суровую прозу, иронические стилизации в духе старинных романсов, народных напевов и др. Это отразилось на вхождении заимствованной литературоведческой терминологии в удмуртский язык:

1941: *многоточие* (Вамыш, 196) < р. многоточие; *пейзаж* (Чефр., 30) < р. пейзаж [франц. paysage]; *плагиат* (Вамыш, 258) < р. плагиат [от лат. plagiatum – похищенный]; *повтор* (Вамыш, 38) < р. повтор; *реплика* (Вамыш, 126) < р. реплика [франц. réplique от лат. replico – возражаю]; *сказка* (Вамыш, 114) < р. сказка; *трагикомедия* (Вамыш, 95) < р. трагикомедия; *трагикомизм* (Вамыш, 278) < р. трагикомизм; *традиция* (Вамыш, 224) < р. традиция.

1942:

1943: *антропоморфизм* (Вашк. ист., 12) < р. антропоморфизм [греч. anthrōpos – человек и morphe – вид, форма]; *дифирамб* (Вашк. ист., 138) < р. дифирамб [греч. dithyrambos]; *муза* (ВашкИст., 84) < р. муза [греч. Moûsa]; *риторика* (Вашк. ист., 147) < р. риторика [греч. rhētorikḗ]; *трагик* (Вашк. ист., 141) < р. трагик; *трилогия* (Вашк. ист., 140) < р. трилогия [греч. trilogia, от tri – три, logos – слово]; *фантастической сказание* (Вашк. ист., 71) < р. фантастическое сказание.

1944–1947:

1948: *инверсия* (СУ 17.01) < р. инверсия [лат. inversio – перестановка]; *исторической статья* (Вакчияк 120) < р. историческая статья; *поэт-гражданин* (СУ 17.01) < р. поэт-гражданин; *поэт-демократ* (СУ 17.01) < р. поэт-демократ.

1949: *баллада* (Повестьёс, 26) < р. баллада [прованс. ballar – плясать]; *баснописец* (Повестьёс, 46) < р. баснописец; *героика* (СУ 18.01) < р. героика; *зарисовка* (СУ 18.01) < р. зарисовка; *комической роль* (Повестьёс, 35) < р. комическая роль; *образной кыл* (СУ 16.01) < р. образное слово; *ода* (Повестьёс, 42) < р. ода [греч. ὕμνῃ – песня]; *романс* < р. романс [франц. romanse]; *сатирической газета* (СУ 18.01) < р. сатирическая газета.

Заметим, в военные и послевоенные годы удмуртская литературоведческая терминология не развивается, с 1944 по 1947 г. ни один заимствованный термин не входит в нее. К тому же большинство из вышеперечисленных терминов зафиксированы в переводных текстах: в учебнике для 5–6 классов «Вашкала дуннелэн историез» («История древнего мира»), в переводах работы В. И. Ленина «Одйг вамыш азылань, кык вамыш берлань» («Шаг вперед, два – назад») и повестей А. С. Пушкина (Пушкин А. С. Повестьёс). Сложившаяся ситуация объяснима тем, что единственной целью литературы была борьба с врагом. Еще в предвоенные годы Константин Симонов заметил, что «перья штампуют из той же стали, которая завтра пойдет на штыки». Во время войны в советской литературе появились великие произведения, но исследовательских

работ в области литературоведения не было, отсюда и минимальное количество вхождений.

Эпоха второй половины 1950-х – начала 1960-х получила название «оттепели», по одноименной повести И. Эренбурга. После смерти И. В. Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956) несколько ослабились жесткие рамки политической цензуры применительно к художественным произведениям, что позволило писателям вернуться к прекрасным традициям классики – выдвигать сложные сюжетные и композиционные линии в произведениях разных стилей и жанров.

1950: *античный писатель* (Шор даур, 189) < р. античный писатель; *литературовед* (Калин., 281) < р. литературовед; *пейзажист* (Чехов, 16) < р. пейзажист; *писатель-дворян* (Чехов, 13) < р. писатель-дворян; *прототип* (СталМарк., 32) < р. прототип [греч. πρότυπον].

1951: *новелла* (СУ 19.01) < р. новелла [итал. novella]; *парадокс* (Корол., 6) < р. парадокс [от греч. παράδοχος – необыкновенный, странный]; *рококо* (Тургенев, 223) < р. рококо [франц. rococo]; *романтизм* (Корол., 140) < р. романтизм [франц. romantisme]; *трагической герой* (Корол., 237) < р. трагический герой.

1952: *драматургической ужснум* (СУ 18, 01) < р. драматургическая проблема; *мемуарной жанр* (СУ 18.01) < р. мемуарный жанр; *поэт-коммунист* (СУ 18.01) < р. поэт-коммунист; *приключенческой роман* (Бабаевск. I, 149) < р. приключенческий роман.

1953: *калька* (Зоя, 123) < р. калька [франц. calque]; *поэт-оратор* (Зоя, 199) < р. поэт-оратор; *эпопея* (СУ 18.01) < р. эпопея [от греч. epos – повествование и ποιεῖν – творю].

1954: *научно-фантастической проза* (Мусатов, 191) < р. научно-фантастическая проза; *писатель-романист* (Бабаевск. II, 23) < р. писатель-романист; *фарс* (Герой, 69) < р. фарс [франц. far от лат. – начинаю]; *эпиграмма* (Герой, 67) < р. эпиграмма [греч. epigramma – надпись].

1955:

1956: *автобиографической повесть* (РУС, 16) < р. автобиографическая повесть; *авторство* (РУС, 17) < р. авторство; *анахронизм* (РУС, 23) < р. анахронизм [древнегреч. ana – вверх, против; chronos – время]; *антитеза* (РУС, 25) < р. антитеза [греч. antitesis – противоречие, противоположение]; *афоризм* (РУС, 31) < р. афоризм [греч. aphorismos – изречение, афоризм]; *байка* (побасенка, сказочка в разговорной речи) (РУС, 32) < р. байка; *бульварной роман* (РУС, 67) < р. бульварный роман; *житие* (Горький, 227) < р. житие; *мадригал* (РУС, 423) < р. мадригал [франц. madrigal]; *мемуар* (Горький, 265; РУС, 439) < р. мемуары [франц. mémoires – воспоминания]; *омоним* (РУС, 600) < р. омоним. [греч. homós – одинаковый]; *пародия* (Фадеев, 525) < р. пародия [греч. parōidia]; *персонаж* < р. персонаж [франц. personnage]; *положительной персонаж* (СУ 15.01) < р. положительный персонаж; *поэтизировать карыны* (РУС, 791) < р. поэтизировать; *троп* (СУ 15.01) < р. троп [греч. tropos].

1957: *беллетристической книгаос* (Ленин, 86) < р. беллетристические книги; *действие* (в пьесе) (Ленин, 138) < р. действие; *декларативной кылбур* (СУ 15.10) < р. декларативное сихотворение; *импровизировать карыны* (Ленин, 137) < р. импровизировать; *писатель-беллетрист* (Ленин, 60) < р. писатель-беллетрист; *писатель-народник* (Ленин, 73) < р. писатель-народник; *писатель-сатирик* (СУ 16.01) < р. писатель-сатирик; *поэтической валанъёс* (ХМурат, 90) < р. поэтические понятия; *пьеса* (Ленин, 122) < р. пьеса [франц. pièce].

1958: *музыкально-литературной композиция* (СУ 14.01) < р. музыкально-литературная композиция; *ремарка* (Ворд. пал I, 85) < р. ремарка [франц. remarque].

1959: *агитлитература* (Орф., 36) < р. агитлитература; *байронизм* (Орф., 43) < р. байронизм; *декламатор* (Орф., 71) < р. декламатор; *декларативность* (Орф., 71) < р. декларативность; *документально-хроникальной повесть* (Орф., 73) < р. документально-хроникальная повесть; *критиковать карон* (Ворд. пал. II, 40) < р. критика; *лубочной литература* (Русь, 33) < р. лубочная литература; *прозаик* (Ворд. пал. II, 127) < р. прозаик; *схематичной образ* (СУ 13.01) < р. схематичный; *типичность* (Ворд. пал. II, 157) < р. типичность.

1960: *мистика* (КПСС, 134) < р. мистика [от греч. *mystikós* – таинственный]; *памфлет* (КПСС, 580) < р. памфлет [англ. *pamphlet*]; *художественность* (КПСС, 642) < р. художественность.

1961:

1962: *аллитерация* (Яшин 1962, 23) < р. аллитерация [лат. *alliteratio*]; *вымысел* (Носов, 104; Яшин 1962, 34) < р. вымысел; *герой* (в произведении) (Яшин 1962, 36) < р. герой; *драма жанр* (Яшин 1962, 5) < р. драматический жанр; *звукоподражание* (Яшин 1962, 14) < р. звукоподражание; *идейной пуштрос* (Яшин 1962, 46) < р. идейной содержание; *импровизация* (Яшин 1962, 61) < р. импровизация [лат. *improvisare* – без подготовки, неожиданно]; *каламбур* (Яшин 1962, 23) < р. каламбур [франц. *calembour*]; *лексической материал* (Метод., 8) < р. лексический материал; *метафорической образ* (Яшин 1962, 13) < р. метафорический образ; *новеллистической выжыкыл* (Яшин 1962, 42) < р. новеллистическая сказка; *сатирик* (ОжС., 20) < р. сатирик; *символической течение* (Яшин 1962, 4) < р. символическое течение; *созвучие* (Яшин 1962, 14) < р. созвучие; *фольклорист* (Яшин 1962, 8) < р. фольклорист.

1963: *интимной лирика* (Ворд. пал. III, 59) < р. интимный; *кульминация* (Ермаков, 23) < р. кульминация [от лат. *culmen* (*culminis*) – вершина]; *монолог* (Шудо, 60) < р. монолог [от греч. *μόνος* – один и *λόγος* – слово]; *эпилог* (Ермаков, 68) < р. эпилог [от греч. *επί* – после, *λόγος* – слово, букв. послесловие].

1966: *абстракционизм* (УЛ 351) < р. абстракционизм [< лат. *abstractio* – отвлечение]; *белой стих* (УЛ 361) < р. белый стих; *буриме* (УЛ 88) < р. буриме [франц. *bouts* – концы, *rimés* – рифмованные]; *гиперболизм* (УЛ 108) < р. гиперболизм; *градация* (УЛ 252) < р. градация; *дактилической строка* (УЛ 247) < р. дактилическая строка; *жанровой сценаос* (УЛ 96) < р. жанровые сцены; *заклинание* (УЛ 23) < р. заклинание; *идейно-тематической пуштрос* (УЛ 50) < р. идейно-тематическое содержание; *идейно-художественной инты* (УЛ 107) < р. идейно-художественное место; *идейно-эстетической принцип* (УЛ 413) < р. идейно-эстетический принцип; *иллюстративно-культурнической верос* (УЛ 122) < р. иллюстративно-культурнический рассказ; *историко-литературной процесс* (УЛ 3) < р. историко-литературный процесс; *композиционной тус* (УЛ 51) < р. композиционный вид; *кульминационной вакыт* (УЛ 107) < р. кульминационный период; *лейтмотив* (УЛ 409) < р. лейтмотив [нем. *Leitmotiv*]; *лексика* (УЛ 113) < р. лексика [от греч. *lexikos* – словарный, словесный]; *лексика фонд* (К № 3, 79) < р. лексический фонд; *лирик* (УЛ 26) < р. лирик; *лиричность* (УЛ 56) < р. лиричность; *литератор-просветитель* (УЛ 6) < р. литератор-просветитель; *литературоведение* (УЛ 207) < р. литературоведение; *литературоведческой анализ* (УЛ 68) < р. литературоведческий анализ; *лозунговой кылбур* (УЛ 204) < р. лозунговое стихотворение; *мелодраматизм* (УЛ 276) < р. мелодраматизм; *метонимия* (УЛ 160) < р. метонимия [от греч. *metonymía* – переименование]; *миниатюра* (УЛ 414) < р. миниатюра [итал. *miniatura*]; *несобственно-прямой речь* (УЛ 146) < р. несобственно-прямая речь; *образно-поэтической структура* (УЛ 399) < р. образно-поэтическая структура; *очерк жанр* (УЛ 98) < р. очерковый жанр; *очерк-монолог* (УЛ 341) < р. очерк-монолог; *очеркист* (УЛ 123) < р. очеркист; *пейзажной лирика* (УЛ 29) < р. пейзажная лирика; *переводчица* (УЛ 331) < р. переводчица;

перенос (УЛ 252) < р. перенос; *периодизация* (УЛ 3) < р. периодизация; *писатель-гуманист* (УЛ 72) < р. писатель-гуманист; *повествование* (УЛ 107) < р. повествование; *повесть-хроника* (УЛ 99) < р. повесть-хроника; *поэма-легенда* (УЛ 271) < р. поэма-легенда; *поэт-переводчик* (УЛ 217) < р. поэт-переводчик; *пьеса-агитка* (УЛ 124) < р. пьеса-агитка; *реалистической суред* (УЛ 8, 393) < р. реалистическая картина; *рефрен* (УЛ 288) < р. рефрен [франц. refrain]; *ритмизованной проза* (УЛ 35) < р. ритмизованная проза; *ритмической параллелизм* (УЛ 239) < р. ритмический параллелизм; *риторичность* (УЛ 75) < р. риторичность; *рифмовка* (УЛ 329) < р. рифмовка; *романтической литература* (УЛ 108) < р. романтическая литература; *сквозной сюжет* (УЛ 100) < р. сквозной сюжет; *смысловой нагрузка* (УЛ 184) < р. смысловая нагрузка; *спондей* (УЛ 252) < р. спондей [греч. spondeios < spondē – жертвенное возлияние]; *стилистика* (УЛ 399) < р. стилистика; *стихосложение* (УЛ 23) < р. стихосложение; *строфа* (УЛ 17) < р. строфа [греч. strophē – поворот]; *строфика* (УЛ 60) < р. строфика; *эпической поэма* (УЛ 192) < р. эпическая поэма.

К концу 1960-х гг. цензура вновь ужесточается, знаменуя начало «застоя», на что тут же реагирует терминология, как наиболее чувствительная часть лексики любого языка. В этот период в удмуртской литературе появляются крупные произведения известных писателей Г. Красильникова, Т. Архипова, И. Гаврилова, С. Самсонова и др., но в литературоведческой терминологии отразился период «застоя»:

1967–1970:

1971: *анаграмма* (Йырт.,8) < р. анаграмма [греч. ana – пере; gramma – буква]; *контекст* (Лексика, 17) < р. контекст [от лат. contextus – сплетение, соединение]; *летописной ужъёс* (Лексика, 12) < р. летописные труды; *омофон* (Лексика, 24) < р. омофон [греч. homós – одинаковый, rhōnē – звук, голос]; *омоформа* (Лексика, 23) < р. омоформа.

1972–1974:

С 1975 г. активизируется процесс вхождения русских заимствований. Более того, по мере развития литературоведческой науки расширяются семантические рамки терминов: часто понятия не укладываются в пределы одного слова – и появляются сложносоставные термины, образованные на основе различных ключевых терминов. К основным понятиям присоединяются термины, заключающие дифференциальные признаки, выделяющие данный термин из системы ему подобных. В качестве компонентов могут выступать оба заимствованных слова (например, *поэт-драматург*, *произведение-трагедия*, *роман-трилогия* и т. д.) или же один элемент может быть русским заимствованием, другой – удмуртским словом (*баллада-кырзан*, *поэма-выжыкыл*, *верос-сказание* и т. д.). Среди последних встречаются и такие термины, в которых один компонент – перевод другого, так что добавочный элемент не несет дополнительной смысловой нагрузки, например: *чур-строфа*, *кылбурчи-поэт* и др.

Особое внимание обращают на себя многочисленные сложные конструкции типа *кылбурчи-драматург*, *писатель-журналист*, *писатель-путешественник* и др. Вероятно, их появление связано с активизацией критических, исследовательских работ, обобщающего характера, в которых определяются особенности литературы прошлых лет. Эти слова – как раз один из ярких признаков удмуртской литературы

пер. пол. XX в.: они отразили универсализм писателей того времени. Само время возложило на них задачу быть разносторонними, многогранными, активными.

1975: *ассонанс* (УдЛ., 40) < р. ассонанс [франц. *assonance* < лат. *assono* – звучу в лад]; *баллада-кырӟан* (УдЛ., 12) < р. песнь-баллада; *басня жанр* (УдЛ., 190) < р. жанр басни; *верлибр* (УдЛ., 274) < р. верлибр [франц. *vers libre* – свободный стих]; *гротеск* (УдЛ., 191) < р. гротеск [< франц. *grotesque* – причудливый, затейливый; смешной < ит. *grotta* – грот]; *диалогия* (УдЛ., 204) < р. диалогия; *документальность* (УдЛ., 203) < р. документальность; *документально-художественной жанр* (УдЛ., 236) < р. документально-художественный жанр; *драматизм* (УдЛ., 43) < р. драматизм; *инверсия амал* (УдЛ., 89) < р. метод инверсии; *интонационно-логической кульминация* (УдЛ., 187) < р. интонационно-логическая кульминация; *историко-художественной произведение* (УдЛ., 176) < р. историко-художественное произведение; *коллизия* (УдЛ., 79) < р. коллизия [лат. *collisio*]; *кольцевой рифма* (УдЛ., 45) < р. кольцевая рифма; *кылбурчи-драматург* (УдЛ., 225) < р. поэт-драматург; *кылбурчи-патриот* (УдЛ., 145) < р. поэт-патриот; *кылбурчи-революционер* (УдЛ., 239) < р. поэт-революционер; *лиро-эпической жанр* (УдЛ., 249) < р. лиро-эпический жанр; *магистрал* (УдЛ., 238) < р. магистрал [лат. *magistralis* – руководящий]; *монументальной произведение* (УдЛ., 275) < р. монументальное произведение; *неологизм* (УдЛ., 87) < р. неологизм [греч. *neos* – новый и *logos* – слово]; *образ-тип* (УдЛ., 191) < р. образ-тип; *обрядовой кырӟан* (УдЛ., 5) < р. обрядовая песня; *онегинской строфа* (УдЛ., 171) < р. онегинский; *перевод* (УдЛ., 6) < р. перевод; *писатель-журналист* (УдЛ., 241) < р. писатель-журналист; *писатель-прозаик* (УдЛ., 53) < р. писатель-прозаик; *писатель-путешественник* (УдЛ., 56) < р. писатель-путешественник; *полифония амал* (УдЛ., 63) < р. метод полифонии; *портретной очерк* (УдЛ., 148) < р. портретный очерк; *поэма-выжыкыл* (УдЛ., 13) < р. поэма-сказка; *поэт-драматург* (УдЛ., 238) < р. поэт-драматург; *поэт-фронтовик* (УдЛ., 145) < р. поэт-фронтовик; *прозаик-журналист* (УдЛ., 149) < р. прозаик-журналист; *произведение-трагедия* (УдЛ., 259) < р. произведение-трагедия; *пролетарской литература* (УдЛ., 69) < р. пролетарская литература; *пролетарской писатель* (УдЛ., 55) < р. пролетарский писатель; *публицистика амал* (УдЛ., 122) < р. метод публицистики; *резонёр* (УдЛ., 183) < р. резонёр [франц. *raisonneur*, от *raisonner* – рассуждать]; *рифмаяськыны* (УдЛ., 9) < р. рифмоваться; *поэтической род* (УдЛ., 5) < р. поэтический род; *роман-диалогия* (УдЛ., 199) < р. роман-диалогия; *силлаботонической стихосложение* (УдЛ., 274) < р. силлаботоническое стихосложение; *символизм* (УдЛ., 38) < р. символизм; *синтаксической период* (УдЛ., 50) < р. синтаксический период; *смежной рифма* (УдЛ., 171) < р. смежная рифма; *социалистической реализм* (УдЛ., 31) < р. социалистический реализм; *социально-политической повесть* (УдЛ., 58) < р. социально-политическая повесть; *социально-психологической роман* (УдЛ., 204) < р. социально-психологический роман; *строфа-предложение* (УдЛ., 50) < р. строфа-предложение; *терцина* (УдЛ., 238) < р. терцина; *типизировать карыны* (УдЛ., 127) < р. типизировать; *типической образ* (УдЛ., 255) < р. типический образ; *типология* (УдЛ., 79) < р. типология; *тонической стихосложение* (УдЛ., 41) < р. тоническое стихосложение; *творческой роман* (УдЛ., 175) < р. творческий роман; *традиционной амал* (УдЛ., 123) < р. традиционный приём; *триолет* (УдЛ., 44) < р. триолет [франц. *triolet* < итал. *trio* – трое]; *фольклор произведение* (УдЛ., 13) < р. фольклорное произведение; *хроникальной повесть* (УдЛ., 58) < р. хроникальная повесть.

1976: *верос-сказание* (Яшин 1976, 70) < р. рассказ-сказание; *гиперболической образ* < р. гиперболический образ; *зачин* (Яшин 1976, 94) < р. зачин; *идеал* (КПСС XX, 6) <

р. идеал; *историко-типологической чюштон* (Яшин 1976, 9) < р. историко-типологическое сравнение; *календарной обрядовой поэзия* (Яшин 1976, 9, 148) < р. календарная обрядовая поэзия; *монолог-исповедь* (Яшин 1976, 113) < р. монолог-исповедь; *речитатив* (Яшин 1976, 123) < р. речитатив [итал. recitativo от recitare – декламировать]; *тотемизм* (Яшин 1976, 48) < р. тотемизм; *тотемистической предание* (Яшин 1976, 48) < р. тотемистическое предание.

1977: *барокко* (СУ 11.08) < р. барокко [португ. perola barrosa – жемчужина неправильной формы. Термин «барокко» принят в искусствоведении, но часто применяется к литературе]; *изобразительной амальёс* (Ушаков, 5) < р. изобразительные средства; *классицизм* (СУ 12.08) < р. классицизм [нем. Klassizismus]; *писатель-фантаст* (СУ 10.08) < р. писатель-фантаст; *фантаст* (СУ 9.08) < р. фантаст.

1978: *калькировать карыны* (Кылысько, 223) < р. калькировать; *писатель-горожанин* (Кылысько, 190) < р. писатель-горожанин.

1979: *палиндром* (Яшина, 17) < р. палиндром [от греч. palíndromos – движущийся обратно].

1980:

1981–1983:

1984: *акростих* (Ермол., 196) < р. акростих [греч. akros – крайний; stichos – стих]; *детектив* (Гужем 30) < р. детектив [лат. detectio – раскрытие, англ. detect – открывать, обнаруживать, detective – сыщик]; *женской рифма* (Ермол., 170) < р. женская рифма; *идеальной образ* (Гужем, 102) < р. идеальный образ; *критик-литературовед* (Олёк, 9) < р. критик-литературовед; *критической реализм* (Ермол., 18) < р. критический реализм; *писатель-реалист* (Ермол., 17) < р. писатель-реалист; *повесть-памфлет* (Ермол., 191) < р. повесть-памфлет; *силлабо-тонической размер* (Ермол., 87) < р. силлабо-тонический размер; *фельетончи* (СУ 15.07) < р. фельетонист.

1985:

1986: *верос-монолог* (М № 2, 1) < р. рассказ-монолог; *детективной жанр* (М № 2, 49; № 3, 47) < р. детективный жанр; *драматургия жанр* (М № 1, 13) < р. драматургический жанр; *импрессионизм* (М № 8, 49) < р. импрессионизм [франц. impression – впечатление]; *импрессионист* (М № 8, 49) < р. импрессионист; *иронической подтекст* (М № 9, 42) < р. иронический подтекст; *каламбурно-юмористической рифма* (М № 12, 46) < р. каламбурно-юмористическая рифма; *кантата* (СУ 15.01) < р. кантата [итал. cantata]; *легенда-верос* (М № 7, 51) < р. легенда-рассказ; *макаронической амал* (М № 6, 55) < р. макаронический метод; *мемуарно-биографической жанр* (К № 2, 99) < р. мемуарно-биографический жанр; *мемуарно-документальной литература* (М № 3, 52) < р. мемуарно-документальная литература; *мифологической персонаж* (М № 11, 39) < р. мифологический персонаж; *очеркист-публицист* (М № 3, 43; № 7, 55) < р. очекист-публицист; *писатель-декабрист* (СУ 15.07) < р. писатель-декабрист; *писатель-фронтвик* (М № 5, 19) < р. писатель-фронтвик; *плагиатство* (М № 2, 13) < р. плагиатство; *повествователь* (М № 3, 46) < р. повествователь; *подстрочник* (М № 1, 9; № 2, 62; № 10, 34) < р. подстрочник; *подтекст* (М № 9, 42; № 11, 35) < р. подтекст; *полифония* (М № 8, 49) < р. полифония [от греч. poly – многочисленный и phōnē – звук]; *портрет жанр* (М № 3, 54) < р. портретный жанр; *поэт-публицист* (М № 1, 54) < р. поэт-публицист; *проза жанр* (М № 1, 13) < р. прозаический жанр; *публицистичность* (М № 2, 46; № 3, 46) < р. публицистичность; *роман-исследование* (М № 9, 44) < р. роман-исследование; *руна* (М № 11, 2) < р. руны [от финск. runo – стихотворение, песнь]; *сарказм* (М № 7, 49) < р. сарказм; *сатирик-реалист* (М № 3, 52) < р. сатирик-реалист; *синекдоха* (М № 8, 44) < р. синекдоха [греч. synekdochē]; *социально-бытовой портманкыл*

(И № 9, 47) < р. социально-бытовая сказка; **стопа-кыл** (М № 7, 44) < р. стопа-слово; **тетралогия** (М № 2, 46) < р. тетралогия [греч. tetralogia, tetra – четыре и logos – слово]; **типичной герой** (М № 1, 18) < р. типичный герой; **учёный-стихoved** (М № 7, 44) < р. учёный-стихoved; **фацеция** (короткий шуточный рассказ типа анекдота) (М № 11, 37) < р. фацеция; **философско-психологической проза** (М № 11, 38) < р. философско-психологическая проза; **фольклористика** (М № 11, 39) < р. фольклористика; **хориямб** (М № 11, 39) < р. хориямб; **юмореска** (М № 2, 13) < р. юмореска.

1987: автор-повествователь (М, № 3, 48) < р. автор-повествователь; **анафора** (Яшин, 25) < р. анафора [греч. anaphora – вынесение вверх]; **антигерой** (М № 3, 50) < р. антигерой; **выжыкыл-поэма** (Яшин 1987, 11) < р. сказка-поэма; **выжыкыл-пьеса** (М № 3, 55) < р. сказка-пьеса; **гиперболизация** (М № 9, 53) < р. гиперболизация; **дольник** (вид тонического стиха) (М № 8, 55) < р. дольник; **загадка-шутка** (Яшин 1987, 27) < р. загадка-шутка; **звукopодражательной кыл** (М № 3, 49) < р. звукopодражательное слово; **имажинистской течение** (М № 8, 50) < р. имажинистское течение; **импровизационной текст** (М № 6, 45) < р. импровизационный текст; **калык творчество** (СУ 8.08) < р. народное творчество; **контаминация** (М № 12, 53) < р. контаминация [от лат. contaminatio – смешение]; **лениниана** (М № 3, 47) < р. лениниана; **литератор-переводчик** (М № 12, 33) < р. литератор-переводчик; **мифической персонаж** (К № 10, 58) < р. мифический персонаж; **музыкально-поэтической жанр** (М № 6, 47; Яшин 1987, 138) < р. музыкально-поэтический жанр; **обрядовой поэзия** (М № 7, 54) < р. обрядовая поэзия; **омограф** (М № 9, 52) < р. омограф [греч. homós – одинаковый и gráphō – пишу]; **переводчик-кылбурчи** (М № 3, 49) < р. переводчик-поэт; **персонаж-образ** (М № 6, 24) < р. персонаж-образ; **писатель-демократ** (М № 4, 25) < р. писатель-демократ; **писатель-краевед** (М № 11, 46) < р. писатель-краевед; **писатель-педагог** (М № 11, 48) < р. писатель-педагог; **побасенка** (Яшина, 79) < р. побасенка; **поэт-боец** (М № 5, цв. вкл. с. 1) < р. поэт-боец; **поэт-лирик** (М № 3, 48) < р. поэт-лирик; **поэт-трибун** (М № 3, 48) < р. поэт-трибун; **притча** (М № 11, 7) < р. притча; **проблематика** (М № 9, 53) < р. проблематика; **пьеса-выжыкыл** (М № 2, 1; № 3, 1; № 4, 56) < р. пьеса-сказка; **роман-трилогия** (М № 3, 53) < р. роман-трилогия; **сага** (М № 9, 53) < р. сага [сканд. saga]; **силлабической стихосложение** (Яшин, 139) < р. силлабическое стихосложение; **символистской течение** (М № 8, 50) < р. символистское течение; **социально-бытовой драма** (М № 4, 50) < р. социально-бытовая драма; **социалистической драма** (М № 4, 50) < р. социалистическая драма; **сюжет линия** (М № 9, 55) < р. сюжетная линия; **тавтология** (М № 12, 53) < р. тавтология [греч. tauto – то же самое и logos – слово]; **текстологической уж** (М № 3, 50) < р. текстологическая работа; **фельетонист** (М № 5, 62) < р. фельетонист; **фольклорно-литературной жанр** (Яшин 1987, 116) < р. фольклорно-литературный жанр; **художественно-изобразительной троп** (М № 12, 57) < р. художественно-изобразительный троп; **эпифора** (Яшин 1987, 25) < р. эпифора [греч. epihora < epi – после и phoros – несущий].

1988: анафорической рифма (М № 11, 41) < р. анафорическая рифма; **верос-легенда** (М № 10, 5) < р. рассказ-легенда; **героизм кырзан** (М № 12, обл. с. 3) < р. героическая песня; **героизм произведение** (М № 12, 54) < р. героическое произведение; **героизм сказание** (СУ 15.07) < р. героическое сказание; **идейной поэзия** (М № 3, 64; № 6, 46; № 8, 38) < р. идейная поэзия; **кылбурчи-поэт** (М № 12, 47) < р. поэт; **кылбурчи-сатирик** (М № 12, 61) < р. поэт-сатирик; **лирико-эпической произведение** (М № 7, 47) < р. лирико-эпическое произведение; **литератор-рапповец** (М № 12, 44) < р. литератор-рапповец; **лыдзись-агитатор** (М № 7, 42) < р. читатель-агитатор; **лыдзись-декламатор** (М № 7, 42) < р. читатель-декламатор; **масс-литература** (М № 2, 49; № 5, 50) <

р. масс-литература; **мистерия** (М № 1, 54) < р. мистерия [от греч. *mystérion* – таинство]; **переводчик-редактор** (М № 6, 47) < р. переводчик-редактор; **персонификация** (М № 1, 46) < р. персонификация [лат. *persona* – личность, лицо и *facere* – делать]; **писатель-большевик** (М № 8, 25) < р. писатель-большевик; **поэт-воин** (М № 1, 55) < р. поэт-воин; **поэт-интернационалист** (М № 1, 48) < р. поэт-интернационалист; **пролетарской поэт** (М № 2, 48) < р. пролетарский поэт; **реминисценция** (М № 9, 24) < р. реминисценция [от лат. *reminiscentia* – воспоминание]; **роман-хроника** (СУ 15.07) < р. роман-хроника; **сказовой ѓр** (М № 11, 43) < р. сказовое направление; **художественно-документальной повесть** (М № 7, 1) < р. художественно-документальная повесть; **художник-поэт** (М № 6, 55) < р. художник-поэт; **юморист** (М № 6, 47) < р. юморист.

1989: **автор лист** (М № 6, 9) < р. авторский лист; **автор-герой** (М № 2, 54) < р. автор-герой; **выжыкыл-басня** (М № 9, 46) < р. сказка-басня; **драматург-писатель** (М № 1, 34) < р. драматург-писатель; **есениница** (М № 2, 34; № 3, 55) < р. есениница; **клерикальной литература** (М № 3, 56) < р. клерикальный [от лат. *clericalis* – церковный]; **литературщина** (М № 4, 47) < р. литературщина; **мелодрама** (М № 1, 57) < р. мелодрама [от греч. *mélōs* – напев, песня и *drāma* – действие, сценическое представление]; **научной фантастика** (М № 3, 50) < р. научная фантастика; **писатель-классик** (М № 11, 47) < р. писатель-классик; **писатель-оэчи** (М № 2, 26) < р. писатель-фронтвик; **поэма-гожэтэ** (М № 2, 26) < р. поэма-письмо; **поэма-малпаськон** (М № 5, 47) < р. поэма-размышление; **поэт-патриот** (М № 2, 25) < р. поэт-патриот; **предреалистической просветительство** (М № 3, 58; № 4, 58) < р. предреалистическое просветительство; **публицистика монолог** (К № 9, 40) < р. публицистический монолог; **сентиментализм** (М № 7, 54) < р. сентиментализм [франц. *sentiment* – чувство, чувствительность]; **сентименталистика** (М № 4, 59) < р. сентименталистика; **структурно-семиотической направление** (М № 9, 29) < р. структурно-семиотическое направление; **творческой аспѳртэмлык** (М № 5, 53) < р. творческое своеобразие; **текстология** (М № 10, 59) < р. текстология [лат. *textus* – ткань, связь [слов] и греч. *logos* – наука]; **типичной образ** (М № 11, 59) < р. типичный образ; **трактат** (М № 3, 43) < р. трактат [лат. *tractatus* – обсуждение, рассмотрение].

1990: **апокрифической произведение** (произведения в средневековых христианских литературах, связанные со сказаниями Библии, житиями святых, легендами о рае, аде, конце мира) (К № 6, 58) < р. апокрифическое произведение; **герой-батыр** (К № 9, 44) < р. герой-богатырь; **евангельской притча** (К № 4, 55) < р. евангельская притча; **жанр пѳртэмлык** (К № 9, 50) < р. жанровое своеобразие; **импрессионизм стиль** (К № 10, 45) < р. импрессионистский стиль; **канонической евангелие** (К № 6, 58) < р. каноническое евангелие; **комедиограф** (К № 6, 46) < р. комедиограф; **комедия-лубок** (К № 12, 24) < р. комедия-лубок; **кылбур-ода** (К № 6, 36) < р. стихотворение-ода; **кылбур-проповедь** (К № 4, 54) < р. стихотворение-проповедь; **образ-мотив** (Кенеш, № 4, 54) < р. образ-мотив; **перифраза** (К № 4, 56) < р. перифраза [греч. *períphrasis*]; **писатель-интернационалист** (К № 5, 53) < р. писатель-интернационалист; **повесть-выжыкыл** (К № 4, 1; № 7, 1) < р. повесть-сказка; **постсимволист** (К № 4, 57) < р. постсимволист; **поэт-гуманист** (К № 4, 55) < р. поэт-гуманист; **ретроспекция** (К № 10, 46) < р. ретроспекция [лат. *retro* – обратно, назад и *spectare* – смотреть]; **символист** (К № 4, 57) < р. символист; **сравнительно-типологической амал** (К № 7, 51) < р. сравнительно-типологический способ; **типизация** (К № 3, 53) < р. типизация [греч. *typos* – отпечаток, форма, образец]; **философской лирика** (К № 1, 47) < р. философская лирика; **эстрадной лирика** (К № 1, 48) < р. эстрадная лирика; **юдытйсь-просветитель** (К № 2, 4) < р. просветитель.

1991: **верос-эссе** (М № 10, 5) < р. рассказ-эссе; **кылбур-сонет** (К № 6, 21) < р. стихотворение-сонет; **кылбурчи-журналист** (К № 4, 56) < р. поэт-журналист; **лирико-**

исторической эпос (К № 8, 13) < р. лирико-исторический эпос; *метафорист* (К № 6, 52) < р. метафорист; *новелла-портрет* (К № 6, 3) < р. новелла-портрет; *писатель-документалист* (К № 2, 26) < р. писатель-документалист; *писатель-профессионал* (К № 3, 55) < р. писатель-профессионал; *писатель-фольклорист* (К № 3, 23) < р. писатель-фольклорист; *писатель-этнограф* (М № 3, обл. с. 2) < р. писатель-этнограф; *постимпрессионист* (К № 6, 52) < р. постимпрессионист; *рондель* (К № 4, 51) < р. рондель [франц. rond – круглый]; *силлаботоника* (К № 2, 58) < р. силлаботоника; *сюрреализм* (К № 6, 52) < р. сюрреализм [франц. surréalisme букв. сверхреализм]; *типаж* (К № 3, 57) < р. типаж; *эпиграмма-эпитафия* (К № 9, 50) < р. эпиграмма-эпитафия; *юмореска-репортаж* (К № 5, 1) < р. юмореска-репортаж.

1992: *античной мифология* (Зуева, 18) < р. античная мифология; *античной поэма* (Зуева, 18) < р. античная поэма; *античной традиция* (Зуева 19) < р. античная традиция; *бард* (К № 6, 8) < р. бард; *быличка* (Зуева, 19) < р. быличка; *выжыкыл-концерт* (К № 1, 51) < р. сказка-концерт; *декламационно-речитативной куриськоньёс* (К № 7, 51) < р. декламационно-речитативный воззвания; *диптих* (Зуева, 132) < р. диптих [греч. δίπτυχος букв. складень]; *идеальной льдзись* (Зуева, 45) < р. идеальный читатель; *классицист* (Зуева, 20) < р. классицист; *комикс* (К № 11, 56) < р. комикс [англ. comics, мн. ч. от comic – комический, юмористический, смешной]; *куплетъёс-строфаос* (К № 8, 58) < р. куплеты-строфы; *лирико-драматической повесть* (Зуева, 100) < р. лирико-драматическая повесть; *лирико-психологической верос* (Зуева, 90) < р. лирико-психологическая повесть; *литературовед-фольклорист* (К № 9, 28) < р. литературовед-фольклорист; *микросюжет* (Зуева, 41; К № 10, 60) < р. микросюжет; *новеллистика* (Зуева, 40) < р. новеллистика; *писатель-философ* (К № 7, 58) < р. писатель-философ; *постсимволизм* (Зуева, 37) < р. постсимволизм; *пьеса-книга* (К № 1, 44) < р. пьеса-книга; *рифмаяны* (К № 5, 58) < р. рифмовать; *рифмовать карон* (К № 2, 56) < р. рифмовка; *роман-памфлет* (Зуева, 5) < р. роман-памфлет; *рондо* (ВК № 5, 14) < р. рондо [итал. gondo]; *световидовщина* (Зуева, 79) < р. световидовщина; *хокку* (Зуева, 9, 117) < р. хокку.

1993: *архетип* (ВК № 2, 37) < р. архетип [греч. arche – начало, typos – тип]; *двустиише* (ВК № 6, 82) < р. двустиише; *литота* (ВК № 2, 33) < р. литота; *мемуар жанр* (К № 3, 52) < р. мемуарный жанр; *модернизм* (К № 12, 53; ВК № 2, 36) < р. модернизм [франц. modernisme от лат. modernus – новый, современный]; *неомифология* (К № 7, 62) < р. неомифология; *образ-символ* (К № 8, 60) < р. образ-символ; *повесть-легенда* (К № 11, 18) < р. повесть-легенда; *пьеса-сцена* (К № 9, 28) < р. пьеса-сцена; *романтика шёмо литература* (К № 1, 63) < р. романтическая литература; *семиотика* (К № 7, 58) < р. семиотика [греч. sēmeiōtikē – учение о знаках]; *силлабика* (ВК № 6, 81) < р. силлабика; *соцлегенда* (К № 5, 47) < р. соцлегенда; *соцреализм* (К № 5, 48) < р. соцреализм; *утопической конструкция* (К № 7, 58) < р. утопическая конструкция.

1994: *драматизация* (ВК № 4, 10) < р. драматизация; *журналист-кылбурчи* (К № 7, 18) < р. журналист-коммунист; *интермедия* (К № 5, 24) < р. интермедия; *композиция амал* (К № 3, 22) < р. композиционный приём; *критик-профессионал* (К № 3, 20) < р. критик-профессионал; *литератор-югдытйсь* (Югдыт., 5) < р. литератор-просветитель; *образ-архетип* (К № 2, 51) < р. образ-архетип; *прозаик-новеллист* (К № 3, 20) < р. прозаик-новеллист; *прозаик-романист* (К № 3, 20) < р. прозаик-романист; *пьеса-прогноз* (К № 4, 37) < р. пьеса-прогноз; *структурализм* (К № 6, 56) < р. структурализм; *хронотоп* (К № 6, 58) < р. хронотоп [от др.-греч. χρόνος, «время» и τόπος, «место»]; *эпичность* (К № 3, 22) < р. эпичность.

1995: *кылбурчи-лирик* (К № 5, 64) < р. поэт-лириик; *кылбурчи-фронтовик* (К № 4, 2) < р. поэт-фронтовик; *скетч* (К № 8, 28) < р. скетч [англ. sketch – набросок]; *устной поэзия* (К № 8, 19) < р. устная поэзия; *чур-строфа* (К № 9, 13) < р. строка-строфа.

1996: *беглоиада* (К № 1, 54) < р. беглоиада; *герой-персонаж* (К № 5, 54) < р. герой-персонаж; *детектив жанр* (К № 6, 41) < р. детективный жанр; *канонической произведение* (К № 11–12, 91) < р. каноническое [греч. κανόν – правило, предписание] произведение; *кылбур-триолет* (К № 2, 9) < р. стихотворение-триолет; *кылсуред-образ* (К № 3, 5) < р. словообраз; *лиро-эпика* (К № 3, 4) < р. лиро-эпика; *миф амал* (К № 5, 55) < р. приём мифа; *мифологем* (К № 2, 48) < р. мифологема; *мифология пуштрос* (К № 5, 56) < р. мифологическое содержание; *неомифологизм* (К № 5, 56) < р. неомифологизм; *очерк-эссе* (К № 11–12, 88) < р. очерк-эссе; *писатель-литературовед* (УД 18.01) < р. писатель-литературовед; *писатель-эмигрант* (К № 8, 49) < р. писатель-эмигрант; *поэт-романтик* (К № 4, 36) < р. поэт-романтик; *синоним ряд* (К № 8, 31) < р. синонимический ряд; *синоним-дублет* (М № 4, 63) < р. синоним-дублет; *сюрреализм амал* (К № 9, 25) < р. сюрреалистический метод; *эпичной кылан-буранъёс* (К № 3, 4) < р. эпичные предания.

1997: *гротескно-фантастической образ* (Арек., 33) < р. гротескно-фантастический образ; *драмо-эпика* (К № 9, 57) < р. драмо-эпика; *имажинист* (Финл., 99) < р. имажинист; *калькирование* (К № 2, 54) < р. калькирование; *критик-рецензент* (К № 11–12, 25) < р. критик-рецензент; *кылбур-философема* (К № 6, 58) < р. стихотворение-философема; *лужанизм* (К № 10, 60) < р. лужанизм; *метафоризм* (К № 1, 49) < р. метафоризм; *кылбур метрика* (К № 1, 6) < р. стихотворная метрика; *микрokonтекст* (БК № 5, 20) < р. микроконтекст; *неоклассицизм* (Финл., 91) < р. неоклассицизм; *неоклассицист* (Финл., 93) < р. неоклассицист; *октава* (БК № 2, 4) < р. октава. [от лат. octavus – восьмой]; *палеографической реконструкция* (Даур, 39) < р. палеографическая реконструкция; *парадокс* (БК № 5, 44) < р. парадокс [от греч. παράδοχος – необыкновенный, странный]; *писатель-лирик* (Финл., 100) < р. писатель-лирик; *постмодерн* (К № 1, 49) < р. постмодерн; *постмодернизм* (К № 1, 49) < р. постмодернизм; *постсоцреализм* (К № 1, 49) < р. постсоцреализм; *прозаизм* (БК № 5, 43) < р. прозаизм; *прозаик-классик* (К № 9, 23) < р. прозаик-классик; *прозаик-лирик* (К № 4, 95) < р. прозаик-лирик; *роман-малнаськон* (К № 11–12, 24) < р. роман-раздумье; *романной жанр* (К № 1, 13) < р. романский жанр; *романной традиция* (М № 3, 47) < р. романская традиция; *роман-тодэ вайн* (К № 10, 50) < р. роман воспоминания; *сюрреалист* (Финл., 92) < р. сюрреалист; *трагедия-трилогия* (К № 9, 56) < р. трагедия-трилогия; *эпичной луэм* (К № 9, 58) < р. эпичность.

1998: *выжыкыл-повесть* (К № 7, 32) < р. сказка-поэма; *журналист-писатель* (К № 9, 54) < р. журналист-писатель; *катарсис* (УД 16.07) < р. катарсис [греч. κάθαρσις – очищение]; *катрен* (К № 8, 47) < р. катрен [франц. quatrain]; *постструктурализм* (К № 6, 52) < р. постструктурализм; *поэма-баллада* (К № 6, 38) < р. поэма-баллада; *символ-образ* (К № 21, 57) < р. символ-образ; *терцет* (К № 8, 47) < р. терцет [итал. terzetto]; *феминизм* (К № 6, 52) < р. феминизм [франц. féminisme < лат. femina – женщина]; *этнофутуризм* (УД 16.07) < р. этнофутуризм; *этнофутуристической произведение* (УД 16.07) < р. этнофутуристическое произведение.

1999: *диалогизм* (К № 1, 55) < р. диалогизм; *жанрово-стилистической пöртэмлык* (К № 4, 53) < р. жанрово-стилистическое своеобразие; *идеализировать карон* (К № 4, 53) < р. идеализация; *интертекст* (К № 1, 55) < р. интертекст; *книга-трилогия* (К № 6, 62) < р. книга-трилогия; *кылбурчи-фольклорист* (К № 11–12, 84) < р. поэт-фольклорист; *мемуаристика* (К № 3, 58) < р. мемуаристика; *младописьменной литература* (К № 6, 61) < р. младописьменная литература; *очеркист-писатель* (К № 11–12, 81) < р. очеркист-писатель; *паремияс* (К № 2, 54) < р. паремия [греч. παροιμία – изречение, притча]; *писатель-урбанист* (К № 6, 46) < р. писатель-урбанист; *писатель-югдытйсь* (К № 4, 55) < р. писатель-просветитель; *побывальщина* (К № 11–12, 80) < р. побывальщина; *повесть-трилогия* (К № 9, 29) < р. повесть-трилогия; *постмодернист* (К № 1, 56) <

р. постмодернист; *реинкарнация* (К № 3, 55) < р. реинкарнация; *ритмо-мелодической интонация* (К № 4, 54) < р. ритмо-мелодическая интонация; *романистка* (писатель, автор романов) (К № 6, 60) < р. романистка; *синкретизм* (К № 4, 52) < р. синкретизм [греч. synkrētismos – соединение, объединение]; *скрытой цитирование* цитирование' (К № 2, 54) < р. скрытое цитирование; *этнограф-фольклорист* (К № 9, 53) < р. этнограф-фольклорист; *этнолитература* (К № 6, 62) < р. этнолитература.

2000: *балладной поэма* (Вапуме, 128) < р. балладная поэма; *верос-юмореска* (К № 7, 60) < р. верос-юмореска; *герой-автор* (К № 7, 60) < р. герой-автор; *дядюковщина* (Вапуме, 170) < р. дядюковщина; *комедия-фарс* (К № 2, 28) < р. комедия-фарс; *кылбур-роман* (К № 1, 58) < р. стихотворение-роман; *кылбурчи-воин* (Вапуме, 43) < р. поэт-воин; *кылбурчи-трибун* (Вапуме, 32) < р. поэт-трибун; *кылбурчи-учёной* (К № 4, 34) < р. поэт-ученый; *кылбурчи-философ* (Вапуме, 11) < р. поэт-философ; *литература йылол* (К № 10, 55) < р. литературная традиция; *литературатодон* (К № 3, 57) < р. литературоведение; *литературатодосчи* (К № 11–12, 90) < р. литературовед; *литературоведениысь многоголосие* (Вапуме, 96) < р. многоголосие; *монолог-притча* (УЛ08, 203) < р. монолог-притча; *нылкышно клаузула* (УД 7.12) < р. женская клаузула [лат. clausula – заключение]; *образ-обобщение* (Вапуме, 48) < р. образ-обобщение; *пейзаж лирика* (Вапуме, 29) < р. пейзажная лирика; *пиитика* (К № 4, 23) < р. пиитика (устар., то же, что *поэтика*); *романтико-лирической ёр* (К № 2, 43) < р. романтико-лирическое течение; *роман-эпопея* (УЛ08, 4) < р. роман-эпопея; *свободной стих* (ВК № 3, 32) < р. свободный стих; *филолог-литературовед* (К № 4, 47) < р. филолог-литературовед; *художественной приём* (Вапуме, 137) < р. художественный приём; *юмор жанр* (Вапуме, 145) < р. юмористический жанр

2001: *выжыкыл-спектакль* (К № 9, 49) < р. сказка-спектакль; *гендер дышетонъёс* (К № 1, 60) < р. гендерные течения; *герменевтика* (К № 7, 56) < р. герменевтика [греч. hermēneutikē (technē) – истолковательное (искусство)]; *двусмысленность* (К № 4, 52) < р. двусмысленность; *космогонической миф* (К № 4, 51) < р. космогонический миф; *сюрреалистической кылбур* (К № 11–12, 54) < р. сюрреалистическое стихотворение; *тодосчи-писатель* (К № 4, 56) < р. ученый-писатель;

2002: *героико-эпической поэма* (И № 11–12, 18) < р. героико-эпическая поэма; *имажинизм* (Есенин, 47) < р. имажинизм [франц. image – образ]; *калькировать карон* (Есенин, 29) < р. калькирование; *лирик-философ* (Есенин, 35) < р. лирик-философ; *многопроблемной роман* (Движение, 211) < р. многопроблемный роман; *писатель-драматург* (К № 1, 61) < р. писатель-драматург; *поэзия дунне* (Есенин, 39) < р. поэтический мир; *триолет-строфа* (К № 8, 103) < р. триолет-строфа; *фольклорно-утопической дунневалан* (Движение, 147) < р. фольклорно-утопическое миропонимание; *хроника* (К № 4, 101) < р. хроника [греч. chronikos – относящийся ко времени]; *этнофутуризм ёр* (К № 1, 68) < р. этнофутуристическое направление; *этнофутурист* (К № 9–10, 20) < р. этнофутурист.

2003: *бульвар литература* (К № 10, 85) < р. бульварная литература; *деконструкция* (К № 4, 92) < р. деконструкция; *детективно-массовой пуитросъём литература* (К № 7, 92) < р. литература детективно-массового содержания; *лексической значение* (УКыл, 37) < р. лексическое значение; *летопись гоажъясь* (УД 15.07) < р. летописец; *мемуарно-биографической литература* (К № 7, 91) < р. мемуарно-биографическая литература; *мифологизм* (К № 1, 91) < р. мифологизм; *нарицательной герой* (К № 4, 84) < р. нарицательный герой; *неореализм* (К № 7, 91) < р. неореализм; *очерк-дневник* (Туриос, 98) < р. очерк-дневник; *постимпрессионизм* (К № 7, 94) < р. постимпрессионизм; *поэт-сатирик* (К № 4, 88) < р. поэт-сатирик; *рифмованной проза* (К № 4, 85) <

р. рифмованная проза; **роман-тетралогия** (К № 4, 96) < р. роман-тетралогия; **серебряный век** (К № 1, 83) < р. серебряный век; **социальной драма** (К № 7, 61) < р. социальная драма; **стилистической фигура** (УКыл, 190) < р. стилистическая фигура; **строфа** (УКыл, 109) < р. строфа; **сюрреализм öр** (К № 10, 55) < р. сюрреалистическое направление.

2004: гекзаметр (Яратонэ, 165) < р. гекзаметр [греч. hexametron < hex – шесть + metron – мера]; **декаданс** (К № 1, 79) < р. декаданс; **карнавализация** (И № 3–4, 76) < р. карнавализация; **конфликтной завязка** (И № 9, 67) < р. конфликтная завязка; **кылбур-миниатюра** (К № 11–12, 97) < р. стихотворение-миниатюра; **кылбурчи-этнофутурист** (К № 8, 20) < р. поэт-этнофутурист; **мифологического сознание** (Ингур, 222) < р. мифологическое сознание; **монодрама** (И № 5–6, 51) < р. монодрама; **панк-поэтесса** (И № 1–2, 29) < р. панк-поэтесса; **писатель-очеркист** (Яратонэ, 349) < р. писатель-очеркист; **пост-этно-психо-футу-реализм** (И № 3–4, 56) < р. пост-этно-психо-футу-реализм; **поэтизм** (К № 11–12, 96) < р. поэтизм; **поэт-художник** (Яратонэ, 307) < р. поэт-художник; **пьеса-диспут** (Яратонэ, 172) < р. пьеса-диспут; **пьеса-спектакль** (Яратонэ, 72) < р. пьеса-спектакль; **робинзопада** (И № 1–2, 8) < р. робинзопада; **стилизовать карыны** (И № 1–2, 28) < р. стилизация; **традици** (И № 5–6, 22) < р. традиция; **фантастика произведения** (И № 1–2, 9) < р. фантастическое произведение; **феминизация** (УД 06.07) < р. феминизация; **форма** (произведения) (Ингур, 254) < р. форма; **характер** (героев) (Яратонэ, 287) < р. характер; **чур-метафора** (К № 11–12, 95) < р. строка-метафора; **юмор-серекъян** (Яратонэ, 118) < р. юмор-смех.

2005: выжыкыл-миф (И № 9, 47) < р. сказка-миф; **классик кылбур** (К № 10, 86) < р. классическое стихотворение; **лирико-патриотической кылбур** (К № 3, 95) < р. лирико-патриотическое стихотворение; **лироэпос** (К № 10, 102) < р. лироэпос; **мифопоэтической традиция** (И № 5–6, 7) < р. мифопоэтическая традиция; **пен-клуб** (УД 28.10) < р. пен-клуб; **писатель-романтик** (К № 4, 94) < р. писатель-романтик; **постреализм** (И № 9, 40) < р. постреализм; **поэт-берыктійсь** (К № 2, 97) < р. поэт-переводчик; **рецензия-эссе** (К № 3, 76) < р. рецензия-эссе; **роман-уйбыртон** (И № 9, 41) < р. роман-бред; **эпос жанр** (К № 4, 87) < р. эпический жанр; **этнофутури лироэпос** (К № 1, 102) < р. этнофутуристический лироэпос.

2006: изосиллабизм (И № 11–12, 31) < р. изосиллабизм; **маргинал-кылбурчи** (УД 28.11) < р. маргинал-поэт; **метароман** (К № 3, 98) < р. метароман; **мистика произведения** (К № 7, 97) < р. мистическое произведение; **мистификация-кылпöртмаськон** (И № 11–12, 29) < р. мистификация; **монопалиндром** (И № 11–12, 32) < р. монопалиндром; **палиндромальной руннетейн** (руническая фраза) (И № 11–12, 32) < р. палиндромальный руннетейн; **палиндропроза** (И № 11–12, 33) < р. палиндропроза; **поэт-солдат** (К № 8, 101) < р. поэт-солдат; **рубайи** (И № 11–12, 29) < р. рубаи [араб. rubai – учетверённый]; **рунической фразы** (И № 11–12, 32) < р. руническая фраза; **саунд-поэзия** (И № 11–12, 28) < р. саунд-поэзия; **транспозия** (И № 11–12, 28) < р. транспозия; **фольклорной текст** (И № 11–12, 32) < р. фольклорный текст; **хайку** (И № 11–12, 30) < хайку.

2007: выжыкыл-предание (К № 10, 14) < р. сказка-предание; **звукоспись** (И № 1–2, 4) < р. звукоспись; **классика литература** (К № 4, 94) < р. классическая литература; **литература амал** (К № 3, 100) < р. литературный метод; **литература кыл** (К № 1, 76) < р. литературный язык; **мифофольклорной иньет** (И № 11–12, 14) < р. мифофольклорный; **мифопоэтической öр** (И № 3–4, 53) < р. мифопоэтическое течение; **неоромантической кылбур** (И № 5–6, 140) < р. неоромантическое стихотворение; **повесть-роман** (К № 5–6, 88) < р. повесть-роман; **поп-литература** (И № 7–8, 13) < р. поп-литература; **поп-роман** (И № 7–8, 13) < р. поп-роман; **поэт-этнофутурист** (И № 5–6, 98) < р. поэт-этнофутурист; **пьеса-малпаськон** (К № 1, 44) < р. пьеса-раздумье; **роман-выжыкыл** (К № 2, 84) <

р. роман-сказка; *роман-симфония* (И № 1–2, 10) < р. роман-симфония; *сатирик-кылбурчи* (И № 5–6, 183) < р. сатирик-поэт; *символ-метафора* (К № 8, 81) < р. символ-метафора; *соцреалистической литература* (К № 11–12, 93) < р. соцреалистическая литература; *суфийской поэзия* (И № 1–2, 10) < р. суфийская поэзия; *утопической кылбур* (И № 3–4, 52) < р. утопическое стихотворение; *философ-прозаик* (И № 3–4, 6) < р. философ-прозаик; *философия лирика* (К № 11–12, 88) < р. философская лирика.

2008: *абстрактной герой* (УЛ08, 83) < р. абстрактный герой; *философия абсурда* (УЛ08, 322) < р. философия абсурда; *автобиографизм амал* (УЛ08, 279) < р. приём автобиографизма; *акрочур* (УЛ08, 335) < р. акрострока; *антонимия поэтическая* (УЛ08, 335) < р. поэтическая антонимия; *былина-эпос* (Дорвыжы, 137) < р. былина-эпос; *венок* [сонетов] (ЕрмПозд., 29) < р. венок; *верос-антиутопия* (И № 1–2, 80) < р. рассказ-антиутопия; *выжыкыл-роман* (№ 5–6, 206) < р. сказка-роман; *выжыкыл-сказка* (И № 5–6, 25) < р. сказка; *героико-бытовой трагедия* (ЕрмПозд., 94) < р. героико-бытовая трагедия; *гротескной образ* (УЛ 08, 162) < р. гротескный образ; *деконструктивизм* (К № 3, 94) < р. деконструктивизм; *деталь* (в произведении) (ЕрмПозд., 19) < р. деталь; *документализм* (в повести) (УЛ 08, 219) < р. документализм; *драматург-классик* (ЕрмПозд., 179) < р. драматург-классик; *евангелие* (УЛ 08, 7) < р. евангелие; *звукоряд* (УЛ08, 89) < р. звукоряд; *идеально-утопической тусбуй* (УЛ08, 117) < р. идеально-утопический портрет; *интонационной буёлъёс* (в поэзии) (УЛ08, 44) < р. интонационные краски; *историко-мифологической сказание* (И № 5–6, 38) < р. историко-мифологическое сказание; *кольцевой композиция* (УЛ08, 384) < р. кольцевая композиция; *комедийной драма* (УЛ08, 297) < р. комедийная драма; *конфликт-драма* (УЛ08, 380) < р. конфликт-драма; *кылбур-некролог* (УЛ08, 43) < р. стихотворение-некролог; *кылбур-триптих* (УЛ08, 371) < р. стихотворение-триптих; *кылбур-фельетон* (УЛ08, 45) < р. стихотворение-фельетон; *кылбурчи-этнограф* (УЛ08, 246) < р. поэт-этнограф; *кылсуред* (УЛ 08, 365) < р. образ (словесный); *легенда-мадёс* (И № 7–8, 20) < р. легенда-рассказ; *лиризм тодметъёс* (УЛ08, 402) < р. лирические признаки; *лирика кылбуръёс* (ЕрмПозд., 9; УЛ08, 16) < р. лирические стихи; *лирико-драматической поэзия* (УЛ08, 66) < р. лирико-драматическая поэзия; *лирико-философской кылбур* (УЛ08, 230) < р. лирико-философское стихотворение; *лирико-эпической поэма* (УЛ08, 208) < р. лирико-эпическая поэма; *лиропоэтической поэма* (УЛ08, 12) < р. лиропоэтическая поэма; *мелодрама ѓр* (ЕрмПозд., 93) < р. мелодраматическое направление; *метапоэтической тема* (К № 3, 89) < р. метапоэтическая тема; *метафора-образ* (ЕрмПозд., 135) < р. метафора-образ; *метафора-символ* (УЛ 08, 365) < р. метафора-символ; *метафоризация* (УЛ08, 359) < р. метафоризация; *мини-сюжет* (К № 3, 97) < р. мини-сюжет; *мистика образъёс* (УЛ 08, 181) < р. мистические образы; *мифотворчество* (И № 11–12, 14) < р. мифотворчество; *модернизм йылогъёс* (УЛ 08, 120) < р. традиции модернизма; *монолог-диалог* (УЛ 08, 402) < р. монолог-диалог; *неорассказ* (УЛ08, 180) < р. неорассказ; *нравственно-драматической дилогия* (УЛ 08, 303) < р. нравственно-драматическая дилогия; *нравственно-психологической дилогия* (УЛ08, 303) < р. нравственно-психологическая дилогия; *образ-метафора* (УЛ 08, 366) < р. образ-метафора; *образ-функция* (УЛ08, 120) < р. образ-функция; *образ-характер* (УЛ 08, 224) < р. образ-характер; *очеркист-веросчи* (ЕрмПозд., 226) < р. очеркист-рассказчик; *пастораль* (И № 5–6, 81) < р. пастораль. [франц. pastorale]; *писатель-антифашист* (УЛ 08, 47) < р. писатель-антифашист; *писатель-публицист* (ЕрмПозд., 225) < р. писатель-публицист; *писатель-утопист* (УЛ08, 95) < р. писатель-утопист; *повесть-дневник* (УЛ08, 23) < р. повесть-дневник; *повесть-хроника* (ЕрмПозд., 194) < р. повесть-хроника; *портрет* (лит. жанр) (Лаптев, 232; УЛ08, 12) < р. портрет [франц. portrait – портрет, изображение]; *портрет-статья* (ЕрмПозд., 6) < р. портрет-статья; *поэма-сйён* (УЛ08, 212) < р. поэма-посвящение; *поэтической приём*

(УЛ08, 236) < р. поэтический приём; **приключение** (лит. жанр) (ЕрмПозд., 155; УЛ08, 137) < р. приключение; **приключенческо-эротической жанр** (УЛ08, 327) < р. приключенческо-эротический жанр; **прозаик-документалист** (УЛ08, 222) < р. прозаик-документалист; **публицистика жанр** (ЕрмПозд., 5; И № 1–2, 2; УЛ08, 26) < р. публицистический жанр; **«путешествие» сюжет** (УЛ 08, 363) < р. сюжет «путешествия»; **раёк** (К № 1, 81) < р. раёк; **реализм тодметъёс** (ЕрмПозд., 12; УЛ08, 123) < р. реалистические признаки; **роман-зулён** (К № 1, 94; УЛ 08, 318) < р. роман-болтовня; **романоман** (К № 1, 63) < р. романоман; **роман-очерк** (УЛ 08, 185) < р. роман-очерк; **романтик-кылбурчи** (И № 5–6, 74) < р. поэт-романтик; **сатирик-маскарчи** (УЛ 08, 285) < р. сатирик-юморист; **семантической значение** (УЛ 08, 242) < р. семантическое значение; **символ пуштрос** (УЛ 08, 131) < р. символическое содержание; **сказ** (УЛ 08, 82) < р. сказ; **стансъёс** (Лермонтов, 58) < р. стансы [итал. stanza – остановка]; **сюжетно-композиционной амальёс** (УЛ08, 115) < р. сюжетно-композиционные методы; **тодосчи-фольклорист** (К № 7, 66) < р. учёный-фольклорист; **трагика** (УЛ 08, 12) < р. трагика; **учёной-литератор** (ЕрмПозд., 181) < р. учёный-литератор; **феминист литература** (И № 1–2, 13) < р. феминистическая литература; **философи поэма** (К № 1, 96) < р. философская поэма; **художественно-образной пуштрос** (ЕрмПозд., 111) < р. художественно-образное содержание; **эпос-поэма** (УЛ 08, 6) < р. эпос-поэма.

2009: **поэтической андеграунд** (И № 1–2, 32) < р. поэтический андеграунд; **басня гожъясь** (УД 13.01) < р. баснописец; **бестселлер** (И № 1–2, 13) < р. бестселлер; **микротекст** (И № 90-10, 67) < р. микротекст; **палеогеография** (УД 16.01) < р. палеогеография; **роман-бестселлер** (И № 1–2, 13) < р. роман-бестселлер; **фентези** (И № 9–10, 44) < р. фентези; **философия ёр** (УД 27.01) < р. философское направление.

2010:

2011: **ассоциация** (УД. 19.10) < р. ассоциация; **рифмоплёт-импровизатор** (УД. 20.04) < р. рифмоплёт-импровизатор.

2012:

Наблюдения и анализ заимствованной терминологии последних двух десятилетий также наглядно демонстрируют основные тенденции развития удмуртской литературоведческой науки. Как следствие кардинальных изменений в общественно-политической и культурной жизни страны и общества, в удмуртской литературе наступает период интенсивных и смелых экспериментов: появляются разные направления и течения (*этнофутуризм, постсимволизм, пост-этно-психофуту-реализм, модернизм йылолъёс, структурно-семиотической направление* и т. д.), новые методы анализа художественного текста (*гендер дышетонъёс, неомифология* и др.), новые стили и жанры (*роман-зулён, роман-уйбыртон, поэма-малпаськон, очерк-дневник* и т. д.). Хотя, как отмечает Т. И. Зайцева, «писать о привычной смене литературных стилей, жанров, направлений в современной литературе практически невозможно. Все это существует одновременно» [7], что и отражает заимствованная литературоведческая терминология данного периода. И если в начале XX века лексические заимствования из русского языка в большинстве своем входят в удмуртский язык как наименования для вновь вводимых понятий и явлений, то сложные конструкции к. XX и нач. XXI столетий знаменуют сложную, разветвленную структуру самой науки и смелые поиски художников слова. Если сначала шло развитие науки вширь, по горизонтали, то на современном этапе своего развития удмуртское литературоведение получило развитие вглубь.

Представленный словарь позволяет определить уровень развития современной удмуртской литературоведческой науки, понять и объяснить в известной степени явления, происходящие в литературном процессе. Система терминов дает возможность увидеть закономерности процесса вхождения иноязычной лексики, определить каналы ее взаимодействия с другими элементами научного аппарата, из чего можно сделать вывод: заимствования остаются важнейшим пластом терминологической лексики, в которой все подчинено законам системности, экономии и прозрачности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Каракулова М. К.* Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков: Уч. пособие / М. К. Каракулова, Б. И. Каракулов. Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2001. С. 32–33.
2. Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 181–197.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
4. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988. 608 с.
5. *Насибуллин Р. Ш.* Приложения к дисс. ... докт. филол. наук на тему: Русские заимствования в удмуртском языке: Дооктябрьский период / Р. Ш. Насибуллин. Ижевск, 1998. 364 л.
6. *Ермаков Ф. К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество): Монография / Ф. К. Ермаков. Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. С. 75.
7. *Зайцева Т. И.* Осмысление современной удмуртской литературы как системы / Т. И. Зайцева // Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья: Сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова; отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удм. гос. ун-т, 2005. С. 107.

ИСТОЧНИКИ

- АзбГлаз. = Азбука, составленная из российских, церковной и гражданской печати, букв, для обучения вотских детей чтению на их наречии. По (глазовскому)» [Автор священник Иоанн]. Казань, 1847. 173 с., 189 сл.
- Амунд. = *Яковлев А. С.* Роальд Амундсенлэн улэmez но приключениосыз / А. С. Яковлев / Берыктйз П. Ширококов. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 166 с.
- Антирел. = Антирелигиозной рассказёс. Ижевск: Удм. гос. изд., 1938. 142 с.
- Бабаевск. I = *Бабаевский С.* Зарни кизилиен адыми. Нырысетй книга / С. Бабаевский. Ижевск: Удгиз, 1952. 314 с.
- Бабаевск. II = *Бабаевский С.* Зарни кизилиен адыми. Кыкетй книга / С. Бабаевский. Ижевск: Удгиз 1954. 310 с.
- Вамыш = *Ленин В. И.* Одыг вамыш азылань, кык вамыш берлань / В. И. Ленин. Ижевск: Удмгосиздат, 1941. 287 с.
- Вапуме = *Шкляев А. Г.* Вапумысь вапуме: Критика: статьяос, обзорёс, диалогёс, очеркёс, портретёс, рецензиос, тодэ ваёнёс / А. Г. Шкляев. Ижевск: Удмуртия, 2000. 184 с.
- Вашк. ист. = Вашкала дуннелэн историез. Средней школалэн 5 но 6 классёсызлы учебник. Ижевск: Удгиз, 1943. 256 с.

- ВИ = Войнаысь ивор [Вести с фронта]: Газета. Вятка, 1915–1918.
- Вить ар = Вить ар Удмурт театрлы. Ижевск, 1936. 85 с.
- ВК = Вордскем кыл: Журнал. Ижевск, 1990–2003.
- ВКП(б) = Всесоюзной коммунистической партилэн (большевикъёслэн) историез. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938. 403 с.
- Ворд. пал I = *Гаврилов И.* Вордйськем пальёсын. Нырысетй книга / И. Гаврилов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. 268 с.
- Ворд. пал II = *Гаврилов И.* Вордйськем пальёсын. Кыкетй книга / И. Гаврилов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 286 с.
- Ворд. пал III = *Гаврилов И.* Вордйськем пальёсын. Куинетй книга / И. Гаврилов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 264 с.
- Вормомы = Ми вормомы / Редактировать каризы Т. Иванов, М. Волков, А. Мионов. Ижкар: Удкнига, 1931. 112 с.
- ВСинь = Виль синь: Газета. Елабуга, 1918.
- Г = Гудыри: Газета. Елабуга–Ижевск, 1918–1930.
- Герой = *Лермонтов М. Ю.* Асьме дырысь герой / М. Ю. Лермонтов. Ижевск, 1954. 143 с.
- Горь Лен = *Горький М.* Владимир Ильич Ленин. Очерк / М. Горький. Ижкар: Удгиз, 1933. 67 с.
- Горький = *Горький М.* Калыкын / М. Горький. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. 324 с.
- ГСалдат = Горд салдат: Газета. Казань, 1919 (вышло 15 номеров).
- Гужем = *Первошиков Г.* Гужем лымы / Г. Первошиков. Ижевск: Удмуртия, 1984. 262 с.
- Гук. = *Гуковский А. И.* Истори. Феодализм вакыт: Шор ёзо школалы дышетскон книга / А. И. Гуковский, О. В. Трахтенберг. Ижкар: Кунлэн удмурт книга потгонэз, 1933. 295 с.
- Движение = Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учебное пособие / С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева, В. Г. Пантелеева. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 202. 262 с.
- Дорвыжы = *Худяков М. Г.* Дорвыжы: Удмуртский героический эпос / М. Г. Худяков / Редация и комментарии В. М. Ванюшева и Д. А. Яшина; Составление, предисловие, перевод на удм. яз. В. М. Ванюшева. Ижевск: Удмуртия, 2008. 140 с.: ил.
- Дурись = Егит дурись: Газета. Ижевск, 1921.
- Ермаков = *Ермаков Ф. К.* Григорий Сергеевич Медведевлэн творчествоез / Ф. К. Ермаков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 123 с.
- Ермол. = *Ермолаев А. А.* Туннэ но чюказе: Удмурт литература сярись статьяос / А. А. Ермолаев. Ижевск, 1984. 199 с.
- ЕрмПозд. = *Ермолаев А. А.* Удмурт литературалэн азинскемез сярись статьяос / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев / Люказы Н. Г. Ермолаева, Е. И. Афонова. Ижевск: Удмуртия, 2008.
- Есенин = Сергей Есенин: Быръем произведениос. Кылбурьёс, пичи поэмаос. Ижевск: Удмуртия. 2002. 352 с.
- Жуйков = *Жуйков С. П.* Удмурт орфографической словарь / С. П. Жуйков. Ижевск: Удгиз, 1936. 264 с.
- Зоя = *Космодемьянская Л.* Зоя но Шура сярись верос / Л. Космодемьянская. Ижевск, 1953. 260 с.
- Зуева = *Зуева А. С.* Усьтйсько виль инвисьёс / А. С. Зуева. Ижевск: Удмуртия, 1992. 124 с.

- И = Инвожо: Журнал. Ижевск, 1990–2000.
- Ингур = Ингур: Удмурт фольклоръя лыдзет: Шор ёзо школаослы / Люказ, радъяз но валэктонгёссэ гожтїз Т. Г. Владыкина. Ижевск: Удмуртия, 2004. 352 с.
- Ист. = Священная история ветхого и нового завета. На вотском языке. Казань, 1877. 188 с.
- Йырт. = *Насибуллин Р.* Кыл пумысь кыл. Йыртїянгёс / Р. Насибуллин, И. Порохов. Ижевск: Удмуртия, 1971. 56 с.
- К = Кенеш: Журнал. Ижевск, 1926–1930, 1990
- Калин. = *Калинин М. И.* Коммунистической воспитание сярсь / М. И. Калинин. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. 28 с.
- Кап. ныл = *Пушкин А. С.* Капитан ныл. Ижевск: Удмуртгосиздат. 1937. 115 с.
- КМ = *Герд К.* Карл Маркс: Брошюра / К. Герд. Сарапул, 1920. 12 с.
- Конв. = *Ильин Я.* Бадзым конвейер / Я. Ильин. Ижевск: Удгиз, 1935. 330 с.
- Корепан. = *Корепанов Д. И.* (Кедра Митрей). Удмурт литература: Средней школары учебник / Д. И. Корепанов. Ижевск: Удгиз, 1935. 116 с.
- Корол. = *Короленко В. Г.* Быръем произведениос / В. Г. Короленко. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. 322 с.
- КПСС = Советской Союзьсь Коммунистической партилэн историез. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. 783 с.
- Крезьчи = *Герд К.* Крезьчи / К. Герд. Ижевск: Обл. Управление Госиздата, 1922. 118 с.
- Кыл = *Евсеев Е.* Газет лыдзїсьлы кыл валэктон (Словотолкатель: помощь толкателю газеты) / Е. Евсеев. Ижевск: Удкнига, 1926. 152 с.
- Кылб. = Пролетар кылбурет удысын. Журнал, 1932–1934.
- Кылысько = *Красильников Г. Д.* Кылысько тонэн / Г. Д. Красильников. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1978. 278 с.
- Лексика = *Тараканов И. В.* Удмурт лексикая очеркжёс / И. В. Тараканов. Ижевск: Удмуртия, 1971. 96 с.
- Ленин = Ленин сярсь тодэваёнгёс. Ижевск: Удм. кн. из-во, 1957. 156 с.
- Лунач. = *Луначарский А. В.* Карл Маркс: Солэн улэмез, калыклы ужамез / А. В. Луначарский и др. Сарапул, 1920. 16 с.
- М = Молот: Журнал. Ижевск, 1935–90.
- МихПерв. = *Михеев И. С.* Первая книга для чтения на вотском языке / И. С. Михеев. Казань, 1907. 174 сл.
- МУК = *Герд К.* Малмыж удмуртжёлэн кырзангёссы / К. Герд. Сарапул, 1920.
- Мусатов = *Мусатов А.* Гурезь йылын корка / А. Мусатов / Берыктїз Г. Архипов. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954. 320 с.
- НачНаст. = Иньмар косэмез дышеськыны кучкон понна. Начальное наставление в православной христианской вере. На вотском языке. Казань, 1893. 167 с. 180 сл.
- Носов = *Носов Н. Н.* Незнайкалэн приключениосыз / Н. Н. Носов. Ижевск: Удм. книжн. изд-во, 1962. 167 с.
- Нянь = *Толстой А.* Нянь (Хлеб) / А. Толстой. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 258 с.
- ОжС = *Лямин М. А.* Ож сюрес / М. А. Лямин. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 162 с.
- Олэк = *Волков А. В.* Кунай Олэк. Роман / А. В. Волков. Ижевск: Удмуртия, 1984. 232 с.
- Орф. = Удмурт орфографической словарь. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 216 с.
- Повестгёс = *Пушкин А. С.* Повестьгёс / Ред. пер. А. Н. Клабуков, П. М. Чайников. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1949. 175 с.
- Посл. = Последование пасхи на вотском языке. Быдзымнал вёсь. Казань, 1896. 87 с., 88 сл.

- Рабселькор = *Миронов А.* Рабселькорлы юрттэт. «Гудырилэн» потгэмез / А. Миронов. Иж кар, 1929. 69 с.
- РУС = Русско-удмуртский словарь. М.: ГИИиНС, 1956. 1360 с.
- Русь = *Некрасов Н. А.* Кинлы Русьын улыны умой / Н. А. Некрасов. Ижевск: 1959. 240 с.
- СталКолхоз = *Сталин И.* Колхоз движенилэн ужпум'ёсыз / И. Сталин. Ижевск: Удмуртгиздат, 1934. 90 с.
- СталЛен = *Сталин И.* Ленинизмлэн вопросьёсыз / И. Сталин. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1940. 605 с.
- СталМарк = *Сталин И.* Марксизм но национальной ужпум / И. Сталин. Ижевск, 1950. Стих. = Ильинлэн стихотворенияёсыз. Елабуга, 1920. 27 с., 27 сл.
- СУ = Советской Удмуртия: Газета. Ижевск, 1943-1991.
- Сьӧдэн = *Ильин, М.* Тӧды вылтй сьӧдэн / М. Ильин. Ижевск: Удгиз, 1935. 119 с.
- Сюрло = Сюрло: Газета. Елабуга, 1920.
- Требн. = Требник на вотском языке. Казань, 1882. 98 с., 92 сл.
- Тургенев = *Тургенев И. С.* Пӧйшурасылэн гождямьёсыз / И. С. Тургенев / Перевод И. Т. Дядюкова. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1951. 280 с.
- Туриос = *Михайлов В. М.* Туриос дор пала лобо: Веросьёс, пьеса, очеркьёс / В. М. Михайлов. Ижевск: Удмуртия, 2003. 112 с.
- УД = Удмурт дунне: Газета. Ижевск, 1992-2012.
- УдЛ = *Ермолаев А. А.* Удмурт литература: 9-10 классьёслы / А. А. Ермолаев, П. К. Поздеев. Ижевск: Удмуртия, 1975. 280 с.
- УК = Удмурт коммуна: Газета. Ижевск, 1930-1940.
- УКыл = Удмурт кыл. 8-9-тй классьёслы / Огъя редакциез Г. А. Ушаковлэн. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – 232 с.
- УЛ = Удмурт литература. Ижевск: Удмуртия, 1966. 428. с.
- УЛ08 = *Арекеева С. Т.* Удмурт литература: 10-11-тй классьёслы учебник / С. Т. Арекеева, В. Г. Пантелеева, Л. П. Фёдорова, А. Г. Шкляев. Ижевск: Удмуртия, 2008. 408 с.
- Фадеев = *Фадеев А.* Егит гвардия / А. Фадеев. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1956. 651 с.
- Финл. = *Хяккинен К.* Финляндия толон но туннэ / К. Хяккинен, С. Цеттерберг / Финн кылысь берыктйзы Б. Загуляева но В. Халтурин. Ижевск: Удмуртия, 1997. 120 с.
- Часосл. = Часослов на вотском языке. Казань, 1908. 157 с., 130 сл.
- Чефр. = *Чефранов С. В.* СССР-лэн физической географиез. Районной обзор. Неполной средней но средней школалэн 7-тй классэзлы учебник. Нырысетй изданиез / С. В. Чефранов. Ижевск: Удмгосиздат, 1941. 158 с.
- Чехов = *Чехов А. П.* Веросьёс / А. П. Чехов. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. 268 с.
- ШЗ = *Герд К.* Шуныт зор: Книга для чтения / К. Герд. М.: Центриздат, 1924.
- Шор даур = *Косминский, Е. А.* Шор даурьёслэн историзы. Средней школалэн 6 но 7 классьёсызлы учебник / Е. А. Косминский. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. 284 с.
- Шудо = *Колесникова А.* Мон шудо / А. Колесникова. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 72 с.
- ЭУК = *Герд К.* Эркын улонлэн кырзанысьёсыз / К. Герд. Сарапул, 1920.
- Юбил. = К 300-летнему юбилею Дома Романовых. Быдзым эксэймы Николай Александровичлэн выжыезлэн 300 ар эксэй луыса улэмез. Казань, 1913. 26 с.
- Югдыт. = *Уваров А. Н.* Югдытисьёс. Удмурт литературалэн кылдэмез сярсы очеркьёс / А. Н. Уваров. Ижевск: Тодон, 1994. 120 с.
- ЮС = Югыт сюрес: Газета. Елабуга, 1919.
- Яратонэ = *Загребин Е. Е.* Яратонэ тон, вожанэ...: Веросьёс, очеркьёс, пьесаос / Е. Е. Загребин. Ижевск: Удмуртия, 2004. 432 с.

Яшин 1962 = Яшин Д. А. Удмурт фольклор / Д. А. Яшин. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 87 с.

Яшин 1976 = Яшин Д. А. Удмурт фольклор / Д. А. Яшин. Ижевск: Удмуртия, 1976. 152 с.

Яшин 1987 = Яшин Д. А. Удмурт фольклор / Д. А. Яшин. Ижевск: Удмуртия, 1987. 152 с.

Яшина = Яшина Р. И. Удмурт кылъя внеклассной ужъёс / Р. И. Яшина. Ижевск: Удмуртия, 1979. 164 с.

Поступила в редакцию 9.10.2013

L. V. Busygina

Ways and Stages of Development of the System of Terms in the Udmurt Literature

In today's world of changing concepts and developing terminologies a leading role acquires borrowed vocabulary that, of course, linked with an increase in the proportion of bilingualism (multilingualism). In this regard, one of the relevant problems in the Udmurt linguistics is the study of literary terms, as the volume of translation increases, the nature of research works changes to a certain degree, intertextual space of expands, etc. Moreover, in the Udmurt literature borrowed terms dominate and lately there is a tendency to translate them into the Udmurt that causes contentious debates. The analysis of literary terminology showed that there is no need to switch the «artificial» Udmurt language, for every borrowed element in language accumulates the history of the nation. Depending on the time, historical conditions and cultural trends the basic concepts and terms have been defining. The work studies the types and methods of borrowing literary terms in the Udmurt language, ways of their penetration, sources and chronology of the development of foreign words.

Keywords: borrowed literary terminology, chronology, Etymology, ways of penetration, sources.

Бусыгина Людмила Васильевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: buslw@mail.ru

Busygina Ljudmila Vasiljevna,

Candidate of Sciences (Philology), senior research associate,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1
E-mail: buslw@mail.ru

УДК 811.511.131'28

В. Г. Семёнов

**РОМАШКА ЛЕКАРСТВЕННАЯ (*MATRICÁRIA
CHAMOMÍLLA*): ПРИНЦИПЫ НАИМЕНОВАНИЯ
И РАСПРОСТРАНЕНИЕ В ДИАЛЕКТАХ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

Названия растений – один из важнейших компонентов словарного фонда любого языка. В удмуртском языкознании как отдельные группы фитонимов, так и вся флористическая терминология изучены недостаточно. Данная терминология не только отражает познание человеком растительного мира и использование его для удовлетворения повседневных нужд, но и свидетельствует об отношении наших предков к живой природе. В статье рассматриваются различные наименования ромашки лекарственной, выявляются территория распространения лексем, способы и пути их образования, морфологические и синтаксические типы и модели фитонима, проводится систематизация. Отмечается большое количество лексем для обозначения данного понятия. По своему составу это простые и составные слова. По своему происхождению – слова как исконные, так и заимствованные.

Ключевые слова: ромашка лекарственная, принципы номинации, способы образования, удмуртские диалекты, этимология, территория распространения.

К настоящему времени названия растений в удмуртском языке собраны далеко не в полном объеме, большинство из них пока не зафиксировано в словарях. Всесторонний лингвистический анализ фитонимов позволит выявить их лексический состав, способы и пути образования, лексические, морфологические и синтаксические типы и модели фитонимов, провести их систематизацию.

Ромашка – «1. травянистое растение семейства сложноцветных с цветками, состоящими из белых лепестков и желтой трубчатой середины. Существуют ромашка аптечная, лекарственная, настоящая. 2. *разг.* Общее название разных растений со сходным строением цветка» [1. С. 1128–1129].

Ромашка – однолетник яровой. Размножается сеянками. Стебель имеет высоту до 30 см, в верхней половине обычно разветвлен, полый, слабо опушенный или голый. Листья дважды перистые, рассеченные на линейные, остrokонечные сегменты, при основании расширенные, голые, без черешка. Распространена по всей Удмуртии, вдоль дорог, во дворах, у домов, заборов, по сорным местам. В посевах встречается редко [8. С. 149].

Вряд ли найдется другое растение, которое было бы так широко распространено и пользовалось такой популярностью у народов разных стран, как ромашка. Она является официальным лекарственным сырьем более чем в 25 странах мира. В качестве лекарственного сырья используют соцветия ромашки.

Ромашка была известна в большинстве государств древнего мира, и этимология слова «ромашка» восходит к Древнему Риму: в переводе с латинского *romanus* «римский». Растение широко используется в народной медицине. Водный настой ромашки применяют как легкое слабительное, болеутоляющее, успокаивающее, противовоспалительное. Из растения извлекают эфирное масло (так называемое ромашковое масло), которое находит множество применений; наиболее ценное вещество в его составе – хамазулен, обладающий противовоспалительным, седативным и местноанестезирующим свойствами. Экстракт ромашки используется в производстве косметики, входит в состав мыла, кремов и шампуней [17].

Займствованная из русского языка лексема *ромашка* употребляется почти повсеместно и во многих говорах фиксируется параллельно с другими названиями данного фитонима, в некоторых же диалектах является единственным наименованием. В дд. Золотарёво (24) и Дондыкар (25) в настоящее время, чаще молодым и средним поколением, употребляется русское *ромашка*, хотя в этих же населенных пунктах существуют и удмуртские варианты *töd'ys'ac'ka*, *töd'ys'ac'ka*, *töd'ykucha*, *kucha*, *kuchac'ac'ka*.

Происхождение. Русское *ромашка*, диал. *ромён*, *рамён* имеет соответствия в родственных языках: укр. *ромán*, блр. *рамón*, *рóмон*, сербохорв. *рамéнак*, чеш. *rten* ‘римская ромашка’, польск. *roman*, *romanek* ‘молочай’, *rumian* ‘римская ромашка’. Названия этого лекарственного растения основываются на лат. *anthemis gōtāna*, *chamaemelum gōtānum*. Восточно-славянские слова займствованы через польское посредство [11. С. 499–500]. В русском языке слово *ромашка* известно с первой половины XVIII в., в печатных словарях – с 1782 г.: *ромашка*, *романова трава*. Название *романова трава* или иногда в искаженном виде *рамонова трава*, *рамон* и *роман* встречаются в русских травниках допетровского времени. Слово *ромашка*, очевидно, – производное от *роман*, как, например, *кармашек* от *карман*. На Западе это растение по большей части называют именами, восходящими в конечном счете к греческим словам *chamai* ‘на земле’, *mēlon* ‘яблоко’, что связано с небольшой высотой травы и присущим цветкам запахом, отдаленно напоминающим запах яблок [13. С. 122].

В д. Паска (14, гуринский говор) наряду с лексемой *ромашка* зафиксирован вариант *гадат'каронс'ас'ка*, состоящий из компонентов *гадат'карон* от глагола *гадать карыны* ‘гадать’ и *с'ас'ка* ‘цветок’, букв. ‘цветок для гадания’. Слово *с'ас'ка* большинство исследователей относят к булгарским заимствованиям, ср. чув. *şeşke* ‘цветок’ [4. С. 850; 12. С. 104; 15. С. 446; 16. С. 230]. Соответствия есть в других тюркских, а также монгольских и тунгусо-маньчжурских языках [12. С. 104]. Название фитонима связано с тем, что на ромашке любят гадать влюбленные.

Лексема *кут'-кут'* употребляется в косинском говоре нижнечепецкого диалекта (8, 9); вариант *куч-куч* – в части глазовского и бalezинского говоров среднечепецкого диалекта. Форма *кут'ук* (~*кут'уш*) с определяемым словом *т'эд'ы*(~*кэд'ы*) встречается в слободском говоре северного наречия (1–3), для

которого характерно употребление слова *töd'ы* 'белый' в формах *t'эд'ы*(~кэд'ы). Формы *куча*, *кучас'ас'ка*, *кучатурын* зафиксированы в глазовском говоре среднечепецкого диалекта. *Кучас'ас'ка*, *кучатурын* – двухкомпонентные наименования: первый компонент – русское *куча* ~ *кутя* 'щенок'; слово *турын* – древнеарийское или древнеиранское заимствование в период финно-угорской общности; праформа восстанавливается в виде **tarna* [2. С. 287; 17. С. 792].

Форма *töd'ыкуча* и ее варианты *töd'ькуча*, *töd'ькуча* употребляются в глазовском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта северного наречия, для которых характерно употребление разных вариантов фонемы *ы*: неогубленного гласного средне-заднего ряда среднего подъема *ъ* и неогубленного гласного средне-заднего ряда верхне-среднего подъема *ь*. Первый компонент этих сложных слов – *töd'ы* – означает 'белый'. Основа номинации – цветовой признак фитонима.

Лексемы *с'ас'ка*, *турын*, *töd'ы*, *кучапи* (в форме *куцяпи*) зафиксированы уже в первой грамматике удмуртского языка [7. С. 155, 53, 57, 166].

Происхождение. Лексема *куча* заимствована из русского языка. Рус. *кутёнок* 'щенок', диал. *кутя*, межд. *куть-куть* 'так подзывают цыплят', укр. *котюга* 'собака', словц. *kot'uha* 'тж'. Это слово звукоподражательного характера, возникшее из междометия, имитирующего крики животных и птиц и служащего для их подзывания, как и широко распространенное *киц* в болг. *куче*, ср. р. 'собака', *кучка* 'сучка', польск. *kucziuk*, алб. *kutsh* 'собака', лтш. *kuce* 'сука', *kucis* 'собака', осет. *kij* 'тж'. Широко распространенное слово: есть в индоевропейских, иранских, тюркских и монгольских языках [6. С. 59; 10. С. 433–434]. Вполне вероятна версия, согласно которой в соцветиях многих растений, в том числе и ромашки, живут мелкие насекомые – трипсы. В оп. 27 (Курегово, бalezинский говор северного наречия) в детской речи зафиксированы выражения для подзывания этих насекомых: *кучу-кучу*, *вöйын табан' с'ийод-а?* 'кутя-кутя, будешь кушать табани (лепёшки) с маслом?'. Русское *куть-куть* в удмуртском языке трансформировалось в *куча-куча* 'возглас, которым подзывают щенят' [9. С. 362]. В этом случае слово, как и лексема *пис'пот* (см. ниже), одновременно выступает в функции подзывания и называния данного объекта. Удмуртское название трипсов в форме *писа* отмечено только в системно-тематическом русско-удмуртском словаре, а в словаре 2008 г. эта лексема дана с пометой диал. 'собака, щенок' [5. С. 53; 9. С. 529].

В кульминском говоре средне-западного диалекта (13) зафиксирована лексема *пис'ас'ас'ка*. В данном говоре употребляется палатализованный вариант фонемы *с'*. Лексема двухкомпонентная: состоит из *пис'а* и *с'ас'ка*.

Слово *пис'а* (< *пис'а*) заимствовано из русского «пёс», которое, в свою очередь – индоевропейского происхождения. Слав. **рьstrъ* 'пестрый', греч. 'пестрый', д.-в.-н. *fēh* 'тж'. Некоторые ученые сближают с лат. *pecus, -oris* ср. р. 'скот', авест. *pasu* 'тж', д.-в.-н. *fihu* 'тж', считая исходным либо значение 'мохнатый', либо 'страж скота'. А. Мейе тоже считает первоначальным значение «страж» для славянского слова. П. Я. Черных не согласен с таким утверждением, «... потому что это представляет большие трудности, особенно в фонетическом плане, т.к. от и.-е. корня **pek'* в общеславянском языке следовало бы ожидать не **рьсъ*, а **ресъ*. Предполагается, что первоначально **рьсъ* было названием какой-то одной разновидности собак (т.е. было обозначением по цвету шерсти)» [11. С. 248–249; 13. С. 25].

Единый случай употребления лексемы *пис'пот* отмечен в с. Юськи (97); относится к среднеижскому диалекту. Первый компонент *пис'* означает '1. возглас, которым подзывают щенят; 2. возглас, которым подзывают кошек'; второй компонент – звательная форма глагола *потыны* 'выйти, выходить', так что данное слово буквально переводится как 'щенок, выходи'.

Второе по распространенности наименование ромашки – лексема *төд'ыс'ас'ка* и ее многочисленные фонетические варианты. Литературный вариант *төд'ыс'ас'ка* употребляется островками в ярском (21), глазовском (24), пызепско-чепецком и тыловайском говорах северного наречия, сямсинском и увинском говорах средне-западного диалекта, водзимоньинском говоре, в собственно южном диалекте. Вариант *төд'ыс'ас'ка* записан в д. Золотарево (24), где местное население ромашкой ошибочно называет **поповник** 'луговое или полевое травянистое растение семейства сложноцветных, с цветками, похожими на ромашку', равно как и в д. Гожан (153, шагиртско-гондырский говор Закамья). Форма *төд'ыс'ас'ка* присутствует в части глазовского говора северного наречия и алнашском говоре южного наречия. Наименование *төд'ыс'ас'ка* отмечено в д. Кульма (12), представляющий одноименный говор средне-западного диалекта. Вариант *төт'с'ас'ка* употребляется в шагиртско-гондырском говоре. Формы *төт'с'ас'ка* и *төт'с'ас'ка* встречаются в буйско-таныпском и ташкичинском говорах, *төт'с'ас'ка* – в татышлинском говоре периферийно-южного диалекта. В говорах Закамья из первого компонента названия выпал конечный гласный *ы*. В завятском кукморском говоре встречаются формы *төд'ыс'ас'ка*, *төд'ыс'ас'ка*, *төд'ыс'ас'ка*. Для говоров арского типа, к которому относится и кукморский, характерно употребление огубленного гласного среднего (средне-переднего) ряда *ö* и вариантов фонемы *ы*. В д. Филимоново (46) зафиксирован вариант *тэд'ыс'ас'ка*. В бесермянском наречии, носителями которого является население данной деревни, встречается отодвинутый назад гласный *э*. Слово *төд'ыс'ас'ка* состоит из лексем *төд'ы* 'белый' и *с'ас'ка* 'сыська', то есть 'белый цветок'. Цветовой признак фитонима лег в основу номинации этого растения.

В отдельных населенных пунктах собственно южного диалекта встречаются трехкомпонентное наименование *төд'ыдурос'ас'ка* (111, 112) и его варианты *төд'ыдурос'ас'ка*, *төд'ыдурос'ас'ка* (128), состоящие из компонентов *төд'ы* 'белый', *дур* 'край, кромка', *-о* – аффикс обладания и *с'ас'ка* 'цветок', букв. 'цветок с белыми краями'.

В шошминском говоре записано наименование *төд'ыд'ыр'с'ас'ка* (138, 141), в соседнем кукморском говоре (оп. Лельвиж, 142) – *төд'ыд'ыр'с'ас'ка*. Название фитонима состоит из лексем *төд'ы* (< *төд'ы*) 'белый', *д'ыр* (< *йыр*) 'головка' и *с'ас'ка* 'цветок', то есть 'цветок с белой головкой'.

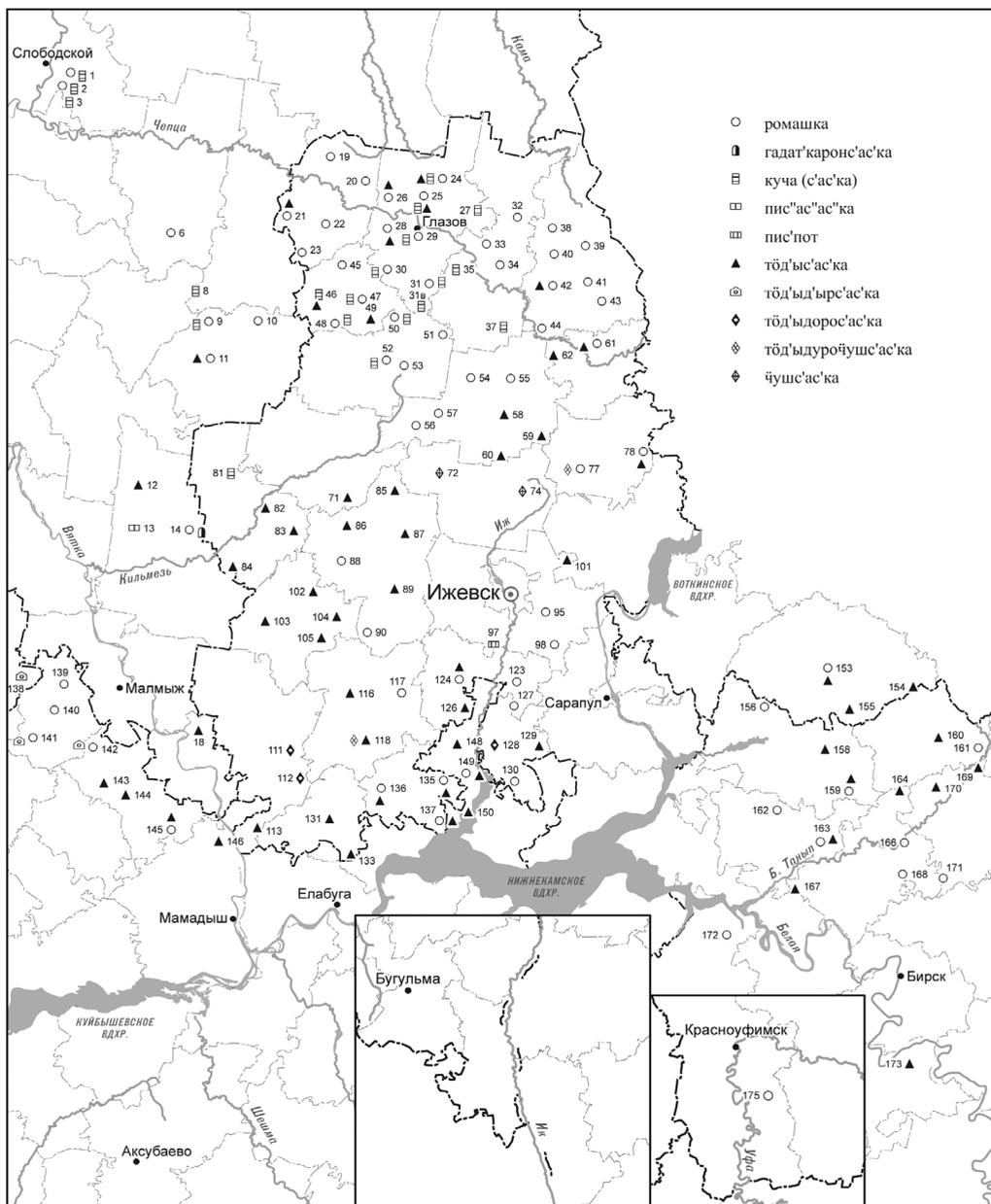
В с. Бол. Сибы (118, кизнерско-можгинский говор собственно южного диалекта) отмечен вариант *төд'ыдуро'йуш'ас'ка*. Состоит из следующих компонентов: *төд'ы* 'белый', *дур* 'край, кромка', *-о* – аффикс обладания, *йуш* (< *йуж*) 'желтый' и *с'ас'ка* 'цветок', букв. 'желтый цветок с белыми краями'. Лексема *төд'ы* является словом исконного происхождения.

В части средне-восточного диалекта (74, 77) зафиксировано наименование *йуш'ас'ка*, состоящее из компонентов *йуш* (< *йуж*) 'желтый' и *с'ас'ка* 'цветок', букв. 'желтый цветок'.

В коми языке слово *чиж* ‘желтый’ употребляется только в летском диалекте, соседствовавшем длительное время со слободским диалектом удмуртского языка. Коми ученые относят данное слово к общепермскому пласту лексики, хотя удмуртское соответствие приводят со знаком вопроса [2. С. 305]. Близкое по значению и созвучию слово есть в мордовских языках: эрз. *тюжа* ‘рыжий; коричневый’, диал. ‘жёлтый’, мокш. *тюжаза* ‘желтоватый, рыжеватый’ [3. С. 759; 14. С. 685].

РОМАШКА

М 1:2 000 000
(в 1 см 20 км)

В «Уральском этимологическом словаре» приведенные слова не рассматриваются, то есть его составители не связывают их общностью происхождения. По-видимому, слово *џуж* собственно удмуртского происхождения, а в самый южный говор коми языка оно проникло от северных удмуртов [5. С. 86]. Основой номинации фитонима также явился цветовой признак растения.

В дд. Мучи (56) и Сектыр (57), относящихся к зятцинскому говору, ромашку лекарственную называют описательным способом: *йаблок зынийэм турын* ‘травка с запахом яблока’.

Заключение. Исследуемый фитоним общеизвестен как повсеместно произрастающее растение. Для его наименования употребляются в основном лексемы собственного происхождения. Принципы номинации: цветовой признак растения: *төд'ы* ‘белый’, *џуж* ‘желтый’; запах растений: *йаблок зынийэм турын* ‘травка с запахом яблока’; соотношение растения с определенным видом животных: *кучас'ас'ка*, *кучатурын*, *пис'ас'ас'ка*, первый компонент которых связан со словами ‘щенок; пес’. По своей структуре названия различаются от простых: *ромашка*, *куча* – до четырехкомпонентных: *төд'ы дуроџуис'ас'ка*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авест. – авестийский язык; алб. – албанский язык; болг. – болгарский язык; греч. – греческий язык; д.-в.-н. – древневерхненемецкий язык; диал. – диалектное слово; и.-е. – индоевропейский язык; лат. – латинский язык; лтш. – латышский язык; мокш. – мокша-мордовский язык; осет. – осетинский язык; польск. – польский язык; сербохорв. – сербохорватский язык; слав. – славянский язык; словц. – словацкий язык; укр. – украинский язык; чеш. – чешский язык; чув. – чувашский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1536 с.
2. *Лыткин В. И.* Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Переизд. с доп. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 431 с.
3. *Васильев В. М.* Марла-рушла мутер = Марийско-русский словарь / В. М. Васильев, А. А. Саваткова, З. В. Учаев. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.
4. Русско-чувашский словарь: Ок. 40000 слов / Под ред. Н. А. Андреева и Н. П. Петрова; НИИ при СМ Чув. АССР. М.: Сов. Энци., 1971. 893 с.
5. Системно-тематический русско-удмуртский словарь / Р. Ш. Насибуллин, В. Г. Семёнов. Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2006. 350 с.
6. *Соколов С. В.* Этимологической пичи кылбугор / С. В. Соколов // Вордскем кыл. 1998. № 8–9. 59 б.; 1999. № 9. 86 б.
7. *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. I / Т. И. Тепляшина / АН СССР. ИЯ. М., 1966. 324 с.
8. *Туганаев В. В., Баранова О. Г.* Зеленые спутники человека. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. 192 с.
9. Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; Отв. ред. Л. Е. Кириллова; РАН. УрО. Удм. ИИЯЛ. Ижевск, 2008. 925 с.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. II: Е–Муж. 1967. 671 с.

11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / М. Фасмер; Перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева; Под ред. Б. А. Ларина. М.: Прогресс. Т. III: Муза–Сят. 1971. 827 с.
12. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 2 / М. Р. Федотов. Чебоксары, 1996. 509 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2002. Т. 2. 560 с.
14. Эрзянско-русский словарь: Ок. 27 000 слов / Р. Н. Бузакова, Р. С. Ширманкина, Е. Н. Лисина и др.; Под ред. Б. А. Серебrenникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина; НИИ языка, лит., ист. и экон. при Правит-ве Морд. ССР. М.: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с.
15. *Munkácsi B. A votják nyelv szotara* / B. Munkácsi. Budapest, 1896. XVI + 836 l. 2-ik kiadó. Pecs, 1990.
16. *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen // LSFU. Vol. 21. Helsinki, 1987. XXIII + 422 S.*
17. wikipedia.org/wik – ромашка.
18. *Redei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III* / K. Redei. Budapest: Akademiai Kiado, 1986/1991.

Поступила в редакцию 15.10.2013

V. G. Semenov

Chamomile (*Matricaria Chamomilla*): Principles of Nomination and Distribution in the Dialects of the Udmurt Language

The names of plants are one of the most important components of word stock of any language. In the Udmurt linguistics both separate groups of plants' names and all floristic terminology are insufficiently studied. This terminology not only reflects the knowledge of human about vegetable world and use of it for everyday needs, but also testifies the attitude of our ancestors to nature. The article analysis various names of chamomile, the territory of lexeme distribution, methods and ways of their formation, morphological and syntactical types and models of plants' names are revealed. There is a large number of tokens to denote this concept. By composition they are simple and compound words. By origin – both native and borrowed ones.

Keywords: chamomile, principles of nomination, methods of formation, the Udmurt dialects, Etymology, geographical distribution.

Семенов Василий Германович,

научный сотрудник,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: svgerm@mail.ru

Semenov Vasilij Germanovich,

research associate,

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1

E-mail: svgerm@mail.ru

УДК 811.51'28

А. Г. Шайхулов, З. Ф. Шайхисламова, В. Н. Асмондьяров

**НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИАЛЕКТНЫХ
ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ СФЕР
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ АТЛАСОВ
УРАЛЬСКИХ И АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКОВ)**

В статье сделана попытка проанализировать лексические единицы, представленные в базах «Диалектологического атласа башкирского языка» (ДАБЯ), «Атласа татарских народных говоров» (АТНГ) и «Диалектологического атласа удмуртского языка» (ДАУЯ) в рамках идеографической парадигматики, в системе четырех когнитивных сфер: I. Природа (Неживая, Живая), II. Человек (человек как физико-биологическое существо), III. Общество (человек как единица государственной структуры, человек в идеологической системе общества, человек как единица функциональной жизни общества) и IV. Познание (Априори). Кроме того, в анализе учитываются диалектные данные чувашского и марийского языков.

Ключевые слова: диалект, лексика, лингвистический атлас, языковые контакты, лингвогеография.

Многие специалисты важной ступенью в области диалектологии любого языка признают его изучение методом лингвистической географии, то есть составлением диалектологического атласа [8. С. 105].

Башкирская диалектология располагает сегодня значительным числом монографических трудов и рядом работ об отдельных диалектах и говорах. Издание «Диалектологического атласа башкирского языка» [4. С. 13] стало определенной вехой в башкирской лингвистике.

О важности лингвогеографических исследований того или иного языка говорит и тот факт, что только посредством картографирования тех или иных явлений представляется возможным уточнить диалектное членение языка, границы говоров. Диалектологические атласы дают богатый материал не только лингвистам, но и этнографам, историкам и археологам. Иначе говоря, метод картографирования освобождает от индивидуальных и частных явлений, изогlossen подчинены логической цели генезиса и эволюции языка [4. С. 13].

Необходимо также отметить, что создание диалектологических атласов отдельных языков не является «панацеей» для решения абсолютно всех проблем диалектологии. Еще Н. А. Баскаков писал о необходимости создать обобщающие

диалектологические исследования по историческим (племенным) ареалам диалектов тюркских языков [2. С. 3]. По мере изучения диалектного ландшафта определенных языковых ареалов появляется необходимость и открывается возможность картографической интерпретации все больших территорий, в частности диалектных систем тюркоязычных народов Урало-Поволжья. Диалектологическая структура любого языка не может изучаться вне учета особенностей языков, его окружающих. В создании сводного атласа нескольких языков решающую роль играет сводимость идентичных данных из их атласов.

Все существующие диалектологические атласы, вне зависимости от своего вида и охвата (будь то национальный атлас или же капитальный Диалектологический атлас тюркских языков – ДАТЯ), характеризуются комплектностью, то есть наличием картографической базы и определенной структуры целого. В этом отношении среди атласов языков Урало-Поволжья, по нашему мнению, наиболее удачен «Диалектологический атлас удмуртского языка». В частности, в нем представлена диалектная лексика, отражающая удмуртско-тюркские языковые контакты, подтверждающие, что продолжительное взаимодействие удмуртского и тюркских языков в местах их наиболее интенсивного контактирования привело к значительному взаимопроникновению языковых материалов [10. С. 23; 6. С. 97].

Хотя диалектологические атласы рассматривают язык на самых различных уровнях, но именно лексика, на наш взгляд, – один из самых любопытных объектов исследования. К сожалению, в ряде лингвистических атласов она представлена практически бессистемно, без разработки семантических аспектов и их когнитивного осмысления.

Попытаемся проанализировать лексические единицы, представленные в базах «Диалектологического атласа башкирского языка» (ДАБЯ), «Атласа татарских народных говоров» (АТНГ) и «Диалектологического атласа удмуртского языка» (ДАУЯ) в рамках идеографической парадигматики, в системе четырех когнитивных сфер:

I. Природа (Неживая, Живая).

II. Человек (как физико-биологическое существо).

III. Общество (человек как единица государственной структуры, человек в идеологической системе общества, человек как единица функциональной жизни общества).

IV. Познание (Априори) [11. С. 5].

В исследовании задействованы также диалектные данные чувашского и марийского языков, без привлечения которых сложно, по нашему мнению, представить корректную интерпретацию материалов в границах Урало-Поволжского языкового союза.

Далее рассмотрим материал вышеназванных когнитивных сфер.

I. Природа

1. Неживая природа:

1.1. Земля, виды земного рельефа.

1.2. Вода, виды водных объектов и поверхностей.

1.3. Небо, космос; виды небесных тел.

1.4. Природные явления: ‘радуга’ – *йәйгоро/йәйгорон* (башк. кизильск., миасск. говоры), *йәйгура* (башк. средн. говор), *йәшел дуга* (башк. аргаяшск. говор), *салауат күпере* (башк. южн. диал.); *йәйгорт* (тат. тобольск. диал., томск. диал., бараб. диал.), *күк доғасы* (тат. средн. диал.); *асамат кепере* (чув. верх. диал.); *вуд'уис'/вуйуис'/вуд'уис' пукрон* (удм. сев. и южн. наречие), *чебер буко* (удм. средн. говоры); *шонаныл* (марийск. горн. диал.).

1.5. Погода. Состояние погоды.

2. Живая природа:

2.1. Мир флоры:

2.1.1. Грибы.

2.1.2. Травы: ‘чеснок’ – *һарымһак/һарымһак* (башк. миасск., средн., кизильск., сакмарск. говоры), *һарымһак* (демск. говор), *сарымһак* (с.-западн. диал.); *сарымһак* (тат. пермск. говор); *сарымһак* (удм. канлинский, ташкичинск., буйско-таныпск. говоры); *оском* (тат. тобольск. говор); *уксыым* (марийск. горн. диал.); *ыхра* (чув. верх. диал.).

2.1.3. Цветы.

2.1.4. Кустарники: ‘черемуха’ – *шоморт* (башк. с.-западн. диал., южн. диал.), *йомырт* (тат. барабинск. диал.), *шоморт* (тат., средн. диал.) *һемерт* (чув. верх. диал.), *ломбы* (марийск. горн. диал.).

2.1.5. Деревья: ‘небольшой лес’, ‘роща’ – *бүләк* (башк. с.-западн. диал., среднеуральск. говор), *бүләклек* (баш. карайд. говор); *бүләк* (камышл., байкибашевск., тарск. говоры); *отерла* (марийск. горн. диал.); *бөлек* (удм. канлинск. говор); *пүлөк* (чув. верх. диал.); *вир* (эрзянск. говор).

2.1.6. Строение и особенности мира флоры: ‘пень’ – *төһә/төһсә* (башк. демск., ик-сакмарск., средн. говоры), *төһсөк* (башк. айск. говор), *дүңгәк* (с.-западн., миасск., кизильск., средн. говоры); *төп* (тат. кузнец. говор); *түп/төп* (удм. ташкичинск., буйско-таныпск. говор); *тунката* (чув. верх. диал.); *тангата* (марийск. горн. диал.).

2.2. Мир фауны:

2.2.1. Насекомые: ‘божья коровка’ – *кыр һыйыры* (башк. южный диал.), *оскалак/осмос* (башк. средн. говор), *осыйырым* (башк. ай. говор), *койашапай* (башк. кизильск., ик-сакм. говоры), *күсмәкүс* (с.-западн. диал., демск. говор); *бийауса* (тат. ичкинск. говор), *камка-тутай* (тат. лямбирск. говор) / *камка тутка* (дрожжанск., темниковск. говоры); *зороно кибы/киби*, *зоротки-лоботки*, *зороно* (удм. диал.); *выри-вырвыр* (марийск. горн. диал.).

2.2.2. Земноводные.

2.2.3. Пресмыкающиеся.

2.2.4. Рыбы.

2.2.5. Птицы: ‘петух’ – *әтәс* (башк., лит. яз.), *әтәч/әтәс/әтәз* (тат. средн., миш., диал.), *әчәт* (тат. сиб., барабинск. диал.); *автан* (чув. верх. диал.); *аптан* (марийск. горн. диал.); *атас/аташ* (удм. диал.);

‘индейка’ – *күркә* (баш. с.-западн., южн. диал.), *көркә* (баш. вост. диал.); *курка* (пермск., барабинск. говоры, заказанск. говор кряш. татар); *каркка* (чув. верх. диал.); *курка/куркан/кырка* (удм. северн., южн. наречие); *күрка* (марийск. диал.).

2.2.6. Животные, звери.

II. Человек

1. Человек как физико-биологическое существо.
2. Человек как чувствующее, желающее и мыслящее существо.

III. Общество

1. Человек как единица государственной структуры.
2. Человек в идеологической системе общества.
3. Человек как функциональная единица в общественной жизни.

3.1. Человек в населенном пункте: 'потолок' – *каплама* (башк., южн. диал.) / *түбәтүшәм* (башк. икс. сакмарск. говор), *түбәсайгак* (башк. с.-западн. диал.) / *түпә* (башк. аргаяшск., сальзигутск., айск. говоры) / *түпәтакта* (башк. айск., аргаяшск. говоры), *түшәм* (тат. пермск. говор), *түбә тактасы* (тат. средн., миш. диал.) / *түбә такта* (бараб. диал., томск. диал.); *төшем* (марийск., луг. диал.); *вөлдэт/вөүдэт* (удм. южн. наречие, средн. говоры).

3.2. Инфраструктура сельской жизни: 'колодец', 'источник' – *койо* (с.-западн. диал., средн., айский, демск. говоры), *коток/козок* (башк. южн. диал.); *койо* (тат. средн., миш. диал.); *куйы/кыйы/куйгу/куйву/кыйву* (южное наречие удм. языка, в т. ч. бавлинск. говор.), *сал/нуса* (чув. верх. диал.); *вуднореп* (марийск. диал.).

IV. Познание

Количество, величина, размер, степень: 'дорогой' – *кыйбат/киммэт* (башк. с.-западн., южн. диал.), *кыйбат/кыймэт* (тат., средн., тюменск. диал.), *шергы/шергакан* (марийск. горн. диал.), *пахъла/хъкла* (чув. низ. диал.).

Среди приведенных примеров наблюдается либо тождественность: абсолютная ('петух' – *этэс* (башк., лит. яз.), *этэч/этэс/этэз* (тат. средн., миш., диал.), *эчэт* (тат. сиб., барабинск. диал.); *автан* (чув. верх. диал.); *аптан* (марийск. горн. диал.); *атас/аташ* (удм. диал.); 'индейка' – *күркэ* (баш. с.-западн., южн. диал.), *көркэ* (баш. вост. диал.); *курка* (пермск., барабинск. говоры, заказанск. говор кряш. татар); *каркка* (чув. верх. диал.); *курка/куркан/кырка* (удм. северн., южн. наречие); *күрка* (марийск. горн. диал.), частичная ('чеснок' – *һарымһак/һарымһак* (башк. миасск., средн., кизильск., сакмарск. говоры), *сарымһак* (демск. говор), *сарымһак* (с.-западн. диал.); *сарымһак* (тат. пермск. говор); *сарымһак* (удм. канлинский, ташкичинск., буйско-таныпск. говоры); *оском* (тат. тобольск. говор); *уксыым* (марийск. горн. диал.); *ыхра* (чув. верх. диал.)) либо полное ее отсутствие ('божья коровка' – *кыр һыйыры* (башк. южный диал.), *оскалак/осмос* (башк. средн. говор), *осыйырым* (башк. ай. говор), *койашапай* (башк. кизильск., ик-сакм. говоры), *күсмәкүс* (с.-западн. диал., демск. говор); *бийауса* (тат. ичкинск. говор), *камка-тутай* (тат. лямбирск. говор) / *камка тутка* (дрожжанск., темниковск. говоры); *зороно кыбы/киби, зоротки-лоботки, зороно* (удм. диал.); *выри-вырвыр* (марийск. горн. диал.)).

В заключение отметим, что небольшое количество примеров параллельно картографированных лексем исследуемых языков Урало-Поволжского региона объясняется еще и тем, что у каждого составителя атласов – свой собственный опросник, который весьма сильно отличается от остальных, что затрудняет сводимость данных. В этом отношении показательным примером мы бы назвали «Вопросник общеславянского лингвистического атласа». В его структуре лексическая часть представлена в виде деления на семантические поля, общие

для всех анализируемых славянских языков; и выделены группы, обозначающие, например, природу («Рельеф местности», «Метеорология», «Животный мир», «Растительный мир»), человека как физико-биологическое существо («Человек», «Личные черты», «Медицина и гигиена»), общество («Обычаи», «Степень родства», «Домашнее хозяйство», «Транспорт и пути сообщения») и др. [3. С. 5].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / Под ред. Н. Б. Бургановой, Л. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой: В 2-х тт. Казань, Татпрокаттехприбор, 1989. 245 с.

2. *Баскаков Н. А.* Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Советская тюркология. 1982. Вып. 3. С. 3–9.

3. Вопросник общеславянского лингвистического атласа. М.: Наука, 1965. 270 с.

4. Диалектологический атлас башкирского языка / Акад. Респ. Башкортостан, Отд-ние гуманитар. наук, РАН, Уфим. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: Ф. Г. Хисамитдинова (отв. ред.) и др.]. Уфа: Гилем, 2005. 402 с.: карт.

5. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Изд-во: Китап, 2002. 432 с.

6. *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 1. Науч. изд. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.

7. *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В.* Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. 2. Науч. изд. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2010. 364 с.

8. *Сергеев Л. П.* О диалектологическом атласе чувашского языка // Советская тюркология. 1970. Вып. 5. С. 105–120.

9. *Сергеев Л. П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. 104 с.

10. *Тараканов И. В.* К истории изучения удмуртско-тюркских языковых контактов // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 2. С. 23–31.

11. *Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г.* Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (Опыт лексико-семантического и идеографического словаря. Ч. II. Словарь односложных корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья: монгольских, тунгусо-маньчжурских языков в рамках когнитивных сфер «Природа», «Человек», «Общество», «Познание (априори)»). Уфа: Изд-во «Восточный университет», 2004. 200 с.

12. *Шайхулов А. Г.* Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа, 2000. 490 с.

Поступила в редакцию 11.11.2013

A. G. Shaihulov, Z. F. Shaihislamova, V. N. Asmondaryov

Some Methodological Aspects of the Comparative Studies of Dialect Data in the Context of Cognitive Spheres (Based on Dialectological Atlases of the Ural and Altaic Languages)

The article attempts to analyze the lexical units presented in the databases of “Dialectological atlas of the Bashkir language”, “Atlas of the Tatar national dialects”, “Dialectological atlas

of Udmurt language” within the ideographical paradigmatics, in the system of four cognitive spheres: I. Nature (Inanimate, animate), II. Human being (as a physical-biological being), III. Society (person as a unit of the state structure, person in the ideological system of the society, person as a unit of functioning life of society) and IV. Cognition (a priori). In addition, the analysis considers dialectal data of the Chuvash and Mari languages.

Keywords: dialect, vocabulary, linguistic atlas, linguistic contacts.

Шайхулов Алмас Галимзянович,

доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32 (гл. корпус)
E-mail: almazufa2004@mail.ru

Шайхисламова Зубаржат Фаниловна,

кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32 (гл. корпус)
E-mail: zubarzhas@yandex.ru

Асмондьяров Венер Надирович,

соискатель,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»
450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32 (гл. корпус)
E-mail: asm-vener@mail.ru

Shaihulov Almas Galimzyanovich,

Doctor of Sciences (Philology), professor,
Bashkir State University
450074, Ufa, Zaki Validi st. 32
E-mail: almazufa2004@mail.ru

Shayhislamova Zubarzhat Fanilovna,

Candidate of Sciences (Philology), associate professor,
Bashkir State University
450074, Ufa, Zaki Validi st. 32
E-mail: zubarzhas@yandex.ru

Asmondjarov Vener Nadirovich,

postgraduate student,
Bashkir State University
450074, Ufa, Zaki Validi st., 32
E-mail: asm-vener@mail.ru

Ф О Л Ь К Л О Р И С Т И К А

УДК 398.33(470.5)

И. В. Пчеловодова

ФОЛЬКЛОР НА СЦЕНЕ: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

На примере деятельности творческих коллективов Удмуртии рассматриваются современные фольклорные процессы: появление и распространение фольклоризированных форм.

Ключевые слова: фольклор, фольклоризм, неофольклор, популярная культура, новая фольклорная реальность, сценический фольклор.

Для российских исследователей проблемы современного состояния фольклорного творчества во всех его проявлениях остаются самыми актуальными и в научном плане, и в области практического его освоения. Наиболее животрепещущая проблема связана с ситуацией постепенного вымирания повседневной традиционной культуры в местах ее непосредственного бытования и с перенесением отдельных ее форм (музыкальных, обрядовых, игровых и др.) на сцену. Последнее вызывает особенно много споров и суждений, построенных на выявлении «истинного», «настоящего», «чистого» фольклора.

Российские ученые выделяют несколько составляющих современного фольклорного процесса, подробно рассмотренных в статье А. С. Каргина «Фольклор в современном социокультурном пространстве. От повседневной практики до элитарного досуга» [1. С. 6–22]. Для меня, как исследователя и музыканта-практика, интересно сопоставить общую картину современного фольклорного процесса с ситуацией в Удмуртской Республике. Обращение к данной проблеме связано также с прошедшим в рамках I Международного Бурановского фестиваля народного творчества Круглым столом, посвященным проблемам сохранения нематериального культурного наследия в условиях глобализации.

Итак, первая составляющая – слой повседневного фольклора, «бытующий в основном в деревне, представляющий крестьянскую традицию, опирающийся на нее, включающий образцы и жанры традиционного архаического творчества» [1. С. 18]. Применительно к удмуртскому фольклору мы можем говорить о довольно активном, живом его бытовании, что отражается на двух уровнях:

отдельные носители традиции, обычно преклонного возраста, и фольклорные коллективы, участники которых – жители деревни/села разного возрастного состава. Их репертуар построен на местном песенно-танцевальном фольклоре. Однако не всегда мы можем говорить о «чистоте» материала этих коллективов и его исполнения: необработанность; манера подачи характерна для данной местности; степень естественности поведения. Наиболее «чистыми» остаются те коллективы, участники которых – люди преклонного возраста, не искажающие звучания песни и не подстраивающиеся под правила сценического оформления (например, фольклорный ансамбль «Бесерман крезь» Ярского р-на, «Выль Зардон» Алнашского р-на, отчасти – фольклорные ансамбли «Зарни шеп» Малопургинского р-на, «Инвожо» Киясовского р-на и др.).

Второй составляющей, которая количественно преобладает, А. С. Каргин считает «слой неофольклора, то есть фольклора тоже повседневного типа, но ассимилирующего в себе разные типы творчества, разные социально-групповые и региональные традиции и художественные образцы крестьянского и городского фольклора, китч-культуры, авторского и элитарного искусства» [1. С. 18]. На территории УР эта составляющая современного фольклорного процесса тоже превалирует. Остановимся на ее рассмотрении подробнее.

К данному типу фольклора (фольклорные ансамбли, студии, школы, включающие материал разных регионов и традиций) можно отнести следующие коллективы: студия традиционного танца «Эктон корка» (рук. А. Прокопьев), ансамбль народной песни «Важнин ключ» (рук. В. Болдырева) и фольклорно-этнографический ансамбль «Чипчирган» УдГУ (рук. И. Пчеловодова и В. Студитских), ансамбль традиционной песни «Сорока» Республиканского музыкального колледжа (рук. М. Роготнева) и др. Несмотря на разнообразие методов работы в этих коллективах, главный их компонент – исполнение песни/танца, наиболее близкое к аутентичному образцу. Объясняется это тем, что их руководители – не просто исполнители, но исследователи традиционной культуры (фольклористы, музыковеды, этнографы).

Как руководитель фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» отмечу на его примере некоторые моменты своей работы. Наша основная цель – показать и практически освоить традиционную певческую и танцевальную культуру как можно ближе к ее оригиналу – аутентичному образцу. Необходимо заметить, что ансамбль «Чипчирган» относится к разряду любительских молодежных коллективов. Его основу составляют студенты разных факультетов, как правило, без музыкального образования. Плюс такой ситуации – в том, что при разучивании песенного материала главный акцент делается на его прослушивании в исполнении традиционных певцов. В процессе прослушивания ведется аналитическая работа в форме беседы, диалога, чтобы выявить особенности исполнительской манеры (диалектные черты произношения поэтического и музыкального текста) и учесть контекст исполнения и соответствующего поведения участников. При таком способе освоения материала важны эмпирические ощущения каждого участника ансамбля. Это тем более существенно, что основная и первая задача – освоение певческих традиций каждой локальной этнографической группы удмуртов, живущих как на территории республики, так и за ее пределами. То же относится к танцевальному фольклору, построенному

на изучении и практическом освоении танцевальной лексики разных районов Удмуртии и других удмуртских диаспор. Такое восприятие и изучение фольклора дается не всем студентам, однако оставшиеся в ансамбле занимаются с полной отдачей и удовольствием.

Отличаются коллективы и формой подачи материала. Сцена – лишь одна из этих форм, и – что важно! – ее законы приспособляются к представляемому материалу, а не наоборот. Поэтому мастерство руководителя заключается в том, чтобы традиционный жанр, оторванный из контекста функционирования, вписать в сценические условия при минимальных потерях особенностей его исполнительства. Необходимо учитывать ситуационный момент (стоя, сидя, с движением), фактуру (сольно или в ансамбле), возможности инструментального сопровождения (использование традиционных инструментов с учетом их локальных особенностей), то есть в целом – естественное поведение на сцене с учетом выработанных традицией норм. Однако преимущество отдается другим, наиболее традиционным формам – это вечерки, фольклорные вечера, вечера традиционных танцев (проект «Дом танца») без разделения на исполнителя и зрителя, а также выступления в форме лекций и др.

Немаловажна роль традиционных, а не стилизованных, костюмов. Так, у фольклорно-этнографического ансамбля «Чипчирган» главная задача – это представление разных костюмных комплексов, что мы и реализуем в течение последних лет. Благодаря этому в ансамбле представлены женские и мужские костюмные комплексы разных этнографических групп удмуртов: южноудмуртский нескольких районов (Алнашский, Можгинский, Малопургинский, Киясовский, Кизнерский), северноудмуртский девичий костюм, праздничный наряд центральных удмуртов-калмезов, завятский девичий костюм, бесермянский. То же относится и к названным выше фольклорным ансамблям и студиям.

Третья составляющая – «узко-маргинальный фольклор разных социальных, профессиональных, возрастных, конфессиональных и прочих групп, отражающий художественно-эстетические, нравственные представления, интересы, вкусы, язык, ментальность этих групп» [1. С. 19]. Такое направление фольклорного процесса было всегда и, думается, не потеряет своей функциональности в будущем. Более того, именно эта сфера представляет большой интерес для исследователей, открывая новые формы бытования фольклора [2].

К четвертой составляющей относится сценический фольклор, «живущий по законам сцены» [1. С. 19]. К нему относится творчество профессиональных ансамблей, вызывающее самые многочисленные вопросы относительно степени связи их творчества с фольклором, что вполне объяснимо: законы сцены способствуют разрушению некоторых факторов в исполнении традиционного жанра. Но, по верному замечанию А. С. Каргина, необходимо помнить, что «истoki сценического народного хорового, танцевального, музыкального искусства в фольклоре...» [1. С. 19]. Пионером этого направления в Удмуртии является Государственный ансамбль песни и танца «Италмас» (рук. А. Мамонтов), следом возникли другие коллективы: Государственный ансамбль народной песни, музыки и танца УР «Танок» (рук. Ф. Иванов) и Государственный театр фольклорной песни и танца УР «Айкай» (рук. П. Данилов), который ввел на сцену не только

традиционный тканый костюм всех этнографических групп удмуртов, но и традиционные удмуртские танцы и разнообразные обрядовые действия.

Наконец, последняя составляющая находится в сфере авторского фольклоризированного творчества. Главная его черта – произведения «под “народное искусство”, имитирующие его стилевые, художественные черты» [1. С. 19–20], что ярко отражается в песенном творчестве молодых исполнителей. Его можно отнести к сфере популярной культуры, по словам американских исследователей Ч. Мукерджи и М. Шадсона, не противостоящей профессиональной, народной, фольклорной, не отрицающей массовую культуру, а являющейся результатом их взаимодействия, она есть «путь создания единого знакового коммуникативного пространства» [1. С. 15]. Здесь можно выделить несколько форм использования фольклорного материала. В одном случае, это авторское творчество в стиле фолк (к примеру, творчество исполнительницы, известной под псевдонимом Кензали), в другом – включение и использование элементов традиционного музыкального фольклора в электронном формате (например, проект Богдана Анфиногенова Муржол Underground, в творческом дуэте Электроники DJs), а также аранжировки традиционных мелодий (группа Silent woogore, исполнитель на гармонии Александр Ашихмин и др.). Конечно, говорить о присутствии здесь фольклора мы не можем. С одной стороны, это лишь некий опознавательный элемент, выражаемый желанием исполнителей проявить их причастность к своему этносу; с другой – включение удмуртской поп-культуры в рамки российского и, шире, международного масштаба. Известный коллектив «Бурановские бабушки» вызывает к себе неоднозначное отношение людей разных возрастов и профессий. В настоящем их амплуа мы можем отнести их к пятой составляющей современного фольклорного процесса. Несмотря на неоднозначность их восприятия, налицо необычный и, пожалуй, единственный в мире факт исполнения современных авторских произведений в манере, близкой к традиционной форме.

Можно много и долго спорить, что же на самом деле является «истиной», но, боюсь, не придем к единому мнению. Необходимо признать, что рассмотренные выше составляющие имеют право на существование: во многом благодаря именно такому многообразию можно определить, что вечно и правильно, а что – сиюминутно: «Современный фольклор существует в неразрывном контексте с другими типами культуры, взаимодействует с ними, образует множество симбиозных форм» [1. С. 20].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Каргин А. С.* Фольклор в современном социокультурном пространстве. От повседневной практики до элитарного досуга // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. 3. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2006. С. 6–22.

2. *Щепанская Т. Б.* Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сб. докладов. Т. 2. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2006. С. 405–427.

I. V. Pchelovodova

Folklore on the Stage: View from Inside

The article examines modern folklore processes on the example of the Udmurt collectives: appearance and distribution of folk forms of creativity.

Keywords: folklore, folklorism, neo-folklore, popular culture, new folk reality, stage folklore.

Пчеловодова Ирина Вячеславовна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: pchelka-irina@mail.ru

Pchelovodova Irina Vyacheslavovna,

Candidate of Sciences (Philology), research associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov st., 4
E-mail: pchelka-irina@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.511.131:27

А. В. Камитова

БИБЛЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ В ПОЭТИКЕ МАКСИМА ПРОКОПЬЕВА

Статья посвящена роли Библии в становлении и развитии удмуртской художественной литературы. Особое внимание уделяется рецепции библейских мотивов, сюжетов и образов в творчестве удмуртского поэта Максима Прокопьева.

Ключевые слова: удмуртская литература, Библия, мотив, сюжет, образ.

Литературная деятельность удмуртского писателя и поэта Максима Прокопьевича Прокопьева* развивалась параллельно с обучением азам церковной грамотности. Он оставил скромное художественное наследие: вышел всего один сборник стихов и публицистических статей «Максимлэн гоштэмез» («Написанное Максимом») [см.: 3]. В удмуртском литературоведении пока отсутствует представление о его творчестве и месте в истории литературы. Так, не ставился пока и вопрос о роли библейского контекста в его поэтике.

М. П. Прокопьев принадлежит к числу тех немногих удмуртских писателей XX в., кто обратился к художественному осмыслению библейского текста. Известно, что бо́льшая часть удмуртской интеллигенции, в силу своего мировоззрения и исторической ситуации, не затрагивала библейскую тематику. Разумеется, наличие библейских посылов само по себе не возводит творчество М. П. Прокопьева в разряд исключительных. Однако разнообразие освоения библейского контекста в сюжетах его произведений позволяет говорить об этом контексте как основополагающем приеме в его поэтике.

Для удмуртской литературы начало XX в. – время активного преобразования: она утрачивает традиционную анонимность и развивается как «авторская». Начинается становление литературных жанров, разрабатывается стихосложение.

* Прокопьев Максим Прокопьевич (1884–1919) – удмуртский поэт, общественный деятель [4. С. 569].

После событий 1917–1920 гг. происходят изменения в жизни удмуртского народа. Началось формирование новой системы образования: преодоление безграмотности, демократизация школы, отделение ее от церкви [об этом см.: 2. С. 140], что нашло отражение в ранних произведениях удмуртских литераторов. Но христианская основа миропонимания еще отражалась в учебной и художественной литературе: в сознании населения сохраняется отношение к письму и письменности как сакральному знаку и действию, унаследованному от православной веры. Книга понимается удмуртами как священный текст, а умение читать – как удел избранных.

Такое отношение к письменному тексту через Слово Божье интерпретировал по-своему М. П. Прокопьев в стихотворении «Ужез валэктон» («Разъяснение о работе»): «*Султэ замангес, / Бамдэс миськелэ, / Усьтэ книгадэс, / Остэ карелэ <...> Разной ужйосыз / Ужан тодыны, / Муртлэсь но зечгес / Книга адзытэ* ‘Вставайте поскорее, / Умывайте лицо, / Открывайте книгу, / Помолитесь Господу <...> Любое ремесло (дело) / Освоить / Лучше человека / Книга показывает’» [3. С. 2]. Текст написан в форме полезных наставлений, уроков нравственности и приобщает читателя к размышлениям о нравственном обновлении человека, восходящим к духовному поучению, источником которого является Библия.

Современность М. П. Прокопьев также осмысливает через идеи Святого Писания. Так, в стихотворении «Эй, уртмуртйос, башкырт луса...» («Эй, удмурты, став башкирами...») он метафорически размышляет о духовной природе человека сквозь библейское сказание о сотворении человека Богом по своему образу и подобию: «*Ачме Инмар вань муртйосыз / Кылдытэм Аслыз ушатса. / Соин кылзисьтэк вань кылйосыз / Улэ луддылэсь кылзисьса* ‘Наш Бог всех людей / Создал по своему подобию. / Поэтому не внимайте всем словам, / Живите, внимая своей душе’» [3. С. 4]; все люди – Божьего рода.

Говоря о божественной природе человеческой души, поэт приоткрывает завесу греховности человека: «*Эй, уртмуртйос, башкырт луса, / Марлы кылдэс кушт"иды. / Атай д.индэс, дярантэм карса, / Пуны кадик луиды. / <...> Вина дюса, тамак кыскыса, / Люр гуртаса кинь ветлэ* ‘Эй, удмурты, став башкирами, / Почему отреклись от [родного] языка. / Отцовский род погубивши (разрушивши), / Собакам подобны стали. / <...> Вино выпивая, табак покуривая, / Галдя, кто ходит по гостям’» [3. С. 3].

В основу стихотворения «Инмарлэн ванез тодмо» («Известно, что есть Бог») положено библейское предание о происхождении мира «из ничего»: «*Мар гынэ вань муз"ем вылын / Эвеллэсь кукэ пэрмэ-ва* ‘Все, что есть на земле / Из ничего некогда было ли создано’» [3. С. 5]. Авторское понимание о мире как вечном круговороте вещей и цикличности времени также переплетается с библейской концепцией о замкнутом порядке в мире, установленном Богом: «*Тыло-бурдо бон кулыса, / Турым сион ук лу-а? <...> Кизили но толэзь шунд"иен / Кызбы время тодытэ?* ‘Птицы, погибая, / Разве не превращаются в перегной/удобрение для растений? <...> Как по звездам, луне и солнцу / Время узнавать?’» [3. С. 5]. Поэт творчески переосмыслил библейский сюжет сотворения мира, сохранив в тексте идею веры в Единого Бога и воли Его: «*Со косэмйос ог Инмарлэн* ‘Эти заповеди/наставления единого Бога’» [3. С. 6]. Завершается текст фразеологи-

ческим выражением о *послушании* (Богу, Творцу неба и земли), построенном на игре слов: «*Кылдэмке но, вань кылд'иськем* 'Хоть и сотворено, нужно послушаться'» [3. С. 6]. Как видим, М. П. Прокопьев удачно переплетает элементы знаний о мире с библейской реальностью и художественной фантазией.

Сюжетным ключом стихотворения «Инмар косон» («Заповеди/наставления Бога») стала библейская тема Творца и человека, праведности и греха. В тексте звучат призывы, родственные библейским заповедям: «*Мед тодозы исьо* муртйос / Инмарлэсь Од'иг вылэмзэ* 'Пусть знают все люди / О Едином Боге'» [3. С. 6], «*Ум лучкаське ачимес* 'Не будем красть мы'» [3. С. 7], «*Куать нал куспын чырешелэ / Асьтэ уждэс быттыны. / Сизьымет'ияз эн вунэтэ / Инмар ужез ужаны* 'В течении шести дней постарайтесь / Свои дела завершить. / На седьмой [день] не забудьте / Божьи дела завершить'» [3. С. 7] и др. Также М. П. Прокопьев развивает здесь идею о том, что Бог Един по существу. Заповеди Священного Писания в творчестве удмуртского писателя получили авторское переосмысление. Мудрость Священного Писания нашла выражение в стихотворении в форме афористичных и фразеологических высказываний. Так, единственность Бога противопоставляется многобожию, и эта тема осмысливается Прокопьевым в форме афоризмов: «*Ог вадескын кык кузьолы / Од'г ужась уг тупа. / Уно Инмарлэн исьоезлы / Т'ини сычеик уд дяра* 'Одновременно двум хозяевам / Один трудящийся не согдится. / [Веруя] многим Богам, / Ты также не понравишься'» [3. С. 6]. Моралистический библейский афоризм автор обогатил житейским параллелизмом: «*Та дуннейын коть куке но / Марез кизид со будэ. / Соин т'ини зеч улон понна / Муртлы зеч уж лэсьтэлэ* 'В этом мире всегда / Что посеешь, то и вырастает. / Вот поэтому, чтобы жить хорошо, / Совершайте для другого [человека] хорошее дело'» [3. С. 7]. Творческое переосмысление религиозно-нравственных предписаний не нарушает тональности библейского текста.

Представление о существовании Бога в трех Лицах осмысливается в стихотворении «Оло Инмар Куньмо?» («Неужели Бог троичен?»). Автор воссоздает образ триединого Бога: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Духа Святого. В стихотворении провозглашаются нераздельность и единосущность Святой Троицы: «*Атай Инмарлэсь / Ук люкиськы, / Сычеик Духен Инмар Пи / Оло Инмарлы / Ушамиськыз / Люгытэз бадзым адзиськом* 'Отец от Бога / Не разделяется, / Может и оттого, что Бог-Сын с Духом / Схожи / Свет мы видим большой'» [3. С. 8]. Акцентируется идея троичности Единого Бога: «*Инмармы куньмо* 'Наш Бог троичен', *Куньмолыкзэ Инмарлэн* 'Троичность Бога'» [3. С. 8]. Непреложная истина о трипостасности Бога утверждается образным параллелизмом: «*Люгыт шунытэн / Тыллэсь потэ. / Сое коть кинь но тодэ. / Тань татысен / Тодын луэ / Инмармылэсь куньмозэ* 'Свет с теплом / Исходят из огня / Об этом знают все. / Вот отсюда / Можно знать о том, что / Наш Бог троичен'» [3. С. 8]. Свет, тепло и огонь также троичная субстанция, характеризующая Святую Троицу. Подчиняясь

* Ср.: «Никто не может служить двум господам...» [1. С. 1044].

** Ср.: «Что посеет человек, то и пожнет» [1. С. 1243].

*** Ср.: «Что посеет человек, то и пожнет» [1. С. 1243].

эстетической категории возвышенного, поэтика стихотворного произведения обогащается символическими образами. Так, слово «свет» иносказательно и получает схожий со Священным Писанием смысл, символизируя Божественную сущность, радость, вечность, обновление, рождение. Автор развивает библейское представление о том, что Бог – источник света, как сияющая огненная субстанция.

Вопрос о делении времени на семь дней раскрывается в стихотворении «Арня куспись нуналийос» («Дни недели»). Традиционные удмуртские названия дней недели осмысливаются через библейское времяисчисление. В Библии общепринята семидневная неделя с субботным «днем покоя». Счисление времени по неделям не имело особенных названий. Недельные дни просто назывались именем числительным. Прокопьев обыгрывает библейское исчисление дней согласно своему видению. Начало текста основывается на заповеди о соблюдении субботы: «Арня куспын куать нал чоже / Инмар косэм ужаны, / Со бере шол сизьымет-изэ / Инмармылы с-изьыны ‘В неделе в течение шести дней / Господь Бог велел работать, / После этого седьмой [день] / Посвятить Господу Богу’» [3. С. 8]*. Далее автор объясняет названия шести дней, используя имена числительные. Например: «Первой нунал Инмар нал бере / Уж нош вордчке арнялы. / Соин т-уни вордчкон луэ / Тань та первой нуналмы ‘Потому что первый день Господа Бога, / А работа рождается за неделю. / Поэтому рождением [называется] / Первый день у нас’» [3. С. 8]; «Кыкет”иез пуксьон луэ, / Уж инт-ияськса вуэмись ‘Второй [день называется] сидением, / Работа садится на место’» [3. С. 9]; «Куньмет-ез вир нал луэ, / Иуда вир дун басьтэмись ‘Третий [день называется] кровавым днем, / Иуда заплатил кровью’» [3. С. 9]. Так М. П. Прокопьев трансформировал общепринятый канонический сюжет согласно своему мировосприятию.

Одним из первых удмуртских поэтов он обратился к переложению библейских сюжетов на язык поэзии. Особенность освоения библейского текста проявляется у него в самом отборе и в осмыслении библейских сюжетов. Общеизвестные библейские выражения получили авторскую интерпретацию, приобрели символический смысл. Кроме того, переложение библейского текста на удмуртский язык получило специфическую форму введения его в национальный контекст и в контекст идиостиля М. Прокопьева.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2012. 1296 с.
2. История Удмуртии: XX век / Под ред. К. И. Куликова; введение О. И. Васильевой, Л. Н. Бехтеревой, Н. А. Родионова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
3. Прокопьев М. П. Максимлэн гоштэмез. Оса: Тип. уез. испол. ком., 1918. 30 с.
4. Удмуртская Республика: энциклопедия / Гл. ред. В. В. Туганаев. Ижевск: Удмуртия, 2000.

Поступила в редакцию 14.11.2013

* Ср.: «Помни день субботний, чтобы святить его; шесть дней работай и делай [в них] всякие дела твои, а день седьмой – суббота Господу, Богу твоему <...>» [1. С. 1].

A. V. Kamitova

The Biblical Context in Maxim Prokopjev's Poetics

The article analyzes the role of Bible in formation and development of the Udmurt fiction. Special attention is paid to the reflection of the biblical motives, plots and images in the works of the Udmurt poet Maxim Prokopjev.

Keywords: the Udmurt literature, Bible, motive, plot, image.

Камитова Алевтина Васильевна,

кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: akamitova@mail.ru

Kamitova Alevtina Vasiljevna,

Candidate of Sciences (Philology), research associate,
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the
Ural branch of the Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov st., 4
E-mail: akamitova@mail.ru

УДК 821.511.143'255.2

С. С. Динисламова

**ЮВАН ШЕСТАЛОВ.
ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ**

В становлении поэта-манси Ювана Шесталова особая роль принадлежит известным переводчикам: М. Дудину, Н. Грудиной, Н. Старшинову и др. Но даже им не всегда точно удавалась передача специфики национального мышления и образного видения мира поэта. Литературные переводы придают стихотворениям новые качества. Преимущественное внимание переводчиками уделялось больше содержательной стороне художественного произведения, чем передаче национальных и стилистических особенностей, в частности мелодики, ритмики, лексики.

Ключевые слова: Юван Шесталов, смысловой перевод, художественный перевод, подстрочки, оригинал, манси, писатели-северяне, сравнения, восторженность.

Юван Шесталов принадлежит к плеяде выдающихся литераторов Севера, творческий путь которых начинался в советские годы. Изменение политики государства, принятые нормативные документы, постановления 1928–1930-х гг. позволили ранее бесписьменным народам Севера поделиться своим духовным достоянием, показать своеобразие культуры, выдвинуть ярких художников слова (Григорий Ходжер, Юрий Рытхэу, Владимир Санги, Юван Шесталов и др.). Развитию их таланта, несомненно, способствовала литературная среда, многие литераторы состоялись благодаря вниманию писателей старших поколений и, конечно же, тех, кто своим талантом открыл их творчество широкому читателю – переводчикам.

Переводчикам принадлежит важная роль в становлении поэта-манси Ювана Шесталова, которому принадлежат в переводах на русский язык сборники «Пойте, мои звезды» (1959), «Огонь на льду» (1961), «Песня последнего лебедя» (1969), «Таежная поэма» (1970), «Языческая поэма» (1971) «Сказка в синий полдень» (1977), «Огонь и снег» (1979), «Слово Гиперборея» (1984). При сопоставлении этих переводов с оригиналами обращает на себя внимание объединяющая их интонация повышенной восторженности. Возможно, потому и в литературной критике сложилось мнение о том, что в истории мансийской литературы Ю. Шесталов предстает певцом «социалистического обновления

и расцвета» [1. С. 86]. Между тем он поэт разносторонний, и в произведениях, овеянных реалиями советского времени и выражающих его высокое чувство патриотизма, «образованность» и «цивилизованность» [1. С. 86], звучит наиболее остро любовь к своему народу. Его глубоко волнует судьба манси – народа, который только при советской власти получил возможность развиваться и приблизиться к общекультурным ценностям.

К переводу стихотворений Ю. Шесталова, отметим, обращались такие известные поэты, как М. Дудин, Н. Грудина, Н. Старшинов, С. Ботвинник, А. Поперечный, О. Шестинский, Д. Сухарев, Л. Хаустов, И. Григорьев, Г. Семенов, Б. Гусев, Ю. Левин. Благодаря им поэзия Ювана Шесталова стала открытием для широкого читателя. Тем не менее, как это нередко бывает, не всегда точно удается передать на другом языке специфику национального мышления и образного видения мира поэта-манси.

Обратимся к тексту стихотворения «Сяхыл» («Гроза») (1958) и сопоставим оригинал с переводом М. Дудина. Примечательно, что это стихотворение переводили на русский язык многие поэты-переводчики, словно состязаясь друг с другом: «Кто лучше переведет?». Как считает Юван Шесталов, лучше всех получилось у Михаила Дудина.

Представим оригинал стихотворения и подстрочник, выполненный автором статьи:

Сяхыл

*Нюлы-кис хораи
Аялангкве вит.
Сяхыл нял вораи,
Харсяталы тып.

Витсов йикви, порги,
Люньси, сисги вор.
Сяхыл Торум мирги,
Тысты посал хор.

Эдаль хап топ тови,
Элумхолас ёр!
Наскасыг хунь ови
Сымет ёрнын ёр!

Олнэ-хулнэ турап
Вас тав манах сёс,
Оске турап вари –
Вори тоты ос!*

Гроза

Радуга вспыхнет
Испить воды.
Грозы стрела сверкнет,
Треснет осина.

Поверхность воды танцует, прыгает,
Плачет, рыдает лес.
Грозовое небо сверкает,
Вздыхает протока.

Вдаль лодка только гребет,
Человек силен!
Зря не течет
В его сердце сильная сила!

Эту имеющуюся непогоду
Знал он столько раз,
Если непогода еще повторится –
Упрямство покажет снова!

На первый взгляд, текст оригинала носит описательный характер. Читатель становится наблюдателем или участником действия. Он видит вспыхнувшую радугу, слышит раскаты грома, треск деревьев в лесу, поверхность воды в речке пенится под струями летнего ливня, за спиной натужно шумит лес, сопротивляясь обрушившимся с неба потокам воды. И в этой стихии по речке спокойно плывет легко управляемая лодочка-калданка. Человек, сидящий в ней, умело и ловко

гребет веслом. Он выполняет свою каждодневную работу, едет проверять сети. Для него не существует плохой погоды. Примерно таков смысл стихотворения. Первые восемь строк у поэта звучат эмоционально, наполнены звуками жизни, в последних восьми – чувства его сдержаны. Герой спокойно воспринимает стихию. Так поэт, выражая дух народа, утверждает его и в самом себе. Контекст стихотворения – тема единения, слитности, нерасторжимости человека и природы.

Обратимся к подстрочнику. В нем утрачено авторское начало. Подбор синонимов не «заставил» заговорить стихи так, как они звучат в оригинале. Человек чуть ли не противопоставлен природе. Упрощенность подстрочника обусловлена потерей как точного значения мансийских слов, так и образными смыслами. Исчезла психологическая насыщенность – внутренняя сила чувств. Восстановление, воссоздание смысла стихотворения – задача переводчика. Их чутье и профессионализм возвращают произведению на другом языке обаяние подлинности. Приведем перевод М. Дудина:

Гроза

Пьет воду радуга-дуга,
Сквозь золотые перья,
Ломает молнии рука
Тяжелые деревья.

Пляшет дикая волна,
Под плеск и грохот грома.
Как рысь кусается она,
Как лось она огромна.

И только лодка рвется вдаль,
Так повелось от века.
Я знаю: буря не печаль
Для сердца человека.

Сколько раз в тяжелый спор
Бросался, брови хмурия.
Он встретит вновь его в упор,
Коль снова грянет буря [1. С. 32].

В то же время литературный перевод сообщил стихотворению новые качества – те, которых нет в мансийском тексте: восторженность, стремительность, объемность. Прибавились необычные сравнения: волны, «кусающиеся», как рысь, и огромные, как лось. Подобных сравнений ни в мансийском фольклоре, ни в обыденной речи нет, и поэтому у носителей языка данные сравнения вызывают недоумение: ведь волны не могут кусаться и тем более соотноситься по размерам не с водным, а с лесным зверем.

У М. Дудина человек «хмурия брови» «в упор» спорит со стихией; герой Ю. Шесталова «непогоду знал много раз», и она его не пугает. Вновь выдастся непогода – и вновь он будет делать то, что обязан. А речка – небольшая протока в шесталовском оригинале, превратилась у М. Дудина чуть ли не в морские просторы.

Работа М. Дудина по содержанию несет более объемный смысл. Но в его варианте сохраняется шесталовское звучание и ритм. Учтены индивидуальные особенности творчества поэта-манси. Юван Шесталов о своем стихотворении говорит: «Почему написал – не знаю, но слова вылетали из меня гремя громом, сверкая молниями. Может, во мне снова оживал Ась-ойка, мой дедушка? Он был последним хранителем Сяхыл-Торума, Бога-Грома» [3. С. 78]. Впервые перевод этого стихотворения опубликован в сборнике поэта «Пойте, мои звезды» (1958).

Рассмотрим еще одно стихотворение Ю. Шесталова с точки зрения его смыслового перевода. В сборнике «Миснэ» (1961) представлены параллельно мансийские и русские тексты его стихотворений (смысловые переводы выполнены А. Н. Баландиным). В предисловии специалист по литературе народов Севера подчеркивает значение таких переводов, как «большой выигрыш для литературы» [4. С. 8]: их преимущество – в более свободной передаче мысли, в более точном понимании специфики национальной образности; в том, чтобы избежать чрезмерно свободной трактовки.

В то же время, по нашим наблюдениям, сам исследователь в смысловых переводах допускает неточности в передаче традиционных образных сравнений. Приведем несколько строк.

Оригинал:

*Анумн товыл ос хоса лэхьяс эри,
Тамле лэхьяс нэмхотпа ат вас.
Вос сымумт раты хурахлан сым эрыг,
Вос туйт хольт сульги маньси мирум кас.*

Подстрочный перевод наш:

Мне крыло и длинная тропа нужны,
Такой тропы ни один человек не знал,
Пусть в моем сердце бьется тревожная сердечная песня,
Пусть снегу подобно звенит мансийского моего народа радость.

Смысловой перевод А. Н. Баландина:

Нужны мне крылья и длинная дорога,
Такой дороги никто еще не знал.
Пусть в моем сердце бьется песнь тревоги.
Пусть радость и веселье мансийского народа
Звучит в нем так, как хрупкий снег под полозом саней.

В мансийском языке порядок слов в предложении строго фиксирован. В поисках рифмы поэт в третьей и четвертой строках поменял стройную систему слов, глаголы «раты» – «бьет», «сульги» – «звенит», употребляемые в конце предложения, им поставлены в середину.

Радость народа поэт сравнивает со звуком хрустящего, а точнее *звещающего* снега. Такой звук приобретает снег ближе к весне. Под настом он становится зернистым, кристаллизуется. Если взять его в руки, то слышен своеобразный хруст-перезвон. Именно звук пересыпаемого снега, его чистота и белизна,

а также приближение весны сравнимы у Ю. Шесталова с радостью родного народа. У переводчика образность традиционного сравнения не точна: радость народа сравнивается со скрипом снега «под полозом саней».

О проблеме перевода шесталовских произведений точное, на наш взгляд, высказывание принадлежит К. Я. Лагунову: «Я знаком почти со всеми переводчиками “Языческой поэмы”. Это одаренные поэты, достаточно хорошо владеющие поэтическим мастерством. Но они даже гостями не бывали на Приобском Севере, не знают ни быта, ни культуры, ни фольклора, ни языка того народа, с которого пытаются переводить на русский язык. Не упрекаю их в этом. Тут целый сонм глубоких объективных и субъективных причин, но страдает от этого литература» [5. С. 203]. Освещая проблему перевода, автор справедливо приводит неудачные сравнения и предложения: «Когда крысы были жирны, как в болотах комарье», «Наши речки, словно реки, онемели от мороза». В оригинале «Языческой поэмы» – «Нюлы эрыг» нами подобные сравнения и предложения не обнаружены.

К. Лагунов приводит также строки: «И льют песни плавные, как жир», или «как жир по волнам, плавно льются мысли», считая их для манси нетрадиционными. Но здесь мы с ним не согласимся: как раз с жиром, с маслом сравнивают манси то ровное течение мыслей, то слаженную, красивую речь собеседника, то звучание понравившейся песни.

В заключение подчеркнем важность проблемы художественного перевода – как во многом проблемы выхода национальной литературы на широкую арену. Переводы расширили связь мансийской литературы с другими литературами. Однако, что мы и стремились показать, преимущественное внимание переводчики уделили содержательной стороне текста, нежели передаче национальных и стилистических особенностей, в частности – мелодики, ритмики, лексики.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лебедев В. Д.* Манси. Очерк истории литературы. Тобольск, 1995. 105 с.
2. *Шесталов Ю. Н.* Собр. соч. СПб.–Х.–Мансийск: Фонд космического Сознания, 1997. Т. 1. 480 с.
3. *Шесталов Ю. Н.* Самая чистая радость. Л.: Лениздат, 1985. 191 с.
4. *Баландин А. Н.* Предисловие / Шесталов Юван. Миснэ. Тюмень, 1961. 46 с.
5. *Лагунов К.* Поэтическая энциклопедия жизни // Мансийская литература / Сост. В. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 191–204.

Поступила в редакцию 19.09.2013

S. S. Dinislamova

To the question about Y. Shestalov's works translation

Special role in formation of Mansi poet Yuvan Shestalov belongs to known translators: M. Dudin, N. Grudinina, N. Starshinov, etc. But even they sometimes couldn't translate

accurately specificity of national thinking and picturesque vision of the world of the Mansi poet. Literary translations give new qualities to the poems. The primary attention translators gave to the substantial part of the work, than to transfer of national and stylistic features, in particular melodic, rhythmic, vocabulary.

Keywords: Yuvan Shestalov, semantic translation, literary translation, word-per-word translations, the original, Mansi, writers-northerners, comparisons, enthusiasm.

Динисламова Светлана Силиверстовна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
628000, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14 А
E-mail: Dinislamovass@mail.ru

Dinislamova Svetlana Siliverstovna,
Candidate of Sciences (Philology), research associate,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development
628000, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14 A
E-mail: Dinislamovass@mail.ru

УДК 821.511.131.09

Л. А. Богданова

КОНЦЕПТОСФЕРА

ПОВЕСТИ Г. Д. КРАСИЛЬНИКОВА

«ОСТАЮСЬ С ТОБОЙ»

В статье рассматривается концептосфера повести Г. Д. Красильникова «Остаюсь с тобой». Наиболее значимые для автора понятия: «мечта», «совесть», «семья», «любовь», «родина», «счастье» – то, о чем он говорит с читателем, чтобы тот вместе с героем осмысливал насущные вопросы человеческого бытия.

Ключевые слова: концепт, концептосфера; аксиологический, онтологический и гносеологический аспекты, исповедь героя, диалектика души, философско-этическая концепция человека.

Понятие концепта, используемое когнитивной лингвистикой, в последнее время активно интересует и литературоведов. Концепт дает возможность увидеть на более высоком уровне, как формируется художественный мир произведения, его концептосфера, что позволяет рассматривать творческий замысел писателя с точки зрения всеобщих законов бытия, в аспекте познаваемости мира, в итоге – с позиций определения общечеловеческих ценностей, нравственных критериев.

Геннадий Дмитриевич Красильников – один из классиков удмуртской литературы. По мнению В. М. Ванюшева, Ф. К. Ермакова, Н. П. Кралиной, З. А. Богомоловой и др. [2, 3, 4], он обогатил удмуртскую прозу произведениями, наполненными пристальным вниманием к личности человека, к его душевному миру. Одно из произведений Г. Д. Красильникова, наиболее тонких психологически и, одновременно, философски, – повесть «Остаюсь с тобой», написанная в кон. 1950-х гг. [1]. Эту исповедь молодого человека, оказавшегося на перепутье и напряженно размышляющего о своем месте в жизни, о том, каким должен быть он сам и как понять, на правильном ли он пути, можно рассматривать в разных аспектах: аксиологическом, онтологическом и гносеологическом. Главный герой, Алеша Курбатов, ошибается, падает, встает, идет дальше, снова падает и вновь поднимается, чтобы продолжать путь, на котором он постепенно обретает себя и смысл своей жизни. Представлен сам процесс противоречиво возникающих и развивающихся в душе юноши чувств, мыслей, настроений и стремлений. Через развернутую систему антитез (мечты и реальность, ложные и истинные

друзья, внешнее влечение и настоящая любовь и т.д.) автор передает «диалектику души» героя, проходящего через потери и обретения и вырабатывающего в итоге систему ценностей. Так, постепенно наполняется концептосфера повести.

Что же происходит с Алешей Курбатовым на протяжении только одного, но, как выясняется, решающего года его жизни? Поначалу это герой, жаждущий занять свое место в обществе. Это место твердо определено им и уже выстрадано: мечта о небе из-за плохого зрения не осуществима. Но «если не суждено сидеть за штурвалом самолета, стрелой прочерчивая звездное небо», то можно делать самолеты, стать инженером. В школе им говорили: стоит только захотеть – и мечта осуществится. Но Алеша не нашел себя в списках зачисленных в институт. Остался вопрос: «Куда теперь?..».

Так, проявляется один из основных концептов художественного пространства повести – «мечта». Автор детально представляет его структуру. Мечта героя вырастает не только из его личных желаний, здесь и не совсем правдивые слова учителей о безграничных возможностях для выпускников (так что герой не готовится к испытаниям). Мы видим, как первые планы Алеши выстраиваются вокруг собственного «я», потому так болезненно отзываются в его душе первые потери: в его мире пока есть только желание и обрушение этого желания создает своеобразный вакуум. Со временем герой поймет, что чем больше он наполнит свой мир другими людьми, тем выше будет его мечта и вероятнее ее исполнение.

В начале повести Алеша только пытается найти свое место в жизни и обижается на судьбу, не оправдавшую его желания, постепенно происходит его возмужание, взросление.

В ходе постоянного анализа поступков окружающих людей и собственных первоначальный вопрос «Куда?» замещается другим: «Кто должен быть рядом?». У таких, как Мишка Симонов и семья Волковых, единственная цель – «набить свой карман» вопреки и здравому смыслу, и нравственным нормам, тогда как Алексей Кириллович Захаров, Генка Киселев, обычные вроде люди, просто каждый день дарят окружающим частичку своего сердца, тепло своих рук.

В размышлениях Алеши о других людях проявляется и его суть: приятие или неприятие того или иного явления характеризует его самого. Мысли Алеши о друге, о председателе колхоза, о дяде Алексане помогают читателю увидеть в нем самое существенное: в этом постоянно сомневающемся юноше есть нравственная основа – тот стержень, который должен в конце концов помочь ему обрести себя.

Алеша Курбатов – натура рефлектирующая, склонная к постоянному самоанализу. Он оценивает свой труд и свое отношение к работе («В работе я забываюсь, незаметно исчезают невеселые думы, точно испаряются, отступают в дальние уголки сознания...» [1. С. 308]), сравнивает свою жизненную позицию с позицией тех людей, кого считает примером для себя («...Образования у дяди Алексана немного... но откуда такая сила в его словах? Где те родники, что питают его безмерную веру в жизнь, веру в хорошее? Он и с одной ногой стоит на этой земле куда прочнее, чем Боталов! А я? Будет ли у меня когда-либо такая надежная опора под ногами? Да, земля тверда, только не всякий стоит на ней так же твердо, непоколебимо, как дядя Алексан...» [1. С. 314]). Раздумья героя о конкретных событиях и людях завершаются философскими выводами. Так, воспоминания

о замечательном человеке, с которым Алеша подружился на курсах и который занял в его сердце заметное место, приводят к убеждению, что везет ему на хороших товарищей по той простой причине, «что на земле хороших людей неизмеримо больше, нежели дурных». Обретает очертания еще один концепт – «совесть». Так же, как и «мечта», он сложен по своему наполнению. Его структуру организует и сопоставление людей (дурных и хороших), и размышления Алеши о том, что важнее: образование без цели или цель, дающая опору под ногами и приводящая к добрым поступкам, к вере в людей и, наконец, к образованию, необходимому и самому человеку, и его близким, и малой родине.

Постоянный самоанализ позволяет герою почувствовать перемены в себе, убедиться в правильности выбранного пути, утвердиться в собственных открытиях: «Не вертелись больше в голове мучительные вопросы: что же дальше? Куда податься? Где мое место?.. Одно для меня было ясно: сегодня я нужен людям, у меня нет права уйти от них, и место я занимаю вполне законное» [1. С. 370]. Герой готов сделать все от него зависящее, чтобы видеть, как результат его работы приносит людям радость. Самые серьезные переживания юноши теперь вызваны не собственными обидами, а степенью причастности его к общему делу.

Но важнейшие особенности психологии героя проявляются не только в самоанализе поступков и мыслей. Перед нами раскрывается его тонкая, ранимая душа. Почувствовать это помогает читателю еще один концепт – «семья». Малейшие перемены в отношениях с близкими заставляют Алешу глубоко переживать. Он видит, как горько отцу наблюдать за ссорой сыновей: «Какой у него несчастный вид: сидит маленький, растерянный, с дергающейся культией. Раньше я как-то не замечал, что отец у нас невысокого роста, с худыми плечами, лицо сплошь в густом узоре морщин, волосы давно схвачены сединой. Как сильно постарел он за последний год! И немалая доля вины за это лежит на мне: от плохого сына седеет отец...» [1. С. 328]. Отцовская боль отдается в сердце Алеши потрясением. Но как радостно ему ощущать любовь родителей, осознавать, что они простили сына, что размолвки с братом остались в прошлом. И пусть никто из родных не говорит об этом вслух, но это витает в воздухе. Так, отец с беспокойством поглядывает на сына, выздоравливающего после серьезной болезни, и «с неприемной лаской» замечает, что вставать пока рановато.

Алешу волнует все, что связывает его с людьми. Ему нестерпимо стыдно перед односельчанами за свой проступок, в котором, пожалуй, больше глупой доверчивости к Мишке Симонову и его «друзьям». Тем не менее чувство стыда жжет героя изнутри. Но приходит время людской благодарности: «... дядя Олексан положил свою большую, жесткую руку на мою, легонько пожал: “Ты не думай, парень, мы тебя по-хорошему помним. Ждали. Ну, будь здоров!” От его слов у меня в груди шевельнулось что-то горячее, защипало в глазах, я отвернулся лицом к стене – не должны видеть, как плачет от радости человек» [1. С. 366]. Семья героя расширяется: от родных – к друзьям – к односельчанам – к малой родине.

Огромное место в жизни Алеши занимает любовь. Но какой она должна быть? На этот вопрос тоже необходимо найти ответ. Первый поцелуй приводит героя в трепет, но после недолгой разлуки образ любимой размывается временем, словно водой. Может, это не любовь? Но вот исподволь, день за днем зреет где-то

в глубине сердца чувство – теплое, такое нежное, что тронь – и как огонек на ветру, погаснет. Нет в тексте объемных эпизодов, в которых бы описывались встречи героев, автор не дает возможности читателю в полной мере представить себе Анну Балашову – Аннушку. Да и лишнее это. Достаточно нескольких деталей, чтобы понять глубину рождающегося чувства. На вечере, в клубе, Алеша как-то вдруг замечает, что глаза у Анны голубые – под цвет платья. Чуть позже подаренным ею синим платочком перевязывает себе рану на руке. После разлуки и ряда недоразумений Алеша случайно встречается с ней, видит совсем близко ее лицо, замечает, как быстро-быстро бьется тоненькая жилка над ее правой бровью, и понимает, что лицо это – родное и знакомо ему до малейшей черточки. Герои так и не сказали друг другу таких, казалось бы, обязательных слов. Но разве они так необходимы, когда «все было ясно без слов», замечает автор. Так обретает контуры новый концепт – «любовь». В понимании Алеши (а через него – автора), любовь проявляется не в красивых словах, а в ощущении того, что кто-то стал для тебя родным человеком. Два концепта сливаются: «семья» и «любовь».

В повести Г. Красильникова существенна роль деталей, обладающих двойным, а то и тройным смыслом. От объективно-познавательного, через субъективно-эмоциональное автор развивает содержание детали в философское, символическое. В большинстве эпизодов повести закладывается такая многоуровневая информация. Так, внимание Алеши к цвету глаз возлюбленной говорит о его внимании к девушке (объективно – начало нового этапа в жизни героя: взросления, рождения новых чувств...), и одновременно в этом есть пока не осознаваемое им приятие главного душевного качества возлюбленной – ее человеческой чистоты (объективно-предметное содержание образа восполняется эмоционально-субъективным, что характерно для лирики). Так, не утрачивая функции повествовательно-изобразительной, детали описания у Красильникова обретают и другую – эмоционально-экспрессивную.

В повести «Остаюсь с тобой» Г. Красильников создает свою философско-этическую концепцию человека. В основе сюжета – поступки Алеши Курбатова, его отношения с другими людьми, и – вместе с тем – читателю открывается не менее насыщенная, а может быть, и более наполненная внутренняя жизнь героя, состояние которого предстает и во внешних его проявлениях, и в ходе самоанализа.

Углублению картины внутреннего состояния героя способствуют зарисовки природы, прорастающие из описания места действия в «пейзаж души». Так, особое, символическое значение обретает в повести речка Чурайка. Этим образом и открывается повесть. Постепенно образ маленькой речушки расширяется до концепта «родная земля», «малая родина», «родина».

Уезжая из дома, герои прощаются прежде всего с Чурайкой. В жаркие дни страды она дает Алеше прохладу и отдых, наполняет силою уставшее тело. И если сама она начинается с родничка, то для героев повести река – это основа их жизни и начало всех начал. Так, в центре лирического монолога Алеши о родине журчит беспокойная Чурайка:

«...Тишина над селом. Все замерло в каком-то выжидательном молчании. Но если придержать дыхание и прислушаться, то можно уловить далекие звуки ночи: где-то во ржи тюкает перепел, с другого конца поля ему отвечает под-

ружка; журчит, играет с мелкой галькой наша беспокойная речушка Чурайка... Временами чудится тихий глубокий вздох. Может, это дышит сама Земля? И вздох этот доносит до села волнующий, пьянящий запах спелой ржи. Эх, если б можно было взять в охапку всю эту красоту. Но куда я понесу ее? Нет, пусть все остается на своем месте – ведь и сам я остаюсь здесь, среди этой красоты, она всегда будет со мной...» [1. С. 391].

Формой обнаружения внутреннего содержания героев выступают также детали портрета. Автора интересуют такие детали внешнего облика персонажа, которые вскрывают устойчивые качества его характера. Так, цвет небесной чистоты сопровождает Аннушку на протяжении всего сюжета (голубые глаза, голубое платье, синий платочек). Несколько раз предметом размышлений Алеша становится деревянная нога дяди Олександра: герой видит его неуклюже шагающим по улице и радуется началу зимы, потому что теперь дядя Олександр не будет оступаться своей деревяшкой в холодную, вязкую грязь, и наконец замечает: «Он и с одной ногой стоит на этой земле куда прочнее, чем другие...» [1. С. 314].

Алеша Курбатов наиболее полно раскрывает себя в ретроспективном самоанализе. От детских воспоминаний (о разговоре с отцом об истоках Чурайки, о мечте стать героем-летчиком, о детских шалостях в огороде старика Парамона) автор приводит героя к размышлениям, в которых Алеша сравнивает себя-прошлого и себя-настоящего: если раньше он радовался началу зимы, потому что можно было покататься на лыжах, то сейчас его больше заботит нога дяди Олександра; если, будучи ребенком, он боялся старого Парамона (было за что), то сегодняшний Алексей открывает для себя мудрость и доброту этого сурового человека.

Читатель видит героя в эволюции, в процессе самоанализа, а значит – самопознания, что позволяет Алеше найти тот верный путь в жизни, который и приведет его к счастью. Концепт «счастье» завершает концептосферу повести, объединяет собой все отмеченные нами концепты: «мечта», «совесть», «семья», «любовь», «родина». Это, по мнению автора, и должно стать содержанием жизни каждого человека. Значит, об этом и нужно говорить с читателем, давая ему возможность вместе с героем ответить на насущные вопросы человеческого бытия.

Обостренное внимание к психологическому раскрытию глубинных ресурсов человека позволяет писателю поставить вопрос о нравственной ответственности человека за свои поступки, за свою судьбу и судьбы близких людей. Алеша Курбатов, проходя через жизненные испытания, анализируя и честно оценивая себя, свои действия, в итоге предстает перед читателями сложившимся Человеком. И если мысленно мы продолжим его жизнь, то увидим, что в его характере образовался тот нравственный стержень, который не даст человеку сломаться в любых, даже самых серьезных, испытаниях.

Жанровая природа повести Г. Красильникова, построенной как исповедь героя, помогает читателю войти в художественное пространство произведения, соотнести свою жизнь с судьбой персонажа. Самоанализ героя, исследование человеческой природы вообще и взаимоотношений людей в частности, детализированный портрет, в раскрытии которого важную роль играют виды пейзажа – все подчинено единой цели: создать образ молодого современника, взрослеющего в жизненных испытаниях, строящего свою жизнь по законам совести

и нравственности, что необходимо писателю для выражения собственной философско-эстетической концепции человека – деятеля и мыслителя.

Со времени написания повести прошло более полувека. В 2013 году Геннадию Красильникову исполнилось бы 85 лет. Мир вокруг изменился. Новые времена диктуют нам новые законы жизни. Концептосфера нашего времени организуется другими явлениями. Однако есть вечные законы бытия и основы человеческой жизни: *мечта, совесть, семья, любовь, родина*. Если этим будет наполнена наша жизнь, возможно, мы сможем понять, что такое счастье. Об этом и писал в своих произведениях Геннадий Красильников.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Красильников Г. Д. Остаюсь с тобой. Повесть и рассказы. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1961. 416 с.

2. Богомолова З. А. О творчестве Г. Красильникова. Критико-биографический очерк. Ижевск: Удм. книж. изд-во, 1962. 80 с.

3. Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных литературах Урало-Поволжья. Сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова. Ижевск: УдГУ, 2005. 164 с.

4. Г. Д. Красильников – писатель и человек. Статьи. Воспоминания. Ижевск: Удмуртия, 1982. 231 с.

Поступила в редакцию 17.09.2013

L. A. Bogdanova

Conceptosphere of G. D. Krasilnikov's novel "Ostayus s toboj" ('Stay with you')

The article examines conceptosphere of G. D. Krasilnikov's novel "Ostayus s toboj" ('Stay with you'). The most significant concepts for the author: «dream», «conscience», «family», «love», «motherland», «happiness» is what he says to the reader forcing him to comprehend urgent questions of human existence.

Keywords: concept, conceptosphere, axiological, ontological and gnoseological aspects, the confession of the hero, soul dialectics, philosophical and ethical concept of man.

Богданова Людмила Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт
имени В. Г. Короленко»

427621, Россия, г. Глазов, Первомайская, 25

E-mail: bogdanovaluda@gmail.com

Bogdanova Ljudmila Anatoljevna,

Candidate of Sciences (Philology), associate professor,

Glazov State Pedagogical Institute named after V. G. Korolenko

427621, Russia, Glazov, Pervomajskaya st., 25

E-mail: bogdanovaluda@gmail.com

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ
УДК 94(47)"15"

А. Л. Мусихин

**ГРАМОТЫ КАРИНСКИМ АРСКИМ КНЯЗЬЯМ XVI В.:
ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ИЗУЧЕНИЯ**

В статье подробно рассматривается история обнаружения, изучения и публикации грамот, выданных от имени русских великих князей и царей каринским арским князьям; отмечается необходимость выявить и изучить все списки грамот, хранящиеся в различных архивах страны.

Ключевые слова: Вятская земля, Карино, каринские князья, арские князья, источниковедение.

В последние десятилетия интерес к истории вятских каринских татар чрезвычайно возрос. Это связано с активным изучением различных аспектов этнической истории татар, удмуртов, бесермян, вопросов генеалогии каринских татар и – в меньшей степени – вопросов истории Вятского края в целом. Ни одно из этих исследований не обходится без ценного и во многом уникального источника – жалованных и указных грамот каринским арским князьям XVI в. Поскольку при использовании любого письменного источника историк должен быть уверен в его аутентичности, актуален вопрос об истории публикации и изучения этих грамот.

Первые четыре грамоты были введены в научный оборот Я. И. Бередниковым, который в 1830–1834 гг. по поручению археографической экспедиции Академии наук обследовал различные российские хранилища, в том числе и Вятской губ. Две грамоты [20 июля 7056 (1548) и 24 января 7059 (1551) гг.] были найдены им в архиве Вятского уездного суда, две [марта 7061 (1553) и 20 января 7064 (1556) гг.] – в Каринском волостном правлении. Тексты грамот опубликованы в 1838 г. в первом томе «Актов Археографической экспедиции» (ААЭ) [1], изданном под редакцией Я. И. Бередникова. Для того времени публикация выполнена на высоком научном уровне: даже указаны некоторые внешние особенности грамот, позволяющие убедиться, что это подлинники. Для грамоты 1548 г.: «Подлинник... писан столбцом с привесью красно-восковой печати. На оборотеверху: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси». Для грамоты 1551 г.: «Подлинник... писан на листе, к коему привешена на малиновом шелковом шнурке крас-

но-восковая печать. На обороте сверху: Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси. Ниже: Приказали сю грамоту подписати казначеи Федор Иванович Сукин да Хозяин Юрьевич Тютин». Для грамоты 1553 г.: «Подлинник... писан на большом листе, к коему привешена красно-восковая печать. На обороте сверху: Царь и великий князь всеа Руси». Наконец, для грамоты 1556 г.: «Подлинник... писан на большом листе, при коем бывшая вислая печать утрачена. На обороте сверху: Царь и великий князь всеа Руси. Припись дьяка заклеена».

Следующую публикацию в 1880 г. подготовил А. С. Верещагин для приложения «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края» (ДА) [2] к сборнику, посвященному 100-летию юбилею Вятской губ. При работе над сборником составителям уже было известно о существовании у каринских татар еще двух грамот [5 февраля 7046 (1538) и февраля 7055 (1547) гг.] [3], однако поиск их не осуществлялся. Были перепечатаны грамоты из ААЭ, но с произвольными изменениями: в некоторых местах – пунктуации, а также, вероятно, по невнимательности – пропуск букв в отдельных словах; кроме того, в некоторых местах слова «великого», «вятского», «чювашу», согласно с принятой на тот момент орфографии, исправлены на «великаго», «вятскаго», «чувашу»; по одному разу имена Белек, Муртуза изменены на Беляк, Муртаза. Смысла грамот все эти изменения в целом не меняют, кроме одного места. Так, в грамоте 1553 г., опубликованной в ААЭ, говорится: «тогда, как город Слободской *горел*», а в ДА: «тогда как город Слободской *сгорел*» [4]. Но, самое главное, Верещагин не стал публиковать описания грамот из ААЭ, приведенные выше. Для грамоты 1551 г. он оставил только предложение с упоминанием Ф. И. Сукина и Х. Ю. Тютина, причем сразу после текста грамоты, так что можно понять, будто это предложение находилось на той же стороне листа, что и основной текст.

В 1893 г. в статье о начальном образовании татар Слободского уезда Вятской губ. И. М. Софийский перепечатал из ДА грамоту 1548 г. [5] Фрагмент той же грамоты по публикации в ДА был издан в 1973 г. в «Хрестоматии по истории Удмуртии» [6].

В статье П. М. Сорокина, опубликованной в 1896 г. после его смерти, упоминаются две неизданные грамоты каринским князьям, на возможную информацию которых он возлагал некоторые надежды [7]. Вероятно, это те же грамоты, которые упоминались в сборнике к 100-летию губернии. Сорокин высказал интересное предположение, что челобитные, по которым московскими царями выдавались арским князьям жалованные грамоты, первоначально писались по-татарски, а затем переводились на русский язык [8]. В 1903 г. в «Сборнике имп. Русского исторического общества» в материалах екатерининской Законодательной комиссии был опубликован наказ 1767 г. каринских служилых татар своему депутату [9], где упоминаются полученные их предками жалованные грамоты, одна из которых на поместные земли выдана Василием Ивановичем, «а в котором году та грамота дана, того за ветхостью оной не видно», и две грамоты Ивана Васильевича 7056 (1548) и 7060 (1552) гг. Из текста наказа понятно, что грамота 1548 г. – это грамота, опубликованная в ААЭ и других изданиях, отличающаяся от нее только временем, которое провел в плену князь Муса Мурсейтов: в опубликованной грамоте – 12 лет, в наказе – 19 лет. Этот наказ был перепечатан в 1907 г. в «Трудах Вятской ученой архивной комиссии» [10].

Следующую публикацию грамот уже в советское время осуществил П. Н. Луппов в сборнике документов по истории Удмуртии. Четыре грамоты были те же, что изданные ранее [11]. К сожалению, за основу Луппов взял публикацию грамот в ДА, поэтому все изменения и неточности, о чем выше сказано, перешли в его публикацию. Кроме того, Луппов внес еще и свои изменения в некоторые слова. По тексту грамоты 1553 г. он сделал вывод о существовавшей ранее жалованной грамоте Ивана IV, данной князьям Девятьяровым, но сгоревшей в г. Слободском несколько ранее в том же 1553 г. [12]. На основании текста грамоты 1556 г. Луппов сделал вывод о существовании жалованной грамоты, выданной каринским князьям Василием III [13]. Положительный момент в том, что в грамоте 1553 г. по копии 1784 г., хранившейся в Кировском историческом архиве, Луппов восстановил фрагменты текста (хотя почему-то не все), которые не смог прочитать в подлиннике Я. И. Бередников. Эта копия в настоящее время хранится в Государственном архиве Кировской обл. (ГАКО) в фонде Вятского наместнического правления в деле о признании дворянства за каринскими князьями и мурзами [14]. П. Н. Луппов дал небольшие комментарии к этому делу [15]. Из него же он впервые опубликовал еще одну копию указной грамоты февраля 7055 (1547) г. [16]. Вероятно, это одна из тех двух неопубликованных грамот, упоминавшихся в сборнике к 100-летию губернии. Однако опубликовал он грамоту с некоторыми лакунами и неточностями.

В 1958–1968 гг. С. М. Каштановым был опубликован перечень иммунитетных грамот XVI в., в числе которых учтены четыре грамоты каринским арским князьям, опубликованные в ААЭ и ДА [17]. Публикации П. Н. Луппова он, очевидно, не знал. В 3-й части перечня, как и у Луппова, указана грамота арским князьям периода правления Василия III, которая упоминается в грамоте 1556 г. как сгоревшая во время пожара в г. Слободском [18].

Новый период в истории публикации грамот каринским арским князьям начинается с 1988 г., когда М. В. Гришкина в приложении к своей статье опубликовала по копиям конца XVII в., хранящимся в РГАДА, сразу пять неизвестных ранее грамот XVI в. О происхождении копий в статье не сообщается, используются только фактические сведения грамот [19]. Однако сама публикация выполнена на высоком профессиональном уровне: в заголовках грамот указан их вид, дана разбивка по листам, в примечаниях отмечены особенности текста, в конце каждой грамоты приведен точный архивный шифр [20]. В 1989 г. в журнале «Советские архивы» вышла посвященная этим грамотам специальная статья Гришкиной с публикацией в конце данных грамот, но без разбивки их по листам [21]. Из статьи стало известно, что копии трех грамот [18 декабря 7019 (1510) г., 20 сентября 7029 (1520) г. и 6 мая 7050 (1542) г.] хранятся в РГАДА в фонде Уфимской приказной избы в деле 1685 г., озаглавленном «Грамота по челобитным каринских татар Исупки Деветьярова с товарищи о земле» [22]. Переселившиеся в Уфимский уезд каринские татары добивались перевода в служилые татары и в доказательство своего дворянского достоинства подали эти три грамоты, с которых были сняты копии. Копии двух других опубликованных М. В. Гришкиной грамот [23 марта 7052 (1544) г. и 28 января 7059 (1551) г.] находятся в РГАДА в фонде «Татарские дела» в деле 1699 г. о правительственном сыске на Вятке [23]. Грамоты, с которых также сняли копии, были предъявлены

каринскими татарами для восстановления своих прав на земельные владения по р. Чепце. Особенно важными представляются грамоты Василия III, как наиболее ранние из найденных Гришкиной, в то же время ею отмечено, что уже в грамоте 1510 г. есть указание на предыдущие пожалования каринским князьям, то есть существовали и более ранние грамоты как Василия III, так и его отца Ивана III. Все пять грамот были опубликованы еще раз в 2007 г. в новой «Хрестоматии по истории Удмуртии» [24]. Кроме того, там же была переиздана грамота 1548 г., а также воспроизведен первый лист копии грамоты от 24 января 1551 г. [25], находящейся в РГАДА в том же деле из фонда «Татарские дела» [26].

Опубликованная М. В. Гришкиной грамота от 28 января 1551 г. была использована В. Л. Бушуевой еще в 1951 г. [27]. А с конца 1970-х гг. в работах разных исследователей, особенно Д. М. Исхакова, стали учитываться и некоторые грамоты каринским арским князьям, в основном из архивов Кировской и Оренбургской областей, ранее неизвестные [28]. О самих грамотах и их происхождении ничего не сообщалось, приводились отдельные фактические данные этих грамот, однако ни одна из них не была опубликована. К тому же исследователи иногда ссылаются на неполные или вообще неверные архивные шифры грамот, что исключает возможность их изучения другими специалистами.

М. В. Гришкина при публикации найденных грамот справедливо заметила, что они составляют единый комплекс с ранее известными грамотами [29]. С учетом используемых некоторыми исследователями, но не опубликованных грамот, встал насущный вопрос о публикации сборника всех известных грамот каринским арским князьям как единого комплекса. Подобную работу в 2012 г. попытался осуществить энтузиаст Р. К. Шакиров на сайте «Бастаново», разместив на нем все опубликованные ранее грамоты и часть неопубликованных [30], копии которых хранятся в одном из дел Государственного архива Оренбургской области (ГАОО) [31]. Это грамоты от 20 января 7055 (1547) г., 27 января 7059 (1551) г., 25 июня 7091 (1583) г. [32], 21 мая 7096 (1588) г. К сожалению, в научной работе ее можно использовать только с крайней осторожностью: в публикации отсутствует разбивка по листам, местами неверно читается текст оригинала, есть отдельные лакуны, ошибочно указаны архивные шифры, непонятен выбор списков для публикации (в архивном деле имеется по несколько списков каждой грамоты), не объясняется происхождение данных копий грамот.

Несколько ранее, в 2010 г., вышла книга Д. М. Исхакова – первый монографический труд, посвященный арским князьям [33]. Во второй ее части автор разместил документальные материалы по теме, среди них – грамоты XVI в. [34], всего же – 24 грамоты. Казалось бы, можно только приветствовать такое собрание грамот под одной обложкой. Но при ближайшем рассмотрении публикация не отвечает требованиям, которые предъявляются к научному изданию. Раздел состоит из 2 частей, первая названа «Жалованные грамоты арских князей», вторая – «Жалованные грамоты и другие документы, характеризующие положение арских князей в XVI в.». Не совсем понятно, что имел в виду публикатор, поскольку, например, в 1-й части оказалась указная грамота от 23 марта 1544 г. [35], опубликованная ранее М. В. Гришкиной, а во 2-й – опубликованная ею же указная грамота от 28 января 1551 г. [36]. Все же все остальные грамоты *арским князьям* (а не *арских*

князей!) опубликованы в 1-й части. Здесь еще одна грамота, опубликованная ранее Гришкиной (6 мая 1542 г.) [37]. Исаков оставил полные названия грамот, данные М. В. Гришкиной, но убрал разбивку по листам и все особенности текста, указанные ею. Названия всех остальных грамот крайне упрощены, например, «Жалованная грамота Ивана Васильевича 1538 г.». В этой части размещены все пять грамот, опубликованных П. Н. Лупповым, причем со всеми его примечаниями и комментариями [38], но без указания его имени, так что можно понять, будто они принадлежат Исакову. Все остальные 8 грамот в этой части раздела опубликованы по копиям, находящимся в трех делах из ГАКО, при этом абсолютно со всеми недостатками, которые указаны мной в публикации Р. К. Шакирова: ошибки в прочтении или пропуски текста, необоснованный выбор списков для публикации (в некоторых делах даны несколько разновременных списков одних и тех же грамот), неполные или неверные архивные шифры [39], не указана дата создания списков, не объясняется их происхождение. Совершенно непонятно использование для публикации копий грамот 1510 и 1520 гг. из ГАКО, а не из публикации М. В. Гришкиной [40]. В списках ГАКО есть ошибочные чтения: например, в грамоте 1510 г. «из за рубежов а неизмочи вотчины» вместо «из зарубежья, а не из моей вотчины»; в грамоте 1520 г. «а служица суд смесной» – вместо «а случитца суд смесной»; или «а приклоном делятца на поль» – вместо «а присудом делятца наполю». Среди остальных грамот опубликованы четыре, позднее обнаруженные Шакировым по спискам из ГАОО [41], и еще две, нигде более не публиковавшиеся: грамота, датированная Исаковым 1505-м г., и грамота 5 февраля 1538 г. [42]. Вторая, вероятно, это одна из упоминавшихся, но неизвестных ранее грамот в сборнике к 100-летию губернии. А первая из этих грамот по тому же списку была известна еще Луппову, но по неизвестной причине, вероятно, из-за отсутствия достаточно больших фрагментов текста и точной даты, не была им опубликована [43].

Для аутентификации некоторых грамот очень важен вопрос об их датировке. Так, одна из грамот Василия III во всех известных мне списках датирована 25 июня 7091 (1583) г., чего, очевидно, быть не может. Поэтому Д. М. Исаков осторожно датирует ее началом XVI в. [44]. И. Р. Габдуллин пытается датировать данную грамоту периодом между 1505 и 1509 гг., обосновывая это тем, что в титулатуре Василия III отсутствует наименование «князь Псковский» [45]. Однако данный аргумент считаем несостоятельным, так как в этой грамоте титулатура великого князя вообще отсутствует. Вполне вероятно, что один из переписчиков грамоты с другого списка, где дата уже была дана арабскими цифрами, перепутал местами цифры 1 и 9, то есть первоначально была дата 7019 (1511) г. Такие примеры в копиях грамот и в документах, их упоминающих, встречаются неоднократно. Кроме того, структура и содержание грамоты, ее формулировки очень близки к грамоте от 18 декабря 1510 г. При такой датировке разрыв между этими грамотами составляет всего полгода. Очень важен вопрос о датировке грамоты Василия III, которую Исаков датирует 1505-м г., объясняя свою позицию следующим образом: «Переписчик допустил ошибку в дате: по другим сведениям эта грамота должна относиться к 7013 году (1505 г.)» [46]. При этом он ссылается на дело ГАКО из фонда Вятской ученой архивной комиссии [47]. А это дело – тетрадь, в которой рукой М. Г. Худякова переписаны владенная

грамота от 28 августа 1714 г., память от 8 июня 1685 г., выпись из отдельных книг от 3 сентября 1649 г. Между прочим, все эти документы были опубликованы в приложении к сборнику избранных работ Худякова [48], о чем Исхаков, очевидно, не знал. Во владенной грамоте, на которую как раз он и ссылается, есть такие слова: «Жалованная грамота за красными вислыми печатями прошлых 7019 да 29 да 13 годов блаженная памяти государя великаго князя Василья Ивановича всеа России да сына его блаженная памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа России» [49]. Уже из этой фразы очевидна ошибка – если грамоты действительно тех лет, как здесь указано, то все они должны относиться только к правлению Василия Ивановича, исключая его сына. И действительно, в памяти 1685 г., из которой в грамоту были переписаны эти слова, указано «прошлых 7019-го да 29-го, да 80-го годов» [50]. Кроме того, даже если бы вместо 7080 стоял 7013 г., это еще никак не означает, что речь идет именно о рассматриваемой грамоте. Но в действительности стояли именно те даты, которые указаны в памяти 1685 г. Это та память, к которой в деле РГАДА [51] были приложены копии трех грамот, опубликованные М. В. Гришкиной: 7019 (1510), 7029 (1520) и 7050 (1542) гг. Откуда же взялся 7080 г., если грамота 7050 г.? Дело в том, что в копии этой грамоты в действительности стоит «лета ЗП», т.е. 7080 г. [52] Но по контексту грамоты, по лицам, в ней упоминаемым, грамота должна относиться к 1550-м гг. Вероятно, переписчик грамоты сделал ошибку и вместо буквы Н (50) написал букву П (80). Очевидно, именно так и решила Гришкина, никак, однако, это не оговорив в своей публикации. Не понятно, почему ошибся составитель владенной грамоты (или Худяков, ее переписавший), но во всех документах, где воспроизводится память 1685 г., присутствует 7080 г. Мне же датировка данной грамоты не представляется такой сложной. Вот как она выглядит в публикации Исхакова: «А дана грамота на Москве ле... [то] во на десят мая Е день» [53]. На самом деле в архивном списке фраза следующая: «А дана грамота на Москве [пропуск примерно в два средних слова. – А. М.] тово на десят[ь] мая в Е де[нь]» [54]. Применим сравнительный метод. В одной из грамот, опубликованных в ААЭ, подобная фраза выглядит следующим образом: «А дана грамота лета семь тысяч четвертаго на десять, марта 23 день» [55], то есть 7014 г. Понятно, что в рассматриваемой грамоте пропущены слова «лета семь тысяч» или «лета З» и одно из следующих числительных: «четвертово», «пятово», «шестово» или «девятиво». Из контекста грамоты можно предположить более раннюю дату, поэтому 7019 г., скорее всего, отпадает, тогда грамота может датироваться 5 мая 7014 (1506), 7015 (1507) или 7016 (1508) г.

Таким образом, можно констатировать, что публикация и изучение грамот арским князьям находятся почти в зачаточном состоянии. В настоящее время известны тексты 16 жалованных и указных грамот каринским арским князьям, но более или менее полноценно в исторических исследованиях можно использовать только 10 из них, опубликованных в ААЭ, М. В. Гришкиной и две П. Н. Лупповым. В то же время настоятельно необходимо выявить и изучить все списки грамот в различных хранилищах страны, особенно в Москве, Санкт-Петербурге, Кирове, Казани, Оренбурге, Уфе, Ижевске. Мне уже сейчас известно до десяти списков некоторых грамот, и существуют большие перспективы

найти еще не меньшее количество. Это необходимо для точного восстановления первоначального текста грамот, что подтверждается, например, публикацией Лупповым грамоты 1553 г. Необходимо восстановить текст наиболее ранней из известных грамот – Василия III, опубликованной Д. М. Исаковым по единственному известному списку, уже содержащему большие пропуски. И, конечно, необходим поиск пока неизвестных, но без сомнения, существовавших, грамот арским князьям. Это позволит углубить и расширить наши знания по истории каринских арских князей и Вятской земли в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук. СПб., 1838. Т. 1. 1294–1598. С. 208–209 (№ 220), 217–218 (№ 226), 239–240 (№ 236), 267–268 (№ 245).

2. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Приложение к 2 т. сборника «Столетие Вятской губернии». Вятка, 1881. С. 22–28 (№ 18, 19, 21, 23).

3. *Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спасский Н. А.* Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества [1780–1825] // Столетие Вятской губернии. Сб. материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. Т. 1. С. 253 (примеч. 70). Вероятно, по поводу сказанного в этой статье на с. 251–253 А. А. Спицын в 1884 г. писал: «Сами татары не забывают своего прошлого; они бережно хранят грамоты, жалованные им в разное время государями, и пользуются всяким удобным и неудобным случаем заявить о своих правах». (*Спицын А. А.* Вятская старина // Спицын А. А. Избранные труды по истории Вятки / сост. и науч. ред. А. Л. Мусихин. Киров, 2011. (Культурное наследие Вятки. Вып. 3). С. 93).

4. ААЭ. С. 240 (№ 236); ДА. С. 25 (№ 21).

5. *Софийский И. М.* О начальном образовании у вотяков и татар Ярославской волости Слободского уезда Вятской губернии и о названии «татары»: (К истории инородческого вопроса в России) // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1894 год. (КПКВГ). Вятка, 1893. С. 333–334.

6. Хрестоматия по истории Удмуртии / сост. Г. К. Аникина, И. А. Боброва (отв. сост.), Р. А. Ислентьева. Ижевск, 1973. С. 15–16 (№ 15).

7. *Сорокин П. М.* Арские князья в Карине // КПКВГ на 1897 год. Вятка, 1896. Отд. 4. С. 59 (Примеч. 2).

8. Там же. С. 53.

9. Материалы екатерининской Законодательной комиссии. Т. X // Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1903. Т. 115. С. 340–342 (№ ХСV).

10. Наказ Слободского уезда, ведомства Казанской адмиралтейской конторы, от служилых татар (каринских князей), 1767 г. июня 20 // Труды ВУАК. Вятка, 1907. Вып. 3. Отд. 3. С. 47–50.

11. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П. Н. Луппов. Ижевск, 1958. С. 90–94 (№ 16–19).

12. Там же. С. 93.

13. Там же. С. 94.

14. ГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 344. Л. 33–34.

15. Документы по истории Удмуртии... С. 89 (Примеч. 1), 93.

16. ГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 344. Л. 32–32об. См.: Документы по истории Удмуртии... С. 89 (№ 15).

17. *Каишанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века // Археографический ежегодник за 1957 год. (АЕ). М., 1958. С. 375 (№ 586); То же. Часть 2 // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 136 (№ 636), 140 (№ 678), 148 (№ 740).

18. *Каишанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н.* Хронологический перечень... Часть 3 // АЕ за 1966 год. М., 1968. С. 202 (№ 1–32).

19. *Гришкина М. В.* Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии: Сб. ст. Ижевск, 1988. С. 20–35.

20. Там же. С. 35–40.

21. Новые грамоты арским князьям на Вятке / вступ. ст., коммент. и подгот. публ. М. В. Гришкиной // Советские архивы. 1989. № 4. С. 67–71

22. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861. Л. 9–15.

23. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–14.

24. Хрестоматия по истории Удмуртии в 2-х томах. Ижевск, 2007. Т. I: Документы и материалы. 1136–1917. С. 44–45 (№ 15, 16), 48–49 (№ 19, 20), 52 (№ 24).

25. Там же. С. 49–51 (№ 21, 23).

26. РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

27. *Бушужева В. Л.* Социально-экономические отношения в чепецкой удмуртской деревне на рубеже XVII–XVIII веков. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 112.

28. См., например: *Исхаков Д. М.* Патронимия у чепецких татар // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 60–67; *Его же.* О происхождении «арских князей» и их месте в этнополитической системе Казанского ханства // Заказанье: Проблемы истории и культуры: материалы конф. Казань, 1995. С. 95–98; *Его же.* От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Науч. изд. Казань, 1998. С. 31–42; *Его же.* Родословные и эпические произведения как источник изучения истории сословий Улуса Джучи и татарских ханств // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 330–339; *Его же.* Об исторических страдах генеалогии «Арских князей» // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сб. ст. Казань, 2010. Вып. 1. С. 94–100; *Мухамедова Р. Г.* Чепецкие татары: [кр. ист. очерк] // Новое в этнографических исследованиях... С. 5–17; *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 45–47, 99–101, 142–146, 177–178, 235–236; *Чураков В. С.* К истории формирования сети сельских поселений на территории современного Якшур-Бодьинского района Удмуртии в XVI – начале XVIII в. // Этногенез удмуртского народа. Этнос. Язык. Культура. Религия: сб. ст. и мат-лов Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию М. Г. Атаманова. Ижевск, 2011. С. 422–432.

29. Новые грамоты арским князьям на Вятке. С. 68.

30. Грамоты XVI–XVII вв. // Бастаново. Проект по генеалогии и краеведению. // www.bastanovo.ru/2012/07/gramoty/ [Электронный ресурс].

31. ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 204. Выражаю глубокую благодарность Р. К. Шакирову за предоставление электронных копий этого дела и дел из РГАДА.

32. Дата неверна, так как грамота дана от имени Василия III. Р. К. Шакиров датировал ее 1510-м г. О датировке этой грамоты см. далее в основном тексте статьи.

33. *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. (Историко-этнографические сведения, генеалогии, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). Казань, 2010. (Bibliotheca Tatarica).

34. Там же. С. 141–175.

35. Там же. С. 147–148 (№ 7).

36. Там же. С. 168–169 (№ 6).

37. Там же. С. 145–147 (№ 6).
38. Там же. С. 148–155 (№ 9, 10, 12–14).
39. Кое-где отсутствует указание на конкретные листы архивных дел или указана старая нумерация листов. Для дела ГАКО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 269 абсолютно во всех работах Д. М. Исхакова указан номер 289, откуда его заимствовал В. С. Чураков, а В. В. Низов безрезультатно в деле с таким номером пытался найти списки грамот. Выражаю благодарность С. В. Шишкину за помощь в поисках в ГАКО.
40. *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. С. 142–144 (№ 2, 3).
41. Там же. С. 144–145 (№ 4), 148 (№ 8), 150–151 (№ 11), 155–156 (№ 15).
42. Там же. С. 141–142 (№ 1), 145 (№ 5).
43. В материалах П. Н. Луппова имеется список с этой грамоты. Там же. С. 142.
44. Там же. С. 144 (№ 4).
45. *Габдуллин И. Р.* От служилых татар к татарскому дворянству. С. 46.
46. *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. С. 142 (№ 1).
47. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 33. Л. 4об.
48. *Худяков М. Г.* История Камско-Вятского края : Избранные труды / науч. ред., сост. М. В. Гришкиной, С. В. Кузьминых; коммент. М. В. Гришкиной, С. В. Кузьминых, В. К. Семибратова, В. С. Чуракова. Ижевск, 2008. С. 297–298, 308–318.
49. Там же. С. 313.
50. Там же. С. 309.
51. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 861.
52. Там же. Л. 12.
53. *Исхаков Д. М.* Арские князья и нукратские татары. С. 142 (№ 1).
54. ГАКО. Ф. 583. Оп. 4. Д. 344. Л. 31об.
55. ААЭ. С. 114 (№ 142).

Поступила в редакцию 11.11.2013

A. L. Musikhin

**The charters of XVI century issued to the Ar Dukes of Karino:
to the history of publishing and studying**

The article gives a detailed analysis of the known charters to the Ar Dukes of Karino issued by Russian Grand Dukes and Tsars in XVI century. The author notes the need for further search and study of all extant documents.

Keywords: Vyatka land, Karino, dukes of Karino, ar dukes, source criticism.

Мусихин Алексей Леонидович,
аспирант,

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1
E-mail: a-musikhin@narod.ru

Musihin Aleksei Leonidovich,
postgraduate student,

Nizhniy Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
603005, Russia, Nizhniy Novgorod, Ulyanova st., 1
E-mail: a-musikhin@narod.ru

УДК 94(4)''19''

М. В. Лескинен

**ПРОБЛЕМА АССИМИЛЯЦИИ ФИННО-УГОРСКИХ
НАРОДОВ В ОБОСНОВАНИИ КОНЦЕПЦИИ
«ВОЛГА – РУССКАЯ РЕКА»**

В статье анализируются способы репрезентации русскости в процессе аргументации концепции «Волга – русская река». В ходе ее обоснования доминирующими выявлены антропологические последствия колонизации русскими (великорусами) Поволжья – а именно: обрусение инородцев (финно-угорских народов главным образом). Возможные варианты интерпретации такого понимания «русскости» рассматриваются при анализе расовых классификаций в российской науке вт. пол. XIX в.

Ключевые слова: история русской этнографии, концепция «Волга – русская река», национальная идентичность русских, ассимиляция финно-угорских народов, Российская Империя во вт. пол. XIX в., великорусы.

Концепция «Волга – русская река», а также формирование системы образов Волги как главной реки Российского государства начинает складываться не ранее сер. XIX века. В этот период нациестроительства научно обосновываются представления о типично русском культурном своеобразии, великорусском этническом типе и национальном ландшафте, воплощаемых в образах и символах «русскости». Описания Волги и ее берегов занимают все более значимое место в отечествоведении (географии России) и краеведении, в школьных хрестоматиях, научно-популярных очерках и записках о путешествиях по России. Эти тексты позволяют реконструировать инструментарий (основные мотивы, концепты и аргументы) интеллектуальной элиты общества, при помощи которого осмыслились национальная идентичность и великорусская этничность. Волга в этот период обретает важное место в аргументации этнической отличительности и историко-культурной самобытности, а Поволжье начинает рассматриваться как отдельный регион так называемой внутренней, коренной России [1].

Когда же Волга стала русской рекой

Вопрос о том, когда «Волга стала русской рекой», актуализируется в научно-популярной географической литературе начиная с 1870-х годов. Ответ на него

зависел от того, как трактовалось определение «русская» по отношению к Волге. В государственно-историческом смысле таким историческим рубежом считалось овладение Казанским и Астраханским ханствами: «после долгой борьбы Казань досталась русским, и с этого момента Волга сделалась нашею народною рекою, кормилицей русского народа» [2. С. 6; 3. С. 35; 4. С. 7]. Почти бесспорной эта точка зрения стала благодаря С. М. Соловьеву, который придавал взятию Казани значимость восточноевропейского масштаба, рассматривая конфликт Москвы и «татарских орд» как столкновение цивилизаций: первая именовалась европейской и христианской [5. С. 461]. «Пала Казань, и вся Волга стала рекой Московского государства» [5. С. 462], – утверждал он.

Не подвергался сомнению факт, что вопрос о том, когда Волга стала русской, связан с историей присоединения Поволжья, а также – с современным его состоянием. Прежде всего, акцентировалось внимание на том, что река не всегда была именно *русской*, причем в нескольких значениях: как российской (с точки зрения государственной территории), как великорусской (в этническом смысле) и в понимании историко-культурной преемственности традиций. Исторические очерки Поволжья были призваны показать основные военно-политические вехи освоения прибрежных волжских земель Российским государством и характер этого интеграционного процесса на разных этапах. Таким образом, «русская» понималась как «российская», то есть – в силу обширности и уровня экономического развития – важная часть государственной территории Российской империи.

Один из авторов наиболее авторитетного научного описания реки на протяжении всего ее русла (В. Рагозин) подчеркивал, что на процесс интеграции Волги в пространство России и «русскости» весьма значительно влияли обстоятельства истории. Но под историей автор понимал «отнюдь не походы и битвы, а процесс сложения русской народности, постепенной колонизации берегов Волги с ее притоками, – процесс, каким великая и прекрасная Волга мало-помалу становилась из реки финско-тюркско-болгаро-хазаро-монгольской – рекою чисто русской, рекой, с которой неразрывно связано представление о самом происхождении, росте, богатстве и могуществе великой русской нации» [6. С. 91]. Таким образом, В. Рагозин вкладывал в определение «русский» не государственно-экономическое, а этнокультурное – точнее, антропологическое – содержание, трактуя «русскость» двояко: как формирование русского (в значении великорусского) этноса в границах своего максимального территориального расширения, и как становление нации – то есть государствообразующего народа Империи, символом процветания и мощи которого становится главная водная артерия Европейской России. При такой интерпретации основной оказывается проблема при-своения и о-своения всего русла реки, которая издревле у всех народов, населявших ее берега, тоже считалась священной [7].

Рагозин выделял несколько этапов этногосударственного движения восточнославянского племени вниз по Волге. Начальную стадию процесса «формирования нового народа – русских и нового государства – России» [6. С. 195] он связывал с окончательным оседанием и последующем освоением славянами волго-окского междуречья. Второй значимой исторической вехой он считал племенное противостояние кон. XIV в., когда и русские, и болгары претендо-

вали на обладание Волгой [6. С. 253], завершившееся ослаблением и полным поражением Казанского и Астраханского ханств в период правления Василия III и Иоанна IV (XV–XVI вв.). С момента полного вхождения Поволжья в состав Российского государства этническое смешение и эволюция русского этнического типа обретает, с его точки зрения, интенсивный характер, поскольку регион становится своеобразным плавильным котлом славянских и неславянских групп в антропологическом и этнографическом отношениях. Кроме того, сам местный (поволжский) русский тип, по мнению В. Рагозина, видоизменяется под влиянием нескольких миграционных волн из разных областей Российского государства, в частности, крестьян-переселенцев и так называемого беглого элемента, составившего позже ядро «воровских казаков» [6. С. 250–254]. В такой трактовке очевидно, что «русской рекой» Волга начинает становиться не ранее кон. XVIII в.

Автор научно-популярной книги «Когда и как стала Волга великой русской рекой» (1904) М. Валуева констатировала, что «Волгу еще очень долго, даже еще и в XIX веке» нельзя было назвать «вполне русской рекою» [8. С. 70], то есть вкладывала в данное определение то же значение, что и В. Рагозин: русское преобладание в этническом отношении и цивилизационное доминирование. В 1865 г. один из авторов путеводителя сетовал на то, что в «культурном» отношении Поволжье не все стало русским: есть такие края, «новые» – «некоренная русь» (от Симбирска до Самары), куда «русский человек пришел колонистом и во время, недавно минувшее, так что и не успел еще хорошенько заселить его и сообщить ему вид, обнаруживающий прочную культуру» [9. С. 145].

Повествование М. Валуевой о дославянском историческом периоде и о народах, населявших берега Волги, опирается на несколько главных оппозиций, призванных определить и аргументировать цивилизационный «статус» этих племен: дикость/цивилизованность; варварство/просвещенность; язычество/религия. Финны именуется «полудикими», так как «земледелие было у них в плохом состоянии», а главными занятиями были охота, звериный промысел и рыболовство [8. С. 3]. Более просвещенными народами автор считает хазар и болгар: они имели государственность и религию. Первые приняли «магометанство, а царь их – и иудейство», и были главными посредниками в торговле между азиатскими и европейскими народами. Вторые «по своему развитию и образованию... стояли гораздо выше своих соседей», приняв ислам от арабов («одного из самых просвещенных народов»). Так в кратком историко-этнографическом очерке истории Поволжья до начала славянской колонизации выстраиваются столь характерные для последней четверти XIX в. неформальные классификации этносов и культур [подр. см.: 10. С. 114–129]. Просвещенность выступает в оппозиции к дикости («полудикости»), а земледелие трактуется как один из главных признаков цивилизованности. Наличие государственности и церкви включает эту триаду. Следующий этап истории связан с постепенным распространением по берегам Волги славянского племени. Ранняя славянская колонизация и миграция выступают историческим аргументом в пользу органичности притязаний славян (русских) на этот регион и позднее.

Процесс вытеснения местных финно-угорских племен из междуречья Оки и Верхней Волги М. Валуева, вслед за В. О. Ключевским, считает мирным,

несмотря на отдельные жестокие стычки: «слияние происходило постепенно», но следы его сохранились в топонимах, в языке и «даже в наружности» славянина («нос луковицей и выдающиеся скулы унаследованы от финских предков» [8. С. 12]). Второй этап автор связывает с развитием княжеств Северо-Восточной Руси, рубежным представляется нач. XIII в. – возникновение Нижнего Новгорода знаменует собой победу над мордвой в устье Оки. Следующий период соотносится с временем постепенной стабилизации южных рубежей Московского государства, когда главными его соперниками на Волге становятся Казанское и Астраханское ханства. Начало главного этапа связано с ослаблением, захватом и присоединением земель этих государств Иваном Грозным в сер. XVI в. «Завоевать Казань и Астрахань значило завоевать Волгу. Но мало завоевать, надо еще покорить, смирить те разноплеменные народы, что жили по Волге, и надо заселить Поволжье русскими людьми. Тогда только Волга станет действительно русской рекой» [8. С. 55], – в этом императиве можно усмотреть своеобразную формулу реализованной волжской «русскости»: «завоевать, покорить, смирить, заселить».

Значение Волги в научно-популярной литературе

В кон. XIX – нач. XX вв. в волжском дискурсе определяется – точнее сказать, формализуется значение Волги для русской экономики, культуры и истории. Анализ и реконструкция отдельных элементов этой осознанно фиксируемой и пропагандируемой концепции позволяют сделать некоторые заключения.

Вовсе не на первом месте оказывается то, что представлялось столь важным в кон. XVIII – пер. пол. XIX вв. – а именно: обширность территорий волжского региона (около трети Европейской территории России), в связи с чем роль Волги становилась определяющей прежде всего для державной мощи, опирающейся на экономическое процветание и благосостояние. Не только физические (протяженность и разветвленность речной системы Волги) параметры делали ее главной рекой в Европе, но и историко-этнографическая специфика. Это и «громадность, и обилие вод, разнообразие природы, влияние на историческое развитие народов и, наконец, богатство исторических явлений, ей исключительно принадлежащих» [11. С. 57]. Подчеркивалось место Волги в межцивилизационных контактах – в физическом и символическом отношениях, ведь в то время она выступала «посредником» между «европейским западом и азиатским востоком», соединяя не просто разные, но противостоящие миры Европы и Азии, но при этом «...не могла стать объединяющим фактором в племенном отношении, не представляла этнографического единства» [11. С. 58]. Ситуация изменилась только с завоеванием Средней и Нижней Волги Иваном Грозным. Однако и позже Поволжье отличалось резким различием отдельных регионов по климату, промысловым и промышленным возможностям, этническому составу и религиозной принадлежности населения.

В 1890-х и на рубеже XX в. в определении значения Волги бесспорно доминирует детерминирующая роль региона в колониационных процессах, задавших направление и своеобразие русской истории – как государственной власти и «народной» жизни. Речь идет, во-первых, о процессе формирования великорусского

этноса и, во-вторых, об исторических путях складывания русского национального ядра в целом. Довольно трудно и не всегда возможно точно интерпретировать нюансы словоупотребления «русский», поскольку определение применялось для обозначения как великорусской этничности, так и «русскости» в ее триединстве, и в то же время – для фиксации процессов общеимперских, национальных. Так или иначе, авторы выказывали убежденность в том, что русская колонизация волжских земель с момента их интеграции в состав Московского государства «нашла себе здесь весьма благоприятные условия для своего развития и может считаться примером самой блестящей и прочной из колонизаций» [12. С. III].

Одной из наиболее важных причин виделась позиция русского этноса в регионе, который: «послужив связующим элементом между конгломератом различных народностей... (финских, тюркских и монгольских, а впоследствии и ...присоединенной германской) ...занял не только в административном, но и в экономическом отношении *подобавшее ему первенствующее место* (выделено мной. – *М. Л.*), что не всегда можно сказать относительно других областей, колонизованных русскими» [12. С. III–IV]. Колонизация русскими разноплеменного и поликонфессионального населения рассматривалось как исполнение важнейшей и благородной цивилизаторской миссии славянского племени – поскольку православная вера и более высокий уровень развития европейской русской культуры обязывают к этому. Ключевыми концептами для ее описания становятся «сила» и «умиротворение»: «Когда... (славяне. – *М. Л.*) сплотились в одно сильное государство, руслу Оки и Волги сделались артериями, посредством которых русская сила, русская мысль разливалась по дремучим лесам Верхнего и Среднего Поволжья и по пустынным степям Поволжья низового» [2. С. 6].

Распространение русской «силы» и «мысли» вниз по Волге трактовалось как исполнение исторической задачи, предопределенной русскому (великорусскому) народу в широком смысле – его государственной власти, интеллигенции и нации в целом. При этом «овладение» понималось многозначно: это и победа над татарами, и присоединение к Москве территорий Нижнего Поволжья, и стремительное (хотя и весьма трудное) продвижение на юг русских переселенцев (вначале – военных, затем – крестьян, потом – беглых), и, наконец, собственно экономическое (прежде всего земледельческое) освоение региона. Только сознательные усилия привели «к полному умиротворению края, к его колонизации, просвещению и обрусению» при напряженной деятельности «со стороны правительственной власти, громадной работы народного духа по внедрению в новой инородческой области начал русской культуры, государственности и веры, – работы, неустанно продолжающейся и до нашего времени» [13. С. 135].

Цивилизаторская и посредническая миссия России и русских (прежде всего великорусов) в отношении народов Поволжья осмысливается как один из ключевых в волжском дискурсе второй половины столетия, причем не только как однонаправленное воздействие, но и как выгодная для государства и народа – и в перспективе «умственного развития», и с точки зрения «чисто материальных интересов». Как писал Д. Мордовцев, «принимая из рук Европы ее интеллектуальные богатства, она (Россия. – *М. Л.*) могла бы передавать их коснеющему в застое и невежестве Востоку, а от него брать его материальные сокровища

и отдавать их Западу» [14. С. 3]. Но эта миссия России может быть исполнена только при условии «высокого уровня нравственных и материальных сил, которые необходимы для цивилизаторской деятельности» [14. С. 4]. Так еще раз подчеркивается не только избранность России на пути просвещения, но и цена исполнения этой задачи.

Собственно этнические последствия колонизации отразились на складывании, как полагали некоторые, особого регионального «физического типа» великоруса, в котором заметно воздействие «не только финской, но и татарской инородческой стихии» [15. С. 157]. Сущность процесса складывания великорусского этноса В. Рагозин видел в «претворении русским народом многих чуждых ему элементов (народностей) в свою плоть и кровь» [6. С. 91]. Рассуждая об исторической племенной ассимиляции, происходившей на волжских берегах, он понимал этническое слияние в первую очередь как процесс антропологический и культурно-этнографический, задаваясь вопросом о том, какие именно неславянские «элементы» составили русский тип: «какова их мысль, их мировоззрение, их обычаи, физическо-нравственная структура?» [6. С. 92]. Установив и осознав особенности «сторонней» примеси, как полагает он, можно понять, «что они дают нам»: «несут ли они с собой задатки здоровья, силы и способности к прогрессу, или одну слабость – физическую и нравственную?» [6. С. 92].

Формирование «русской реки Волги» В. Рагозин связывал, таким образом, не столько с процессом поглощения сильным племенем другого, находящегося на более низкой ступени развития (как часто говорилось о финно-угорских народах Поволжья), сколько с естественным обрусением инородцев, главным средством которого виделись им христианизация и приобщение к европейской культуре посредством русской. Но Рагозин понимал процесс просвещения и окультуривания инородцев не как их обращение к нормам, ценностям и образу жизни цивилизованного народа (т. е. великорусов), а как «превращение» их в великорусов.

В контексте своих размышлений о значении Волги авторы задаются также вопросом о «будущности» Поволжского края. Рагозин связывал ее для региона с полным обрусением инородцев, мечтая, в сущности, о создании нового метисного этнического («расового») типа с великорусской доминантой. Перспективы такой полной «антропологической победы» видятся исследователю вполне радужными: «не слишком уж далеко то будущее, когда... Поволжье будет представлять сплошное русское население (разве только татары долее прочих инородцев сохранят свои национальные отличия), и непосвященному в тонкости антропологической науки нельзя будет признать в этих русских потомков мордвы, черемисов и чуваш» [6. С. 147]. Автор полагал, что «физиологическое смешение» имеет значение «оживления породы» [6. С. 192]. Оно рассматривалось им как способ «благодетельного обновления и факт прогрессивного характера» [6. С. 192]. Несколько ранее об этом же писал А. Н. Пыпин, хотя и в более мягких выражениях. Он приводил Волжский регион как пример ассимиляции русскими «восточного элемента». Историк указывал на несомненные успехи его обрусения: «крещеные восточные люди... вступая в кровные связи с русскими, наконец, становятся совсем нашими соотечественниками, причем антропологически

неизбежно передают в русскую народность известные элементы своей восточной природы». Этот процесс Пыпин называл «прямыми встречами двух этнологических типов, сожительством их в одном общественном строе» [16. С. 194].

В. Рагозин последовательно рассматривал благоприятные и неблагоприятные факторы на пути полного слияния неславянских племен с русскими, подчеркивая, однако, что оно должно носить исключительно органичный, постепенный характер, как залог его привлекательности с нравственной и цивилизационной точек зрения. Особенно подробно излагались им аргументы в пользу необходимости «положительного русского примера» для татар, которым может стать «развитие» и «свобода» самого молодого русского народа [6. С. 192] (то есть великорусов. – *М. Л.*). Следует отметить, что данный процесс трактовался В. Рагозиным как естественный способ формирования русской нации, а не только собственно русского этноса: ведь аналогичный процесс обрусения происходит с представителями и других, «цивилизованных наций» в Российской империи (французами, немцами, шведами и поляками) [6. С. 192].

В связи с этим встает вопрос: следует ли рассматривать столь явно выраженные идеи необходимости и неизбежности ассимиляции русскими финно-угров (и других инородцев) Поволжья в научно-популярном дискурсе о Волге как расистские или же – как свидетельство русификаторских настроений «консервативной» («реакционной») части образованного русского общества? Или же, напротив, подобные настроения есть следствие адаптации научных антропологических взглядов? При ответе на этот вопрос необходимо учитывать дисциплинарный контекст формирования бесспорно этноцентристских воззрений, в частности, расовые теории в Западной Европе и России.

Расовые теории в российской антропологии XIX в.

В последнее десятилетие отмечается рост интереса исследователей-гуманитариев к истории отечественной науки, и этнографии в частности: переводятся современные труды западных авторов; выходят из печати российские историографические работы [17; 18; 10; 19], которые отличаются новым подходом к дисциплинарному этнологическому дискурсу: во-первых, он анализируется в тесной связи с имперской (национальной) политикой Российской империи в отношении разных этносов и конфессий и, во-вторых, реконструируется с учетом научных, политических и национальных воззрений российской социальной элиты. В этом контексте многие идеи и даже общеевропейские научные стереотипы, обусловленные господствующей парадигмой, расцениваются с позиций современных представлений, получая в заключениях исследователей жесткие определения: авторам XIX в. приписываются этноцентристские, националистические (в русской – оценочной – дефиниции термина) или расистские убеждения либо высказывания [см., напр.: 17 и полемику об этой книге: 20; 21].

Определения понятия «раса», деление на которые было вызвано задачей типологизации человеческого разнообразия, отличались противоречивостью. Еще в 1840-е гг. в российской научной публицистике слово «раса» переводилась как «порода», состоящая из «племен» или «поколений». При отсутствии термина «этнос» в языке антропологической науки слово «раса» использовалось

для обозначения этнических общностей разного уровня. Во второй половине столетия фиксируются два наиболее употребительных семантических поля: «культурологическое», трактуемое «расу» как тип культуры (в широком смысле – как метаобщность, по Гегелю, и в узком смысле – как этническую группу или народ/нацию); и «этнографическое», в котором слово «раса» по-прежнему использовалось в качестве синонима таких единиц этнографической таксономии, как «племя» или «народ». Варианты расовой классификации в европейской антропологической науке методически не различались: это, как правило, один или несколько признаков физических особенностей человека [22]. Разделение на расы осуществлялось по принципу зоологических классификаций линнеевского типа: главными признаками служат внешние признаки, передающиеся генетически. Общей чертой расовых теорий была убежденность в детерминизме, который обретал свойства тотальности, поскольку предполагал подчинение духовного состояния физическому облику, а индивидуального – коллективному [23. С. 9].

Однако вплоть до конца столетия важным элементом расовой классификации выступали признаки и свойства, которые современная наука отвергает в качестве объективных антропологических критериев этноса/расы, а именно: черты этнического темперамента, характера, умственные и нравственные свойства, тип духовной и политической эволюции и даже язык. Эти представления были научно обоснованы и общеприняты, мало кто отвергал идею врожденности свойств характера и поведения этнических групп, обусловленную климато-географическими условиями – ведь этнические и расовые сообщества трактовались как органические элементы природного мира, а племена и народы – как результат социально-биологической, а не социально-исторической эволюции.

Для российских ученых 1880–1890-х гг. было совершенно очевидно, что расовое деление, как и всякое иное, осуществляемое только по физическим параметрам, не может считаться объективным основанием для единственно верной и очевидной классификации. Это не мешало признавать определенные соответствия между физическим типом и уровнем цивилизационного развития племен и народов: «цивилизованной» («самой культурной») расой признавалась эволюционистами белая раса [24. С. 15; 25. С. 107] – но не всегда в силу врожденных способностей, скорее благодаря «счастливому стечению» климатических и исторических условий развития.

Не совсем корректно, однако, рассматривать эти распространенные на рубеже XIX–XX вв. взгляды как расистские, чем зачастую грешат некоторые современные исследователи. Точнее было бы разделять понятия «расизм» и «расиализм», как это делают французские антропологи, трактующие первое как «определенное поведение», второе – как «идеологию, то есть расовую доктрину» [23. С. 5–6; 27]. В российской антропологической науке вт. пол. XIX в. существовали различные интерпретации расовых теорий (их принято рассматривать в контексте двух дискурсов: научно-расиалистского [17] и расистского – [26]). Русский «расиализм» развивался в русле общеевропейской расовой теории. Единодушия в выборе доминирующего признака среди российских антропологов не было, но биологическими различиями, как считалось, определяются племенные,

то есть культурные, особенности [23. С. 7]. Д. Н. Анучин, например, отличал расовые типы от антропологических: первые выделяются на основании только физических признаков [28. С. 356], вторые – в той или иной степени соотносятся, хотя и не совпадают, с этнографическими [29. С. 128], а потому «расовые признаки не совпадают с племенными и национальными (язык, вера, принадлежность к известному государству)» [28. С. 359]. Д. А. Коропчевский писал, что «черная раса нигде самостоятельно не достигала высокого культурного уровня или образованности и таким образом научного и художественного развития; желтая поднялась до высокого умственного уровня, но остановилась на нем и не движется далее; белая раса, создав еще более высокую культуру, идет по этому пути все быстрее и быстрее» [24. С. 1].

Однако в российской этнографии и антропологии расовые теории не получили такой актуализации, как в западно-европейской науке того времени. Показательна в связи с этим дискуссия российских ученых-антропологов в связи с обсуждением сочинения Г. Лебона «Психологические законы эволюции народов» (1894) [30]. Лебон строил свои положения, опираясь на заключения А. Гобино из работы «Опыт о неравенстве человеческих рас» (1853). Расовые, а вовсе не национальные отличия коллективного «духа» интересовали Лебона прежде всего, но постулаты данной работы Лебона не были оригинальными. Исторические судьбы народов, по его мнению, полностью зависят от биологии составляющих их индивидов, и потому существует одна высшая культурная раса (индоевропейцы), средняя (желтая раса – китайцы и японцы) и низшие, первобытные (аборигены Австралии и негры). Всякая социальная и физическая метисация, с точки зрения ученого, приводит к деградации расы. Д. И. Коропчевский выступил с докладом, в котором расценивал истоки концепций Лебона как типичные европоцентристские заблуждения [30. С. 46]. Однако большинство ученых, включая участвовавших в заседании антропологов, не сомневались в том, что в физической природе, в самой этнической телесности заложены черты темперамента, характера, нравственных и умственных способностей, как и предрасположенность к цивилизации и прогрессу. Очень немногие (в частности, историки Н. И. Кареев и А. Л. Погодин и др.) категорически отвергали объективность и генетическую природу «духовных» или «нравственных» способностей и свойств этнических (национальных, расовых) сообществ. Именно взгляды на взаимообусловленность и врожденность физических, духовных и материальных особенностей человеческих сообществ разного уровня (и рас в антропологическом или этнографическом смысле) создавали фундамент для создания научной иерархии народов на шкале прогресса и цивилизации. Она, в свою очередь, формировала основы теории ассимиляции рас, племен и народов.

Ассимиляция и метисация

Самостоятельную теоретическую значимость в этом контексте обрел вопрос о процессе ассимиляции, межплеменного и межрасового физического смешения, который именовался «метисацией». Д. Н. Анучин был уверен, что «в чистом» виде совокупность расовых признаков встречается едва ли не реже, чем сме-

шанные, метисные их варианты (вариации антропологических классификаций в российской науке и их соотношение с западноевропейскими антропологическими теориями подробно рассмотрены в: [17. Гл. 4–5]). Другие исследователи особое внимание уделяли методике определения «чистого» и «смешанного» антропологических типов. В 1900 г. антрополог В. В. Воробьев описывал методику выявления типа великоруса, подчеркивая, что главная задача – «установление происхождения каждого отдельного признака, его распространения среди других человеческих групп... Собирая все изученные признаки в одно целое, антрополог задается вопросом, представляет ли это целое нечто компактное и однородное, – так называемый чистый тип, а если нет... то какие его элементы... повлияли на производный сложный тип» [31. С. 171].

В эпоху романтизма широкое распространение получила теория этногенеза великорусов, согласно которой они являются «метисами» славян и финно-угров на ранней стадии освоения первыми восточноевропейской равнины. Заключение на основе этой концепции значительно варьировались, но в целом она не подвергалась сомнению до кон. XIX в. Некоторые считали, что от финнов (в Европе они, как правило, описывались как некрасивые, угрюмые и «жалкие» [Подр. об этом: 10. Гл. 5, 7–1; 7–2]) славяне получили рабские наклонности и «любовь» к деспотическому правлению (А. Мицкевич); другие полагали, что финнам великорусы обязаны упорством, замкнутостью и неспособностью действовать общими силами (В. О. Ключевский) или бедностью эмоциональной жизни (Н. И. Костомаров). В нач. XX в. распространение получает гипотеза о том, что великорусы «по крови» не являются славянами (М. С. Грушевский).

Вопрос о причинах, разновидностях и путях этнической ассимиляции оказался в центре внимания исследователей 1890-х гг., – в связи с теоретической проблемой, поставленной вначале антропологами. Речь идет о доминировавшей в российской антропологии концепции, согласно которой физические и культурные признаки этноса (то есть антропологическая и этнографическая идентификации), как правило, не совпадают [32: С. 101–105; 109–122]. В связи с этногенезом и современной этнической историей русских стал актуальным вопрос о соотношении процессов метисации и ассимиляции, – в том числе этнической ассимиляции самих русских (когда они на окраинах становились инородцами), или, напротив, когда нерусские народы подвергались естественной (именуемой обрусением) и насильственной ассимиляции (называемой русификацией). Не вдаваясь детально в идейно-политический и практический контекст, который активно реконструируется в последние десятилетия [33, 34], обратимся лишь к научному (этнографическому) аспекту интерпретаций.

Одна из важных теоретических работ по этой теме – статья этнографа Н. Н. Харузина (1894) [35], который обратился к острой для своего времени проблеме так называемой ассимиляционной способности русского народа. Вопрос имел серьезные практические последствия, будучи весьма болезненным и для политиков (как консервативной, так и либеральной ориентации), и для ученых-этнографов, также имевших несходные позиции по вопросу о двустороннем процессе слияния этносов. В методологическом отношении новаторски этнограф поставил вопросы об истоках появления и адекватности понятия «ассимиляционная

способность», а также о причинах, последствиях и природе этого «этнического свойства». Ученый признавал определение неудачным. Во-первых, он не разделял концепцию существования каких бы то ни было врожденных склонностей этноса и, во-вторых, доказывал неправомерность приписывания русским способности к ассимиляции, ссылаясь на примеры ее «утери», когда русские «забывают свою национальность» – причем происходят не только активные заимствования в материальной культуре, языке и верованиях, но и полное слияние с инородцами на окраинах. Он предлагал изучать процесс слияния/ассимиляции как двусторонний (равнонаправленный со стороны объекта и субъекта процесса), с учетом и прямо противоположной «реакции» на вероятное обрусение – сохранение своей этнокультурной самобытности («национальных черт») [35. С. 43–44]. Харузин подчеркивал, что необходимо рассматривать только те случаи обрусения, которые не связаны с русификаторской политикой властей и «мощным ее инструментом – школой», разделяя, таким образом, традиционные (снизу) и модернизаторские (сверху) способы ассимиляции.

Ученый исходил из очевидности факта физической метисации русских с теми этническими группами, с которыми они сосуществовали на протяжении своей этнической истории и продолжают контактировать. Результат этого процесса – изменение физического облика славян и антропологическое обрусение некоторых из «соседей», в особенности «восточной группы финнов». Обрусению больше всего подвержены, как полагали Н. Н. Харузин и другие ученые, финно-угорские народы севера и северо-востока России (лопарь, карель, мордва, черемисы, пермяки и вотяки), в отличие от западных финнов, а также некоторых монгольских, тюркских или арктических азиатских племен. Но не этническая принадлежность определяет степень склонности к обрусению. Не кажутся убедительными исследователю и мнения о зависимости степени обрусения от позитивного или негативного отношения к русским или от форм заключения смешанных браков (русский муж и жена-иноверка или наоборот). Во всех случаях при интенсивных контактах, связанных с торгово-экономическими отношениями или совместным проживанием процесс проходит одинаково интенсивно. Напрашивающееся заключение о «национальных особенностях» русских или инородческих народов – склонных или стойких к иноэтничному влиянию – Харузин решительно отвергает, поскольку представители одного и того же этноса (в том числе русские) в разных географических и исторических условиях, а также в зависимости от количественного преобладания и уровня развития религиозных воззрений, могут проявлять различную степень «устойчивости» [35. С. 63]. Исследователь моделирует несколько вариантов ассимиляционного взаимодействия в обоих видах: обрусения и потери русской этнической самобытности, полагая, что причину следует искать в комплексе факторов, главенствующим из которых он предлагал избрать «культурный уровень сталкивающихся народностей» [35. С. 69].

Не полемизируя открыто с известным этнографом И. Н. Смирновым, которому принадлежала большая часть приводимых Харузиным сведений о «восточных» финских народах Поволжья и который много писал об ассимиляции финно-угорских народов русскими [36], среди оспариваемых в статье

Харузина гипотез упоминается и его позиция. Однако в главных своих выводах о «культурных уровнях» этносов Харузин полностью разделял точку зрения Смирнова о неизбежности слияния финно-угорских народов с русскими – ведь нельзя было предположить в кратчайшее время «повышение» ими уровня своего развития до соответствующего русскому (подр. о позициях сторон см.: [37, 38]). Подобная участь (слияния) предсказывалась и некоторым тюркским и сибирским племенам, – даже при оговоренных этнографом условиях отказа государства от цивилизаторских усилий и «свободного взаимодействия» между контактирующими этническими группами. Однако ни тот, ни другой автор не обращались к проблеме самоидентификации (даже на уровне этнонимов) рассматриваемых ими этнических групп – ни русских, ни инородцев (как сохранивших, так и потерявших свою национальную физиономию в прямом и переносном смысле).

Н. Н. Харузин полагал, что причину этнической ассимиляции следует искать в комплексе факторов, главным из которых он считал «культурный уровень сталкивающихся народностей» [35. С. 69]. Именно превосходство в культуре, особенно схожей по типу (определения которой в статье нет, но вполне очевидно, что предполагается известная классификация эволюционистов), с его точки зрения, определяет «устойчивость» к значительным (вплоть до утраты идентичности) чужеродным воздействиям в области быта, языка, образа жизни и, напротив, тенденцию к ассимиляции других этнических групп – как в России в целом, так и в волжском регионе в частности.

Таким образом, антропологическое представление о естественности и неизбежности обрусения «восточных инородцев» финно-угорского происхождения и о позитивных (для обеих сторон) последствиях ассимиляции их великорусами в физическом и культурном отношениях не была присуща исключительно авторам-создателям волжского дискурса. Однако их формулировки отличались прямолинейностью и отсутствием теоретических аргументов (продиктованными адресатом и жанром). Явный этноцентризм – закономерный на стадии разработки и формализации национальной идеологии во всех европейских странах этого времени, – прослеживается и в российских учебниках данного периода [39].

Одним из главных аргументов обоснования концепции «Волга – русская река» в период нацистростительства становится идея о необходимости сознательных усилий для формирования нового этнического, или, точнее – «надэтнического» типа сообщества, который мог бы в полной мере отразить имперскую идею в социокультурной области. Идею, еще не сформулированную, но активно осмысляемую в ходе освоения так называемой этнической модели нации в период концептуализации национализма. Механистическое понимание сущности «метисации», как именовалась в XIX столетии антропологическая («расовая» в терминах эпохи) ассимиляция, в ходе научного обоснования признаков и сущности «русскости» в совокупности с интерпретацией взаимодействия этносов, осуществляемой с позиций этноцентризма, определяло способы обоснования закономерности, объективности и прогрессивности процессов обрусения инородцев – в частности, финно-угорских народов Поволжья.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Лескинен М. В.* Концепт «Волга – русская река». Из истории формирования и аргументации // Вопросы национализма. 2013. № 4(16). С. 50–76.
2. *Монастырский С.* Иллюстрированный спутник по Волге. Казань, 1884. Ч. 2.
3. *Благовидов Н.* Волга-Матушка. СПб., 1901.
4. *Турбин С.* Волга и Поволжье. СПб., 1875.
5. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Соч. В 18-ти кн. М., 1988–1995. Кн. 3. Т. 6. М., 1988.
6. *Рагозин В.* Волга от Оки до Камы, включая оба этих притока // Рагозин В. Волга. В 3-х тт. СПб., 1890–1891. Т. 2. СПб., 1890.
7. *Трепавлов В. В.* «Волга-матушка» – для кого? // Родина. 1998. № 4. С. 41–46.
8. *Валуева М.* Когда и как стала Волга русской рекой. СПб., 1904.
9. *Кучин Я.* Путешествие по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865.
10. *Лескинен М. В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «Другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
11. Откуда началась Святая Русь. Всенародная история Российского государства / Под ред. К. Соловьева. Т. 1. Б.м., 1882.
12. Предисловие // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. В 22-х тт. (вышло 19) / Под ред. В. П. Семенова. Под руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. СПб., 1899–1913. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. I–IV.
13. *Сырнев И. И.* Исторические судьбы Среднего и Нижнего Поволжья и культурные ее успехи // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. В 22-х тт. (вышло 19) / Под ред. В. П. Семенова. Под руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. СПб., 1899–1913. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 111–140.
14. *Мордовцев Д.* Восток или Запад? Рец. на книгу: Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанный в разное время В. В. Григорьевым–ориенталистом // Дело. 1876. Май. Отдел XII. С. 1–27.
15. *Сырнев И. Н.* Распределение населения Нижнего и Среднего Поволжья по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. В 22-х тт. (вышло 19) / Под ред. В. П. Семенова. Под руководством П. П. Семенова и В. И. Ламанского. СПб., 1899–1913. Т. 6. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 141–201.
16. *Пытин А. Н.* Волга и Киев. Впечатления двух поездок // Вестник Европы. 1885. № 7. С. 188–215.
17. *Могильнер М.* Номо Imperii. История физической антропологии в России. М.: НЛЮ, 2008.
18. *Кадио Ж.* Лаборатория Империи: Россия/СССР, 1890–1940. М., НЛЮ, 2010.
19. *Керимова М.* Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии. М., 2011.
20. *Козинцев А. Г.* Наука минус наука // Антропологический форум. 2011. № 11. С. 429–441.
21. *Мельникова Е. А.* От Номо Imperii к антропологии России и назад // Антропологический форум. 2011. № 11. С. 442–452.
22. Раса // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 6. Этнография и смежные дисциплины. Этнические и этно-социальные категории. М., 1995. С. 105–108.

23. Тодоров Ц. Раса и расизм // НЛЮ. 1998. № 34.
24. Коротчевский Д. А. Первые уроки этнографии. М., 1903.
25. Петри Э. Ю. Методы и принципы географии. СПб., 1892.
26. Авдеев В. Б. Русская расовая теория до 1917 года. Предисловие // Русская расовая теория. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В. Б. Авдеева. В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 5–53.
27. Соколовский С. В. Расизм, расиализм и социальные науки в России // Расизм в языке социальных наук. СПб., 2002. С. 31–44.
28. Расы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. В XLI тт. (82 полутт.) / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XXVI (п/т 51). СПб., 1899. С. 356–360 (автор – Д. Н. Анучин).
29. Россия. Население. Россия в антропологическом отношении // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. В XLI тт. (82 полутт.) / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. XXVIIа (п/т 54). СПб., 1899. С. 128.
30. Заседание 28 октября 1894 г. // Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете. Протоколы заседаний 1893–1894 гг. СПб., 1895. С. 43–53.
31. Воробьев В. В. Великорусы. Очерк физического типа // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В. Б. Авдеева. В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 161–193.
32. Левин М. Г. Очерки по истории антропологии в России. М., 1960.
33. Миллер А. И. Русификация или русификации // Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 54–77.
34. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынороднивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири. 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 199–227.
35. Харузин Н. Об ассимиляционной способности русского народа // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 43–78.
36. Смирнов И. Н. Обрусение инородцев и задачи обрусительной политики // Исторический вестник. 1892. № 47. С. 752–765.
37. Knight N. N. Kharuzin and the Quest for a Universal Human Science. Anthropological Evolutionism and the Russian Ethnological Tradition // Kritika. Exploration in Russian and European History. Vol. 9. № 1. Winter 2008. P. 83–111.
38. Загребин А. Е. Интеллектуальные основы финно-угорских исследований в эпоху позитивизма // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2009. № 2. С. 58–70.
39. Лескинен М. В. Образы страны и народов Российской империи в учебниках для начальной школы второй половины XIX в.: формы репрезентации этничности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4. С. 92–117.

Поступила в редакцию 21.11.2013

M. V. Leskinen

The question of assimilation of Finno-Ugric peoples in argumentation of concept “Volga – the Russian river”

Under consideration are the forms and ways of representation of Russian and Great Russian identity in argumentation of concept «Volga – the Russian river». The anthropological consequences of colonization of the Volga region by Russians (Great Russians) played the

most important role in process of this concept's substantiating. The main task of "Volga discourse" in scientific and popular literature, guidebooks and school textbooks of second half XIX cent. became the history of assimilation of Finno-Ugric people by Russians. This race / anthropological approach reflected scientific racial theories, which have been discussing in Russian science in 1880–1890-th.

Keywords: history of Russian ethnography, the concept «Volga – the Russian river», national identity of Russians, assimilation of the Finno-Ugric people, Russian empire at the second half XIX century, the Great Russians.

Лескинен Мария Войттовна,

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
119334, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а
E-mail: marles70@mail.ru

Leskinen Maria Vojttovna,

Doctor of Sciences (History), leading research associate,
The Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
119334, Russia, Moscow, Leninskij prospekt, 32a
E-mail: marles70@mail.ru

И. А. Сазыкина

**ВЛИЯНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ
ВЫШИВКИ ФИННО-УГРОВ НА СОВРЕМЕННЫЙ
СЦЕНИЧЕСКИЙ КОСТЮМ**

В статье исследуется взаимосвязь орнаментальных мотивов народов финно-угров с древними Византийскими, Коптскими и Чудскими вышивками.

Ключевые слова: вышивка в костюмах финно-угров, вышивка золотыми и серебряными нитями. Флора и фауна, пермский звериный стиль в народной вышивке удмуртов, современные разработки сценических костюмов автора статьи.

Вышитый орнамент больше подвержен истиранию, менее долговечен, чем ткачество. Орнаментальный мотив в ткачестве более стилизован и чаще всего имеет геометрический вид, потому что на ткацком станке почти невозможно создать изящные линии и с легкостью переключиться на другой цвет, тогда как с иглой в руках можно воплотить любой замысел и создать необыкновенно красочный орнамент. Удмуртские женщины украшали орнаментом головные уборы, съемные нагрудники «кабачи», низ рубахи и рукавов, праздничный фартук. Национальные костюмы удмуртов хранятся в экспозиции Российского этнографического музея; там же находятся удмуртские образцы, вышитые золотыми нитями в «прикреп» (фото 1, 2). Старинный женский нагрудник, по кумачу вышивка золотыми нитями, XVIII в., Глазовский р-он, Удмуртия.

Влияние русского костюма, а также византийского золотого шитья сказалось в костюмах северных удмуртов во вт. пол. XIX в. Постепенно, шитые золотом нагрудники исчезают, лишь в узких полосках вдоль нижней кромки шортдэрема (верхняя одежда) и на платках нарядных сохраняется вышивка золотом.

Серебряными нитями вышивали женские рубахи в центральном регионе Удмуртии (фото 3). Кроме золотых и серебряных нитей, применяли также шелк-сырец, который продавался на ярмарках и в сельских лавках. Шелк использовался в вышивках марийцев, чувашей, мордвы [5]. Для вышивания брали также шерсть домашних овец; ее сучили и красили для придания благородного вида. Крашенные бумажные и льняные нитки использовались гораздо реже. Для вы-

Фото 1. Женский нагрудник, украшением служат бахрома и вышивка золотыми нитями

Фото 2. Эскиз автора статьи, реконструкция костюма XVIII в.

Фото 3

Фото 4

шивки нагрудников «кабачи» применяли технику *ковровую сплошную*. Вышивка представляла собой сплошную зашивку холста, с непросвечивающим фоном и рельефным узором, созданным по счету ниток. Узоры на съемных нагрудниках «кабачи» композиционно разбиты на геометрические фигуры и представляют собой прямоугольники, размером 17x30 см. В узорах нагрудников встречаются солярные знаки, стилизованные фигурки птиц и животных и геометрические фигуры.

Кроме шитья в технике ковровой сплошной, удмуртские женщины любили вышивать «*полукрестом*», *косым стежком*, которым заполнялась форма узоров (фото 8). Форму создавали в виде контура, заранее делая стежки черными нитями. Работали в технике двусторонней глади, вышивали *крестом*. Рисунок «*крест*» использовали для каймы вокруг центрального узора. Старинными швами в удмуртской вышивке специалисты называют *косой стежок* и *гладь*, вышивка *крестом* появилась гораздо позднее [3]. Косым стежком украшали женские налобные повязки (фото 4). С помощью шва *гладь* вышивали низ рукавов и рубахи, а также фартук. Широкое применение находят швы *набор* и *роспись*. С помощью *набора* украшали рубахи (низ изделия и рукавов) мордва-мокша [6]. В технике *роспись* мордва набирала контурный шов для дальнейшей вышивки. В Сарапульском р-не Удмуртии широко бытовали вышивки с растительными мотивами. Вышивка создавалась на полотне цветными шерстяными нитями или шелковыми, гамма содержала до 9 различных оттенков в одном узоре (фото 4). Такие образцы вышивок встречаются на концах полотенец и подзоров (фото 5). На юге Удмуртии вышивка была многоцветной и со сплошным непросвечивающим фоном холста. В северных районах встречаются сдержанные одноцветные вышивки с сильно расчлененным узором с небольшим заполнением фона цветной шерстью.

В вышивке преобладает растительный орнамент: цветы, листья, стебли – в общей композиции, и возникала такая вышивка с помощью шва *гладь* и *стебельчатого шва* (фото 6). Другой пример – композиция из тюльпанов и ягод,

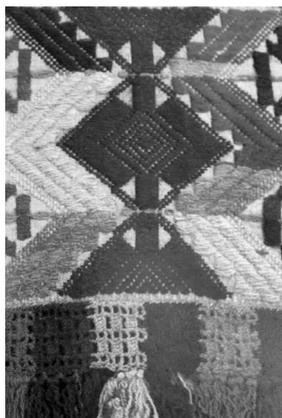

Фото 5

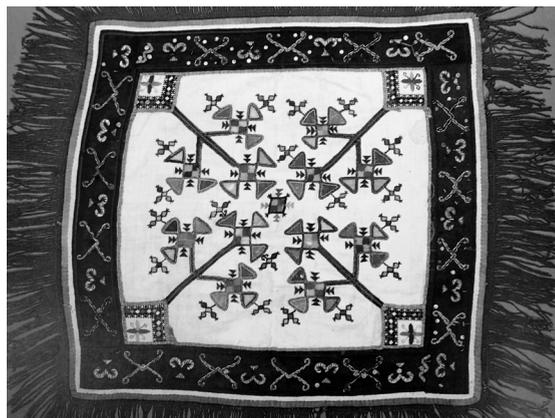

Фото 6

исполненная швами *тамбуром* и *узелками* (фото 7). В нач. XX столетия техника *крестом* вытесняет все другие швы и набирает наибольшее распространение по исполнению [3]. К середине века этот вид вышивки получает широкое распространение во многих районах Удмуртии, но нужно отметить, что такая технология удешевляла изделия: была более легкой и менее затратной. Вышивка постепенно заменяется аппликацией из цветных кусочков тканей. *Шитье по выдергу* (вандэт), таким швом расшивались рубашки и в верхней одежде рукава в виде простейших узоров: звездочек и ромбиков.

Орнаментальные мотивы можно разбить на две группы: 1. Геометрический орнамент женщины создавали с помощью простейших линий (наиболее древний вид вышивки) – равнины, волны, горы и др. Более сложные изображения, которые имеют корни ананьинской и пьяноборской культуры Прикамья – это *флора* и *фауна*: животные, птицы, растения, которые вышивальщицы постепенно стилизовали, при этом утрачивался первоначальный замысел, закладываемый в вышивку (фото 8). Так называемый пермский звериный стиль наложил отпечаток на все виды декоративно-прикладного искусства, в том числе и на вышивку [1]. Пройдя долгий эволюционный путь в развитии, вышивка постепенно «геометризовалась», сохранив лишь элементы от целых изображений (рога, глаз, голову и т.п.). Птицы и звери играли большую роль в хозяйстве и родовом культе удмуртов. Стилизованные изображения конских голов отображены на старинных женских нагрудниках кабачи. Вышитые конские головки симметрично располагаются по всему тканому полотну и как бы заключены в ромб (фото 12).

С такой же формой конских изображений встречаемся в силуэте гребешка, который широко бытовал у мордвы. Со временем гребни утратили свое практическое применение и стали служить подвеской к поясу или в нагрудных украшениях (фото 13). Проследить постепенную стилизацию в вышивке не представляется возможным, лишь по терминам, как то: кошачий след (кочыш пыты); собачий след (пуны пыты) и т.п. – относятся к стилизованным изображениям животных и птиц (фото 14). Коньковые подвески, близкие по форме к изображениям в вышивке и на гребнях, встречаются в рисунках пермской чуди [3].

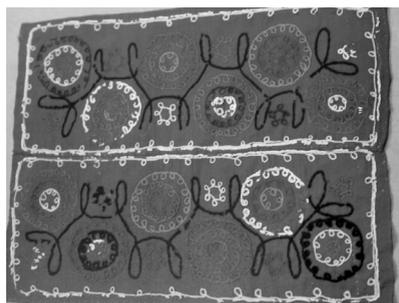

Фото 7. Техника вышивки – тамбурный шов и узелки. Фрагмент полотенца

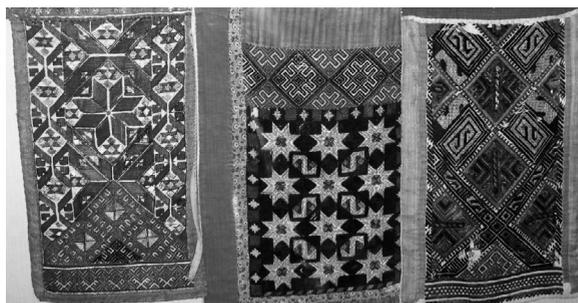

Фото 8. Женские старинные нагрудники – кабачи

Геометрический орнамент отличается большим разнообразием. Вышивальщицы украшали этими незатейливыми рисунками рукава женских рубашек, нагрудники, фартуки и платки. Изображения звезд, меандра, квадрата, ромба в нагрудниках «кабачи» – чрезвычайно древние, и специалисты причисляют их к солярным знакам. Ученые (в частности, В. А. Городцов) считают эти изображения знаками добра, счастья и благополучия [4]. С такими же орнаментальными мотивами мы встречаемся у народов Ассирио-Вавилонии, Греции и на византийских тканях. Коптские ткани свидетельствуют нам об этом факте, в ГМИИиП хранятся образцы тканей с вышивкой, где в круг вписан квадрат с меандром (фото 9). Цветовая гамма черно-белая, ткани датируются V–VI вв. [2].

Вереvoчный орнамент – очень древний; встречается в образцах Чепецких городищ II тыс. н.э. Этим швом окаймляли вышивку или пускали в виде плетеного шнурка (пленча пуныны) вдоль швов по рукавам и по низу рубашки в технике *косой стежок*. Широкое распространение этот шов получил и в мордовской вышивке, имел название *перекладина*. *Зубчатый орнамент* располагался по низу одежды, за что получил название «крайний узор» (дур пужы), по рисунку напоминает пилу, выполняется в технике гладь, подчеркивает низ изделия и рукавов. *Линейный* и *пунктирный орнаменты* встречаются у удмуртов в большом количестве в виде параллельных полос из цветных ниток

Фото 9

Фото 10

Фото 11

Фото 12

Фото 13

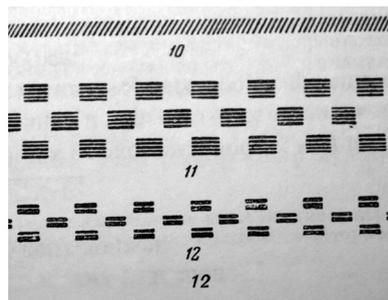

Фото 14

или узелков. Узор в виде *восьмиконечной звездочки* (пряник пужи) – излюбленный рисунок в вышивках и ткачестве, украшает рукава рубах и женские нагрудники (кабачи) (фото 10).

Узор в виде *восьмилепестковой розетки* также распространен в вышивке рубах – по груди и по рукавам (фото 11). Этот узор почитаем у народов Прибалтики, белорусов и северных великорусов.

В настоящее время многие творческие коллективы отказываются от дорогой, кропотливой вышивки в технике ковровая сплошная и гладь со звездочками, так как не обладают большими финансовыми средствами. Художники по костюмам выходят из этих ситуаций, предлагая сценическим заказчикам такие виды отделок, как аппликация, роспись по ткани, печать штампами, а также создавая эффекты на тканях с помощью аэрозольных красок. Сегодня большой популярностью пользуются массивные ювелирные украшения в сочетании с тесьмой, декоративными строчками, аппликацией и лоскутной техникой в костюмах для сцены. Автор статьи многие годы работала с такими замечательными певицами, как Валентина Пудова, Надежда Уткина, а также с Академическим ансамблем песни и танца УР «Италмас», с певческим коллективом Союза марийцев Удмуртии и другими популярными ансамблями. Вниманию читателей предложены сценические образы, в которых доминантой в костюмах служат различные приемы вышивок: гладь, «крест», декоративная строчка, – кроме того – аппликация и роспись по ткани.

Валентина Пудова

Данный костюм выполнен в традициях северной Удмуртии, в красно-белой гамме. В комплект входят: платье с зауженными рукавами, удлиненный жакет с расширенными укороченными рукавами, волосы подхвачены неширокой повязкой.

Чтобы создать иллюзию легкой, летящей фигуры, художник использует прием психологического отвлечения. Автор применяет крупный раппорт декора, скрывает полноту фигуры и добивается изящества, вводя в костюм вертикальные полосы красного цвета.

Рукава платья декорированы продольной вышивкой, выполненной особым рельефным швом. Лиф платья и низ изделия подчеркнуты геометрическим орнаментом в техниках гладь и аппликация. В верхней части рукавов распо-

Валентина Пудова – народная артистка Удмуртии, заслуженная артистка России, с сольными программами побывала во многих городах России. Радовала своим творчеством зрителей Монголии, Швеции, Коста-Рики

Надежда Уткина – популярная этно-певица, Заслуженная артистка Удмуртии, автор и исполнитель городского романса, лауреат и дипломант межрегиональных и всероссийских конкурсов исполнителей песни

ложена небольшая горизонтальная вышивка, исполненная гладью. Головная повязка, традиционно связанная с Верхним миром, украшена солярным знаком.

Использованы художником и характерные особенности цветовой семантики. Согласно эмоционально-психологическим характеристикам, белый цвет воспринимается легко, красный – тяжело, поэтому в костюме предлагается такое соотношение цветов – 30 % красного и 70 % белого.

Надежда Уткина

Доминантой в сценическом костюме солистки является нагрудное украшение из кожи. Прототипом послужили культовые пластины пермского звериного стиля, который непосредственно был связан с миром природы. Он отражал целый мир образов и представлений о строении Вселенной, об окружающей природе и месте человека в нем. Отлитые из бронзы украшения, небольшие по размеру, они удивительно монументально-эпичны. Пермьяки называют эти произведения картинами для бога [7]. Но поскольку костюм для сцены не стоит утяжелять, автор заведомо отказался от металла, выбрав в качестве замены кожу, материал долговечный и пластичный. Сюжет по коже был выполнен с помощью акриловых красок.

В костюме были использованы старинные домотканые полотна в сочетании с современной льняной тканью, изделие украсила вышивка *счетная гладь*. Также в ансамбле присутствуют винтажные кружева.

Татьяна Шкляева

Сценический комплект для солистки изготовлен по мотивам центрального удмуртского традиционного костюма. В комплект входят блуза из трикотажного полотна, сарафан с нагрудником и фартук. В целом образ получился собирательный, так как автором учтено влияние русского народного костюма (особенно в мужской одежде) на удмуртский костюм центрального региона Удмуртии. Композиционный центр – область груди, которая украшена

Шкляева Татьяна – бывшая вокалистка Государственного театра фольклорной песни «Айкай». Была солисткой студии традиционного танца «Эктон корка», и в ее составе принимала участие в международных фестивалях в Венгрии, Эстонии, Финляндии

Солистка ансамбля «Шулдыр жыт» Платонова Галина – народная артистка Удмуртской Республики, заслуженная артистка России. Певица, обладающая глубоким, грудным, бархатистым меццо-сопрано, является душой коллектива

тканым полотном в сочетании с аппликацией. Низ тканого фартука дополнен вышивкой, в которой прослеживается излюбленная тема многих народов – Древо жизни в окружении водоплавающих птиц. Подобные сложные композиции встречаются в древних металлических украшениях пермского звериного стиля, они символизируют «золотой век» (время, когда в мире царила вселенская любовь) – люди в окружении птиц и зверей: медведей, коней, уток, лосей и др. Из традиционных приемов шитья применена лоскутная техника, бытовавшая в праздничной одежде центрального Прикамья. Местные мастерицы удачно использовали ее в декоре: по низу рукавов и в оборках платьев. Данный прием имеет древние корни и отдаленно своим сочетанием цветов напоминает радугу или северное сияние. Сценический костюм несет в себе положительную энергетику, такая задача стояла перед автором статьи.

Ансамбль «Шулдыр жыт»

Для исполнительницы задушевных и величавых песен, по мнению автора, как нельзя лучше подходят свободные, летящие формы одежды из белого шелка. Солистка грациозно движется по сцене, и струящийся шелк подчеркивает достоинства фигуры.

Украшение костюма – нагрудная подвеска из кожи по мотивам пермского звериного стиля. Изображения на древних пластинах представляют собой картину мира, некую мистическую диаграмму Вселенной. В центре практически всех пластин – женское божество – Великая Мать мира. В удмуртской мифологии это Великая прародительница, рождающая мать *Кылдысь-инь*. В ногах женского божества – стилизованная фигура лошади или фантастического животного. По обе стороны владычицы животного мира и людей – птицы, цветы и травы, а в верхней части в области головы – солнечный диск. Создавая сценическое украшение, автор не стремилась к подражанию археологическим находкам, поскольку для создания образа актрисы более важно единство концепции и стиля.

Общество «Марий Эл»

Для праздничной одежды марийцев характерна бело-красная цветовая гамма. В орнаментальных мотивах преобладают растительные и геометрические мотивы. Учитывая особенности телосложения солистки коллектива, художником по костюмам было предложено использовать эффект зрительных иллюзий, вертикальные канты удлиняют фигуру, придают ей стройную величавость. При этом не нарушен традиционный ритм композиции, область груди украшена счетной гладью, кантами, монетами. Костюм состоит из платья, жилета с удлиненными рукавами, съемных рукавов и пояса.

Государственный академический ансамбль песни и танца УР «Италмас»

Для ведущей солистки ансамбля «Италмас» был создан индивидуальный сценический образ по удмуртским мотивам. В комплект входят платье, удлиненный жилет и головная повязка. Область груди по жилету и низ изделия украшены гладьевой вышивкой. Рисунок орнамента – геометрический с плавными цветовыми переходами, что характерно для удмуртской вышивки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Домяняк А. В.* Свидетельства утраченных времен. Пермь: Книжный мир, 2010. 152 с.
2. Коптские ткани, типография. Вена: Глобус, 1967. 197 с.
3. *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов. М., 1951. 149 с.
4. *Климов К. М.* Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 138 с.
5. *Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд., 1992. 107 с.
6. *Прокина Т. П.* Мордовский народный костюм. Саранск: Мордовское кн. изд., 2007. 201 с.
7. *Плеханова Е. О.* История костюма, текстильного и ювелирного искусства. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. 200 с.

Поступила в редакцию 24.10.2013

I. A. Sazykina

The effect of ornamental motifs of embroidery of Finno-Ugric peoples on the modern stage costume

The article explores the relationship of the ornamental motifs of Finno-Ugric peoples with ancient Byzantine, Coptic and Chud embroideries.

Keywords: embroidery in Finno-Ugrian costumes, embroidery with gold and silver threads. Flora and fauna, Perm zoomorphic ornament in folk embroidery of the Udmurts, modern designs of stage costumes made by the author of the article.

Сазыкина Ирина Анатольевна,

доцент,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: Isazykina@list.ru

Sazykina Irina Anatoljevna,

associate professor,

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1

E-mail: Isazykina@list.ru

УДК 377:39

В. М. Ившина

**О РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО
КОМПОНЕНТА ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Статья посвящена проблемам реализации этнокультурного компонента образования в системе среднего профессионального образования УР в контексте внедрения ФГОС нового поколения.

Ключевые слова: этнокультура, этнокультурный компонент образования, компетенция, образовательный стандарт, среднее профессиональное образование.

В октябре текущего года Всеудмуртская ассоциация «Удмурт Кенеш» совместно с Министерством образования и науки УР, Министерством культуры, печати и информации УР, Министерством здравоохранения УР и представителями Государственного Совета и Правительства УР провела заседание Национального Собрания по проблеме реализации этнокультурного компонента образования в учреждениях среднего профессионального образования УР. Участвовали руководители техникумов и колледжей, представители научного сообщества, творческой интеллигенции и общественности республики. В подготовке рабочих материалов и разработке проекта Решения Национального собрания были задействованы научные сотрудники ФУНОЦ ГТ УдГУ.

Общественные организации сегодня – неотъемлемый элемент демократического общества, своего рода соединительное звено между государством и гражданским обществом. Как отметил на Гражданском форуме В. В. Путин, «без партнерских отношений между государством и обществом не может быть ни сильного государства, ни процветающего благополучного общества. Здесь нужен диалог на равных. И эффективность этого диалога зависит в значительной степени от нас» [1].

Очередное заседание Национального собрания «Удмурт Кенеш» с участием представительных и исполнительных органов власти – это объединение усилий, ресурсов и возможностей заинтересованных сторон для совместного решения проблем развития родного языка, культуры, образования. Шаг к взаимодей-

ствии ассоциация «Удмурт Кенеш» сделала в 2011 г., подписав трехстороннее Соглашение о сотрудничестве с Министерством образования и науки УР и Министерством национальной политики УР. (Эта работа, как отметил президент Ассоциации «Удмурт Кенеш» И. Н. Семенов, в ближайшей перспективе будет продолжена и с другими госструктурами республики.) В 2012 г. на совместном заседании рассматривался вопрос о реализации этнокультурного компонента образования в системе общего образования УР.

В продолжение начатого обсуждения этой проблемы предметом внимания стало следующее звено системы образования – среднее профессиональное образование (далее СПО).

Сегодня российская система среднего профессионального образования переживает трудный этап, связанный со сменой учредителя и переводом учреждений СПО с федерального бюджета на региональный. С января 2012 г. 41 государственное учреждение СПО было передано в ведомство УР. В большинстве СПО функционирует под началом Министерства образования и науки УР, в структуре Министерства здравоохранения УР – 5 медицинских колледжей и 2 колледжа – в структуре Министерства культуры, печати и информации.

Вторая проблема непосредственно связана с реструктуризацией региональной системы профессионального образования.

В целях рационального использования учебно-материальной базы, кадрового потенциала, а также исключения дублирования профессий и специальностей в городах республики учреждения НПО и СПО были укрупнены. В районных центрах создаются многоуровневые (интегрированные) образовательные учреждения, чтобы снизить отток молодежи из села благодаря возможности получить профессиональное образование по месту жительства [2]. Третья очень важная проблема – развитие содержательных и технологических параметров профессионального образования, которые требует сегодня рынок труда и конкуренция. Переход на новые образовательные стандарты определил новые задачи обучения: знаниецентристская парадигма сменилась культуротворческой и компетентностной. Цель – развитие творческой и профессионально компетентной личности.

Наша рабочая группа провела мониторинг, результаты которого и выступления специалистов из профильных министерств свидетельствуют о той работе, которая проведена и проводится для планомерного перехода системы СПО в режим новых условий. Успешно функционирует «Комплексная программа развития профессионального образования в Удмуртской Республике». Разработана и утверждена «Концепция вариативной составляющей основных профессиональных образовательных программ начального и среднего профессионального образования в Удмуртской Республике». Сформирован перечень профессий и специальностей, учитывающий потребности регионального рынка труда на среднесрочную перспективу. Районные администрации образовательных учреждений СПО продолжают разрабатывать новые образовательные программы для нормативно-правового и учебно-методического обеспечения Федеральных государственных стандартов образования (далее ФГОС).

В соответствии с требованиями ФГОС структура основной профессиональной образовательной программы состоит из обязательной части, которой

отводится 70 % учебного времени и вариативной части – около 30 % времени. Вариативная часть дает возможность расширения и (или) углубления подготовки, определяемой содержанием обязательной части, получения дополнительных компетенций, умений и знаний, необходимых для обеспечения конкурентоспособности выпускника в соответствии с запросами регионального рынка труда и возможностями продолжения образования [3]. Учреждениям СПО дано право самостоятельно формировать содержание вариативной части образовательной программы. Дисциплины, междисциплинарные курсы и профессиональные модули определяются самим учреждением.

В числе требований ФГОС к знаниям учащихся СПО определено следующее: «Обучающийся должен знать о социальных и этнических проблемах, связанных с развитием и использованием достижений науки, техники и технологий; о роли науки, культуры и религии в сохранении и укреплении национальных и государственных традиций». Эти требования для нас являются общественно-значимыми, регионально-приоритетными, поскольку наша республика является поликультурной, полиязычной. Этими требованиями обусловлено включение этнокультурного компонента в содержание образования училища, техникума или колледжа. Учет этнокультурного подхода в подготовке специалиста среднего звена необходим и потому, что основной контингент учреждений СПО состоит из выпускников сельских школ.

Этническая культура включает в себя не только национальные образы мира, менталитет народа, его празднично-обрядовые и семейно-бытовые традиции, этнические стереотипы поведения в природной среде и в социуме, но и народную художественную культуру (художественные ценности того или иного народа, а также этнические формы их бытования, сохранения и трансляции) [4]. Этнокультурное образование рассматривается как целенаправленный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации. Этнокультурное образование обладает огромным педагогическим потенциалом в формировании у обучающихся идентичности, толерантности, культуры межнационального общения, в профилактике межнациональных конфликтов.

В ходе подготовки материалов к Национальному собранию было проведено выборочное изучение современного состояния этнокультурного образования в учреждениях СПО. Мы не ставили цель глубокого анализа и экспертной оценки всего учебного процесса. Нам важно было увидеть, в какой форме и в каком объеме реализуется этнокультурный компонент образования с точки зрения трех способов его реализации: 1) углубление и расширение содержания традиционных предметов; 2) введение новых интегративных дисциплин, спецкурсов, модулей; 3) взаимодействие учебной и внеучебной деятельности. Здесь стремились отследить, в какой совокупности элементы этнокультуры (этнофилологический, художественно-творческий, поведенческий, мировоззренческий, этнопсихологический, этнопедагогический, полиэтнический) включаются в содержание образования [5]. Мы выборочно ознакомились с несколькими учреждениями разного профиля (медицинские, педагогические колледжи, политехнический

и ветеринарный техникумы, республиканский колледж культуры, республиканский музыкальный колледж в гг. Ижевск, Можга, Сарапул и в пос. Ува) в форме собеседования с руководителями учреждений, устного опроса студентов при активном использовании электронного ресурса данного учреждения.

Результаты наблюдений позволяют констатировать следующее. Отвечая на вопрос о реализации регионального компонента образования, руководители учреждений легче и охотнее всего демонстрируют опыт внеучебной воспитательной работы. Причем привлекательно разнообразие форм и методов, с использованием современных инновационных технологий. Так, представляет интерес организация творческих клубов: «Ашальчи» в Можгинском медколледже; «Театр национальной песни» в Сарапульском педколледже; известные коллективы творческой самодеятельности «Инву гур», «Зарни крезь» в Республиканском колледже культуры; уникальный оркестр традиционных удмуртских инструментов «Сайкан» в Воткинском педагогическом колледже. Просветительскую и воспитательную функцию выполняют музеи, этноуголки и этнокомнаты типа «Удмуртская изба» (Сарапульский политехнический колледж, Асановский аграрно-технический техникум, литературный музей первого удмуртского народного поэта Удмуртии С. Широбокова в Дебесском политехникуме). Работают кружки с этнокультурным направлением: «Игры народов Удмуртской Республики», «Технология изготовления монисто «Чырты весь». Популярны праздники: День удмуртского языка, День национальной кухни, День моей Республики, Фестиваль дружбы народов и множество других форм.

Этнокультурный компонент достойно присутствует также в научно-исследовательской, проектной деятельности студентов. Участие в студенческих чтениях, конференциях, круглых столах регионального, российского и международного уровней. Выбор тем для рефератов, курсовых и дипломных работ с этнокультурной составляющей. Во многих коллективах студенты или педагоги активно участвуют в общественных организациях «Шунды», «Дэмен», «Ёрос Кенеш».

Что касается реализации этнокультурного направления непосредственно в учебном процессе, то, к большому сожалению, ситуация следующая. Из полученных нами данных, часы вариативной части используются главным образом для усиления или увеличения объема обязательной части: в некоторых учреждениях увеличили часы на математику, в иных – на историю и русский язык. Лишь в 7 колледжах и техникумах введены в учебный процесс самостоятельные дисциплины и спецкурсы этнокультурной направленности. И, следует особо отметить, это касается учреждений социально-гуманитарного направления. В качестве положительного примера отметим Можгинский педколледж, где сохранены такие предметы: на удмуртском отделении «Удмуртский язык с методикой преподавания» – 147 часов, «Удмуртская детская литература с практикумом по выразительному чтению» – 62 часа. На русском отделении – «Удмуртская литература» – 35 часов, «Разговорный курс удмуртского языка» – 35 часов. В Удмуртском республиканском колледже на всех пяти отделениях изучается «Удмуртский язык» в объеме 32 часов. Кроме того, на разных отделениях ведутся предметы: «История культуры удмуртского народа», «Фольклор», «История национального

театра», «История Удмуртии», «Региональный танец». В Ижевском медколледже на протяжении многих лет ведется изучение предмета «Удмуртский язык» на специальности «Фармацевт». Недавно ввели спецкурсы «История медицины РФ и УР», «История фармации РФ и УР». В Республиканском музыкальном колледже на двух отделениях ведется дисциплина «Удмуртская музыкальная культура». Кизнерский сельскохозяйственный техникум, созданный на базе НПО, включил в учебный план спецкурс «История, литература, культура родного края». Увинский профессиональный колледж ввел на 1 курсе дисциплину «Регионоведение», однако в ущерб часам удмуртского языка и литературы (только на последних курсах студенты доучиваются по этой дисциплине). Что касается других учреждений СПО, введение спецкурсов, междисциплинарных курсов и модулей, содержащих этнокультурный компонент образования, пока, очевидно, не планируется.

Продолжая тему изучения удмуртского языка, мы вынуждены констатировать, что намного ухудшилась ситуация в Удмуртском республиканском социально-педагогическом колледже, где прервано преподавание предмета удмуртского языка и литературы на дошкольном отделении и на специальности «Начальная школа». Доучиваются последние курсы: 4-й – 39 часов, 5-й – удмуртский язык – 28 часов, литература – 36 часов. Правда, этнокультурный компонент сохраняется в рамках учебных дисциплин: «Этнография удмуртов» – 12 часов, «Музыка народов Удмуртии» – 16 часов, «Детская литература» (блок об удмуртских детских писателях) – 4 часа, «Декоративно-прикладное искусство» – 16 часов.

Основная причина, по свидетельству руководителей учреждений СПО, в том, что в «Концепции вариативной составляющей основных профессиональных образовательных программ начального и среднего профессионального образования», разработанной Министерством образования и науки УР, отсутствуют рекомендации примерных программ этнокультурной направленности. Как отмечалось выше, в рамках вариативной составляющей предложены лишь 3 программы: «Введение в профессию: общие компетенции профессионала» – 48 часов, «Эффективное поведение на рынке труда» – 48 часов, «Основы предпринимательства» – 58 часов. К сожалению, в Концепции действительно не учтены национально-региональные особенности республики и специфика самих учреждений. Кроме того, для создания единого этнокультурного образовательного пространства республики необходимы единые программы по курсу «Краеведение», «Регионоведение», учебно-методические комплекты, учитывающие специфику среднего профессионального образования. Педагоги нуждаются в курсах повышения квалификации по этнокультурному образованию. В целом же все учреждения на сегодня выражают готовность к введению в вариативную часть учебных планов предметов или циклов с этнокультурным содержанием образования. Необходимо усилить координирующую роль учредителей.

Относительно же снижения уровня подготовки национальных педагогических кадров, руководители всех педучреждений единогласно утверждают, что нет запроса-предложения со стороны работодателей в лице Управлений народного образования города Ижевска и республики, а также Министерства образования и науки УР.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Путин В. В. О государстве судят по уровню личной свободы // Гражданский форум. 2001. 22 ноября.

2. Чучков В. М. Развитие профессионального образования в Удмуртии: от модернизации к системному эффекту // Профессиональное образование в Удмуртской Республике. 2012. № 3. С. 4–6.

3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 050146 «Преподавание в начальных классах» (<http://минобрнауки.рф/документы/1487>).

4. Григорьева М. И., Журавлева Н. Н. Этнокультурное образование: сущность, подходы, опыт реализации // Вестник НГПУ (www.vestnik.nspu.ru). 2012. № 4. С. 28–34.

5. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование: сущность, структура содержания, проблемы совершенствования // Проблемы педагогики и психологии. 2009. № 3. С. 189–195.

6. Карпушина Л. П. Этнокультурный подход к подготовке студентов педагогических вузов // Педагогические науки. 2011. № 12. С. 302–305.

Поступила в редакцию 10.12.2013

V. M. Ivshina

On the implementation of the ethno-cultural component of education in the system of secondary professional education of the Udmurt Republic

The article is devoted to the problems of ethno-cultural component of education in the system of secondary professional education of the Udmurt Republic in the context of implementation of new educational standards.

Keywords: ethnic culture, ethno-cultural component of education, competence, educational standard of secondary professional education.

Ившина Валентина Михайловна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: uniuro@uni.udm.ru

Ivshina Valentina Mihajlovna,

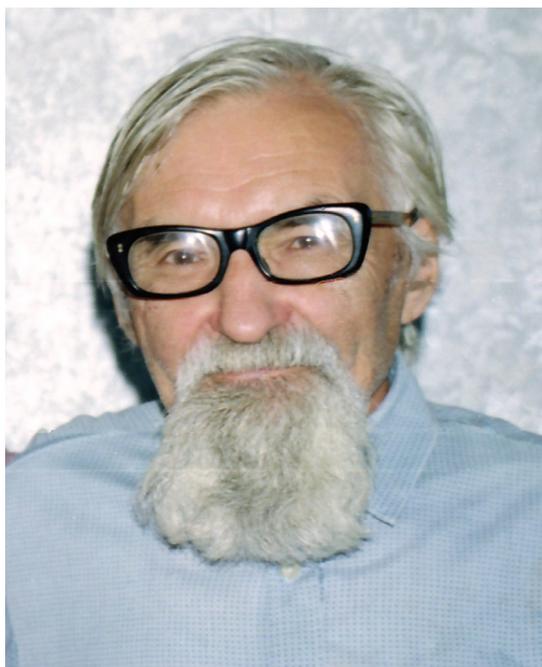
Candidate of Sciences (Pedagogy), senior research associate,
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1
E-mail: uniuro@uni.udm.ru

ЮБИЛЕИ

УДК 821.511.131

Н. Г. Ермолаева

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ МОЙ АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВ

С 1993 г., когда у нас были впереди еще тринадцать лет земной жизни, стали сниться мне из ночи в ночь двенадцать белых лебедей с душами древних батыров из удмуртских мифов и сказок. Прародина Алексея становилась для меня все более осязаемо родной и незаменимой.

И теперь, когда Алексей Ермолаев телом – в недрах матушки-земли удмуртской, душа его мне видится среди тех лебедей. Если даже небо затягивают тучи, они вдруг образуют просвет с образом незабвенного друга.

Когда мы в 1958 г., после окончания факультета журналистики МГУ, приехали работать в Удмуртское книжное издательство, Алексей

Ермолаев уже был известен в республике как автор рецензий в журнале «Дружба народов» на произведения удмуртских писателей. С первой его рецензии в 1956 г. на повесть «Прощай, старый дом» стал восходить к писательской славе Геннадий Красильников, а литературовед Алексей Ермолаев – к известности как своеобразный критик, по утверждению Надежды Кралиной, писательницы и специалиста по удмуртской литературе. Наверно, это так.

Однако приветливо нас встретил здесь лишь председатель Союза писателей Андрей Сергеевич Бутолин. От правительственного и писательского кругов

веяло холодом. Квартиру, нам обещанную, как молодым специалистам, не дали. Полгода мы ютились по ночам в кабинете директора издательства, до начала рабочего дня. Потом два года жили в съемном подвале частного дома.

К 1960-му г. Ермолаев – уже автор многих статей в республиканских и центральных журналах и газетах, вышла в свет его книга «Удмуртская историческая проза», вызвавшая ажиотаж широтой взгляда на удмуртскую литературу и точностью оценок. Но при этом очерк о нем самом был выброшен из библиографического справочника «Писатели Удмуртии» (Ижевск, 1963). Кем и почему, осталось тайной за маленькой железной дверью. Налетали и разные другие неприятности.

Кто-нибудь подумал, что мы унывали? Да ничуть! Рядом с Алексеем это было невозможно. Бог создал его оптимистом. Искренний, заразительный смех его по малейшему поводу запомнился многим. Мы оставались открытыми всем ветрам, всем новым веяниям «оттепели» и в общественной, и в литературной жизни, полноводными ручьями которой переполнились еще в середине 1950-х гг. в демократичной атмосфере МГУ. В своем подвале мы устраивали беседы об искусстве с сотрудниками издательства, с близкими по духу писателями и художниками. И ждали лучших перемен в будущее.

(Прекрасные перемены так и не пришли.)

Но мы были молоды и невзыскательны. А главное – рядом со мной, рука об руку (это буквально) шел по жизни человек, которому не надо было меняться. Рожденный по-крестьянски основательным и простым, он был устойчивым к сюрпризам погоды и судьбы, простодушным и благородным, доброжелательным к миру, к людям, к своему народу, который Алексей безгранично любил.

В нашей жизни было много работы (каторжной, как мне сейчас представляется) над рукописями, из которых хотелось и удавалось сделать книги, над докладами к разным собраниям и совещаниям. У Алексея – еще и учеба, которую он организовал для редакторов и корректоров. Семинары – для молодых литераторов. Руководство секцией критики в Союзе писателей. Семинары для студентов УдГУ по проблемам поэзии, художественного перевода и критики. Были также разные партийные нагрузки. Но он, не унывая, как-то тащил этот воз проблем и нагрузок. Словно воз колхозного сена, как на фотографии из его сельской юности.

Став главным редактором издательства «Удмуртия», оставался прост в общении, делился с сотрудниками, чем мог: знаниями, книгами, помощью в производственных и житейских нуждах. Кому-то помогал в переезде в квартиру, которую сам же и выхлопотал. Кому-то – хоронить родственника (неся гроб, невзирая на врожденную сердечную недостаточность)... Кому-то добивался путевки в санаторий, выделения материальной помощи. Он был рядом со своими коллегами в их горе и в радости. Они это помнят и рассказали об этом в книге «Алексей Ермолаев, известный и неизвестный» (Ижевск: «Инвожо», 2009).

Алексей Ермолаев был в издательстве инициатором восстановления творчества репрессированных удмуртских писателей. Он познакомился с их произведениями еще в студенческие годы, в Москве, работая в закрытых фондах ВГБЛ. Впервые он опубликует обнаруженную им в тех фондах рукопись повести Кедре Митрея «Дитя большого века» (Кедра Митрей. Избранное. Ижевск: «Удмуртия»,

1965). За это Алексей Ермолаев получил выговор от обкома партии, оказавшись и сам на пути гонений. Но он не горевал, а напротив, радовался, что сумел сделать нужное для народа и удмуртской литературы дело.

Радовался он и тогда, когда получил очередной выговор за издание стихов Степаниды Ивановой, зазвучавших потом песнями. И когда сумел издать первые сборники стихов Флора Васильева, будущего «гения удмуртской земли», как его оценивал Алексей Ермолаев. Он брал на себя ответственность за издания рукописей многих авторов (к примеру, Петра Поздеева, Андрея Бутолина), вопреки негативному мнению о них руководителей или рецензентов разного ранга. Тем самым он укорачивал свой срок на поприще главного редактора.

Когда пошли ежедневные вызовы меня к новому директору издательства и сетования на негативность нашей с Алексеем якобы «семейственности» (семь предыдущих лет не проявлявшейся), Алексей решил вернуться к прежней своей должности старшего редактора. Но некоторое время обком партии еще удерживал его на посту главного, видимо, не находя другой кандидатуры. А когда таковая нашлась, Алексея Ермолаева стали притеснять и выживать из издательства, как прежде – меня. Я терпела придирки шесть месяцев, Алексей – два года. Я ушла в 1965 г. на телевидение после настойчивых приглашений Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению УАССР А. Г. Потапова на свободное место зав. литературно-драматической редакцией. Алексей семь лет спустя перешел в УдНИИ старшим научным сотрудником.

По своей вседовлеющей честности и порядочности Алексей в течение следующих двух лет ежедневно, после работы в УдНИИ, шел на два часа в издательство – учить нового главного редактора издательским премудростям, которые сам получил в МГУ...

Любое свое мнение, о ком бы то ни было и о чем бы то ни было, Алексей Ермолаев выражал открыто и честно: будь то деятель даже самого высокого ранга, или – социальное и общественное явление, или – книга, рукопись... Поэтому к его голосу многие прислушивались. Но и многие делали все, чтобы его заглушить. А он выстаивал, выстаивал на бурной волне...

Двадцать семь лет отдал он воссозданию творчества друга, поэта, ушедшего в мир иной... Из нескольких поэтических сборников и на основе рукописных материалов Алексей Ермолаев подготовил и издал масштабные тома, представив Флора Васильева «гением удмуртской земли», что уже не подвергается опровержению. Как подытожила кандидат педагогических наук, доцент Глазовского пединститута Л. Б. Шмыгина, «А. А. Ермолаев исполнил свой гражданский и человеческий долг. Лучшая дань памяти друга – составленные им книги и глубокая, словно из самой души удмуртского народа, пронзительная статья».

Вспомним также подвижнический труд Алексея Ермолаева над изданием творчества выдающегося удмуртского драматурга Игнатия Гаврилова. Плодом этого труда явились не только трехтомник произведений Гаврилова, но и расшифровка, и публикация его фронтовых дневников и писем.

Замечательные исследования поэзии Ашальчи Оки и разговор о ее личности принадлежат А. Ермолаеву. Оттого и зазвучали в книге «Ашальчи Оки.

Та буртчин чурьёсыд – Эти шелковые строчки» (сост. М. Петрова и Л. Нянькина. Ижевск: «Удмуртия», 2011), и вылились строчками на обложку.

На фоне ярких представителей удмуртской литературы яркой фигурой предстает сказавший о них свое слово Алексей Ермолаев.

Как патриот удмуртского края, он не смог преодолеть свое несогласие с директором книжного издательства, отказавшимся (в пору перехода на хозрасчет) от государственных дотаций. В результате приоритетным стало издание массовыми тиражами советских классиков. Помню два тома Михаила Булгакова. Хорошо. Но ведь за счет удмуртской литературы, которая не могла ни тиражами, ни гонорарами из общего фонда соперничать с советской и мировой классикой...

Приняв на свои плечи громоздкую (но неоплачиваемую) должность уполномоченного Литфонда СССР, потом – России, и до конца дней – уже в качестве директора этого фонда), Алексей Ермолаев помогал писателям, как только мог. С Флором Васильевым, избранным председателем Союза писателей Удмуртии, они добивались – через горы переписки – выделения Союзом писателей и Литфондом страны денег на доленое участие в строительстве. В результате на тот период были обеспечены квартирами все писатели Удмуртии. Кроме того, путевки всем писателям с семьями выделялись в Дома творчества, изыскивались – и в санатории... Оказывалась материальная помощь, оплачивались двухмесячные творческие отпуска для работы над рукописями и творческие командировки. При этом ни разу ни Алексей Ермолаев, ни Флор Васильев не взяли себе ни отпуска, ни такой командировки. Старались для других.

Свою книгу «Удмуртская историческая проза», востребованную читателями, несмотря на просьбы книготорговых и библиотечных работников, А. А. Ермолаев после 1960 г. ни разу не переиздал, считая, что издательство должно тратить деньги на нужные удмуртскому народу переиздания репрессированных писателей и на молодых, чтобы дать им стимул для творческого роста.

Каким Алексей Ермолаев был дома, в семье, – радость и светоч моей жизни? Более пятидесяти лет (с 1955-го по 2006-й) длилась наша общая сказка под вечнозеленым деревом любви. Были, были в нашей семейной жизни свои радости. Самые простые, всем доступные. Выйти под утреннее нежное солнце, хоть в деревне Старая Кня-Юмья, хоть в шуйском саду, на садо-огороде под Ижевском. Пройтись босиком по ласковой траве, умыться живой водой из-под огородного крана, услышать пение соловья, свившего гнездо в ягодных кустах, или другой пичуги, сорвать кисть ягод в росе, еще, еще – и сыт до обеда тем, что вырастили руки твои и друга, который рядом, который, знаешь, готов делить с тобой простые радости всю незатейливую жизнь, до ее конца. Зашелестели маленькие ножки параллельно твоим, ухватили маленькие ручки протянутую горсть ягод – и радость и счастье уже на четверых. Они вырастают, твои дети и внуки, – такими же открытыми миру и людям, как ты, не стремящимися любым путем (предательств, обманов и разных судорожных потуг) – к деньгам, должностям, наградам. И в этом – твое счастье.

...Как-то слышу, Алексей тихо так, для себя, что-то говорит: «Целовать надо не для того, чтобы предать... Яд надо давать малыми дозами – для спасения, а не ушатами – для убийства...».

– Леша, что это ты сочиняешь?

– Да вот заповеди для повседневности родятся.

Я включаюсь в эту то ли игру, то ли в жизненную программу и мы создаем свои семейные заповеди на все случаи жизни:

Не быть иудой и целовать не предавая.

Не целовать врага и обесчестившего тебя друга.

Не класть камень в протянутую за помощью руку.

Не вырывать кусок хлеба изо рта голодного.

Не прибавлять к заработанному ворованное.

Не завидовать чужому достоянию.

Не угодничать перед богатым, не склонять голову перед сильным.

Не прыгать через чужую голову.

Не присваивать чужие мысли.

Не называть умного дураком, а дурака – умным.

Не пинать упавшего.

Не топить неумеющего плавать.

Не бить никого головой об стену.

Не сыпать соль на рану.

Не врать, не клеветать, не обольщать, не уподобляться Змию.

Не смеяться над обиженным.

Не ловить рыбу в мутной воде.

Не рубить зеленое дерево.

Не плевать на мертвого.

Не плясать на могиле, даже врага.

«Ты отдохни, отдохни, – часто говорил мне Алексей. – Я сам все сделаю». И ремонтировал мебель, потому что на новую у нас не бывало денег. Копал гряды, пропалывал посевы, потому что без огорода нам было не прожить. Перешивал свои костюмы, которые никак не соответствовали его общественному положению. Сутью Ермолаева было – не просить что-то у других, а помогать другим всем, чем может. Сколько времени и сил он тратил на чтение рукописей и на советы их авторам, и на свои – по их просьбам – поправки. Эта его обширная работа воспринималась как дружеская услуга и никак не оплачивалась. Но она шла на пользу удмуртской литературе и тем удовлетворяла Алексея Ермолаева. Такое наше бессребренничество в новые времена, сегодня, выливается у меня в сожаление, что не накоплено средств, даже не на то, чтобы дать детям и внукам, а на то, чтобы издать сборники статей А.А. Ермолаева, которые я подготовила... на это теперь издатели требуют денег...

В нашей семье и среди школьных друзей сына и дочери, потом среди школьных друзей внуков Алексей славился своими супами и тушеными овощами. Приготовленные его руками, не забывшими, что такое крестьянский быт, они были еще одним проявлением его любви. Ах, не забыть их необычный вкус и аромат. «Хочу быть полезен», – отвечал он на мои сетования, что, вместо творчества, тратит время на кухонные дела.

Из песни слова не выкинешь. Случилась в нашей жизни ссора, единственная за все годы... В печальном 2006-ом, 30 сентября. Разве забыть! В тот день я вернулась домой из садо-огорода не обычным рейсом, а двумя часами позже:

старалась завершить неотложные дела, чтобы завтра провести день с Алексеем, отряхнувшись от земельных забот.

Эти два часа Алексей простоял у окна, высматривая меня, в нетерпении увидеть идущей через двор, в тревоге, не случилось ли чего со мной... От стресса он закричал на меня, когда стал открывать дверь. Я в тот миг не поняла причину этого первого в нашей жизни крика... Обиделась и тоже что-то крикнула... Если бы понимание шло впереди раздражения... Плачет теперь моя душа из-за того случая – за 29 дней до ухода Алексея в вечность...

Следующий день мы провели мирно и ласково, с утреннего кофе, приготовленного Алексеем. Он умел прощать обиды. Никогда ни на кого не таил зла... Мы гуляли по сосняку напротив дома, потом сидели на диване в упоении за чаем, настоящим на разных травах, нами собранных, под картинами удмуртских художников – Семёна Виноградова, Якова Иванова, Николая Косолапова.

И сейчас отрадны для меня минуты наступают под этими же картинами, на том же диване. Вот только приготовить такой чай я не умею. Сосны на картине Николая Косолапова, кажется мне, перекликаются с соснами за окном. И живые, и нарисованные звучат одной мелодией – о том, что было. И навевают одну мечту, как песня-обещание Булата Окуджавы: «А шарик вернулся, а он голубой»... Мечту о том, чтобы взять Алексея за руку и почувствовать ее тепло. Но звучит лишь лебединая песнь о любви. Она была и возвела Алексея Ермолаева на пьедестал, до которого мне не дотянуться.

Если выразить главную суть Алексея Ермолаева одним словом, то это – верность. Он был верным в служении родному народу. Верным принципам чести и справедливости. Верным в дружбе и любви.

Среди бесчисленных рек и речек текут в Волгу две судьбоносные для меня реки: шуйская Теза и удмуртская Кама. словно эти реки, слились наши с Алексеем жизни. Так соединятся и наши души в мире вечном.

*Нина Георгиевна Ермолаева,
Заслуженный журналист УР*

Поступила в редакцию 11.12.2013

Ермолаева Нина Георгиевна,
Заслуженный журналист УР
426068, Россия, г. Ижевск, ул. Короткова
E-mail: ninaermolaeva34@gmail.com

Yermolaeva Nina Georgievna,
Honoured journalist of the Udmurt Republic
426068, Russia, Izhevsk, Korotkova st.
E-mail: ninaermolaeva34@gmail.com

УДК 821.511.131

С. Ф. Васильев

УДМУРТСКИЙ АЛХИМИК

В Алексее Афанасьевиче Ермолаеве – человеке необычайном и уникальном – соединились вместе совершенно невообразимые, на первый взгляд, свойства души и качества характера, если так можно выразиться.

Да, он был человеком прямолинейным и не стеснялся в глаза говорить такие вещи, о которых другой и подумать-то боялся – поэтому и недругов наживал немало, поэтому долго и трудно вступал в Союз писателей: как было доказать, что Ермолаев и пишет, и говорит «редко, да метко»? Если не ошибаюсь, то для вхождения в Союз писателей в начале 1970-х гг. надо было иметь пару изданных книг, а у Ермолаева была то ли одна, то ли две, но они почему-то не подходили по формату. Но зато имелись статьи, разбросанные по газетам и журналам, имелся опыт кропотливой работы редактора и – наверно, единственного в Удмуртии – текстолога. А если вместе, то редактора, текстолога и критика, а если это развернуть по десятилетиям – то вообще получается, что Алексей Афанасьевич в чем-то определял развитие целых направлений удмуртской прозы, поэзии, не говоря уже о литературной критике. При этом и критика его тоже была какая-то не вполне литературная: все время «сбивалась» то на историю, то на культуру, язык; что-то подразумевалось, как это было принято в брежневскую эпоху; какая-то часть еще и недоговаривалась – одним словом, все это вместе каким-то образом спаивалось, соединялось в тексте в многослойный и вкусный «пирог», отведать который всегда было приятно и полезно.

Но самое удивительное у Алексея Афанасьевича – то, что его тексты были предельно понятны для чтения. Я даже иногда обижался – вот ведь, вроде, умный человек, знает, как энциклопедия, знает все, о чем ни спросишь, а пишет проще «пареной репы»! Лет через двадцать, однако, стало доходить, что «пареная репа» обернулась недосягаемым образцом стилистического изящества. Я не говорю о речевой стихии Алексея Афанасьевича! Если хочешь понять, что такое глубина смысла, – надо бы послушать Ермолаева. Это не только «вертикально ориентированный» многослойный пирог, – наслоения видны и вправо, и влево,

и вперед, и назад – и вообще, еще в двух-трех непонятных направлениях. Уж больно они любили поговорить друг с другом таким вот «макаром». Они – это Алексей Афанасьевич и Флор Васильев. Правда, тут у Алексея Афанасьевича был достойный соперник – Петр Кириллович Поздеев – поэт, знаток фольклора и просто человек утонченной души.

Мне потом знающие люди подсказали, что такая многослойная организация речи в удмуртской культуре и литературе – все-таки культуре северных народов – произошла из-за сильнейшего влияния восточной культурной и литературной традиции – традиции, прежде всего южной. Тут бы еще посмотреть вопросо-ответные формы песенной лирики. Флор Васильев как-то подсказал мне, когда исполняли песню на его стихи, – в ней вопрос задан словами, а ответ – мелодией. Вот так и речь Алексея Афанасьевича иногда – вроде спросит просто и об одном, а ответить – даже и не знаешь, что. Да еще при этом заливисто хохочет!

Так бы и продолжить эту литературную струю кучей примеров, ссылок, чтобы прочувствовать аромат споров, висевший в доме Алексея Афанасьевича десятки лет, но ведь это будет однобоко. Ведь Алексей Афанасьевич в душе был физиком, он мне об этом говорил не раз и не два: «Во мне погиб физик», – говорил он в квартире на ул. Кирова в начале 1970-х гг., когда я, шестиклассник, принес убитый мной самодельный конструктор настоящего транзисторного приемника (его, кстати, подарок ко дню моего рождения). Алексей Афанасьевич посмотрел взглядом академика Курчатова на мою суровую пайку непонятных радиодеталей и вздохнул. Ситуация была безнадежной, потому что я все радиодетали соединил на плате друг с другом как попало. Я даже не знал их названий и думал, что приемник заработает. Но приемник молчал, а Ермолаев улыбался. Потом он достал оттуда-то точно такой же радиоприемник и включил его. У него-то он работал! «Андрей собрал», – с гордостью произнес он. Андрей – это его сын. «Да, в душе я физик, может быть, переученный!» – без тени сожаления говорил Алексей Афанасьевич на ул. Короткова. В конце семидесятых они разменяли квартиру и туда переехали. Я как раз учился в университете и постигал особенности высказываний Алексея Афанасьевича. Он как-то все прятался за простецкие выражения: «Без труда не выловишь и рыбку из пруда!», «Труд создал человека!», «На всякого мудреца довольно простоты!» и подобные. На улице Кирова у него был мини-телевизор – кинескоп размером со спичечный коробок, черно-желтый корпус, красивый, даже не верилось, что это телевизор. На улице Короткова у Ермолаевых было уже несколько телевизоров и радиоприемников. И там, и тут в коробках и на столах стояли физприборы непонятного назначения, а уж паяльник, так это вообще как отбойный молоток для шахтера или отвертка для электрика. Кажется, этой физико-математической инфекцией заразились и сын, и дочь Алексея Афанасьевича – не случайно оба закончили «тридцатку».

Как бы то ни было, знаменитая лаконичность Алексея Афанасьевича проистекала как раз от его «физичности-математичности». Что-что, а уж Ермолаев-то был мастер по точности: «валил» словом наповал, но не для обиды, конечно, – скорее, для красоты. Как-то раз Алексей Афанасьевич заметил, что литературный образ бесконечен, но также бесконечен и цифровой ряд. Вот тебе и точные науки! Может быть, эта бесконечность и была основой мышления Алексея Афанасьевича?

Иначе как соединить эти самые науки и красоту, образ прекрасного, которое мгновенно и вечно одновременно. У Ермолаева все это получалось и жило в нем как-то органично и естественно.

Я не думаю, что среди тысяч писателей и критиков 1960–1990-х гг. нашелся хотя бы один, кто собирал и сушил букетики полыни. Тем более, если собирал полынь в Крыму, куда Алексей Афанасьевич наезжал периодически на отдых. Ну, какой писатель (все великие!) будет «ползать» по острым холмам Коктебеля, рискуя жизнью провалиться в незаметные, скрытые густой травой расщелины. Вот там-то среди буйных трав и дикой растительности Ермолаев и добывал себе полынь – чтобы потом ее добавить (как древние виноделы) в свои невероятные вина.

В Удмуртии полыни, конечно, хватает, но Ермолаев собирал полынь только крымскую. В этом-то и весь подвох. Поменяй-ка одно слово, а как все поменяется! Ермолаев собирал только крымскую полынь. По-иному – Киммерийскую. А тут уж и Киммерией, киммерийскими сумерками напахнуло – Максимилианом Волошиным! А полынь – это ведь итальянское средневековье: монахи и алхимики, женщины и вино, точнее – вермут, и – еще точнее, по-итальянски – равный божественной сущности и обожаемый прекрасным полом – древний «мартини» в замшелых глиняных кувшинах и дубовых бочках из дубовых рощ, где полным-полно полосатых кабанов, подрывающих корни в поисках трюфелей.

Да, Алексей Афанасьевич знал, что такое полынь, что такое киммерийские сумерки и что такое настоящее вино. Недаром он часто цитировал знаменитое цветаевское: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черед», – имея в виду, конечно, понимание человека в культуре. А эта культура и по-цветаевски, и по-ахматовски, и по-ермолаевски вырастает из незаметной подзаборной травы, из луговой полыни, которую тысячу лет никто не замечал.

Судьба свела нас с человеком, который сумел объединить несовместимое и смог выявить в удмуртской литературе, шире – культуре – аромат мировой истории.

Поступила в редакцию 19.12.2013

Васильев Сергей Флорович,

кандидат филологических наук, доцент,

Первый заместитель министра культуры, печати и информации УР

426051, Россия, г.Ижевск, ул. М. Горького, 73

E-mail: mincult_ur@mail.ru

Vasiljev Sergej Florovich,

Candidate of Sciences (Philology), associate professor,

Senior Deputy Minister of culture, press and information of the Udmurt Republic

426051, Russia, Izhevsk, M. Gorkogo st., 73

E-mail: mincult_ur@mail.ru

О Т З Ы В Ы

УДК 002(049.32)

А. И. Станько

**О ДИССЕРТАЦИИ А. А. ВАХРУШЕВА
«ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ ПЕЧАТИ
И ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ...»**

Диссертация А. А. Вахрушева посвящена актуальной научной проблеме, представляющей теоретический и практический интерес для развития современных средств массовой коммуникации и литературы.

Научная новизна диссертационного исследования А. А. Вахрушева заключается в том, что здесь впервые дан обстоятельный комплексный системно-типологический анализ становления местной печати и литературы в процессе формирования национальной журналистики и словесности, в контексте исторического развития отечественной журналистики. Автор исследует поставленную проблему на материале журналистики и литературы Вятской губернии XVII – нач. XX вв., выявляет генезис их взаимодействия и просветительскую роль в провинциальной России. Недостаточно изученная проблема (сказанное относится не только к Вятской губернии, но и ко всей провинциальной журналистике России) и хронологические рамки исследования (XVII – нач. XX вв.) свидетельствуют о том, что перед А. А. Вахрушевым стояла масштабная задача – изучить и систематизировать огромный историко-культурный, общественно-политический, литературно-публицистический материал, чтобы представить полную и обстоятельную картину формирования социокультурной модели региональной журналистики и литературы.

Успешному решению поставленной проблемы способствует обращение диссертанта к историко-теоретическим работам ученых, эпистолярной литературе, местным и столичным архивам, периодическим изданиям Вятской губернии и книгоиздательской деятельности в крае, творчеству писателей и публицистов, относящемуся к предмету исследования. На основании проделанной работы А. А. Вахрушев впервые рассматривает журналистику и словесность Вятской губернии как часть общероссийской прессы и литературы, вводит в научный оборот неизвестные сведения о функционировании провинциальных газет и журналов, цензурных условиях их выхода, судебных преследованиях редакторов; о состоянии типографского и библиотечного дела, книгоиздательской деятельности. Тем самым диссертант раскрывает механизм формирования реги-

онального самосознания, его зависимость от экономических и социально-политических условий, информационных потребностей населения, просветительской деятельности национально-этнической журналистики и литературы.

Структура диссертации А. А. Вахрушева обусловлена целью и задачами его работы. Следует отметить композиционную стройность исследования, логическую последовательность изложения материала в каждой из четырех глав диссертации.

Первая глава «Формирование просветительских традиций в Вятском крае (XVII – начало XX вв.)» посвящена выявлению истоков печатного дела в крае, формированию просветительских идей и роли в этом процессе религии и церкви. Автор анализирует малоизвестные исторические факты, характеризующие деятельность Вятской духовной семинарии, состояние народного образования, литературы и искусства. Особый научный интерес представляет анализ первенца Вятской журналистики «Хлыновского наблюдателя». Изучая проблематику рукописного журнала, критические высказывания по адресу чиновничье-бюрократического аппарата, выступления в защиту униженных и обездоленных, А. А. Вахрушев сосредоточивает внимание на его типологических особенностях как журнала одного лица – П. Яковлева, выступавшего в качестве издателя, редактора и автора. В этом контексте уместно указать на традиции создания русских моножурналов, начиная с Крылова, Фонвизина, далее – Достоевского и др.

Во второй главе «Вятская книжность. Эволюция типографского, книжного и библиотечного дела» А. А. Вахрушев исследует малоизвестные факты, характеризующие материально-техническую базу вятской книжности, особое внимание обращает на издательскую деятельность Ф. Ф. Павленкова, на «Вятское книгоиздательское товарищество», просветительскую деятельность политических ссыльных. Обнародованные диссертантом материалы относительно общественно-литературной деятельности А. И. Герцена, книгоиздательских достижений Ф. Ф. Павленкова и других политических ссыльных вносят весомый вклад в изучение истории отечественной журналистики.

Впервые в диссертации исследована роль местных земских учреждений в просвещении населения, в том числе крестьянства. «Вятская губерния, – справедливо заключает автор, – была одной из самых “книжных” и во многом превосходила другие по уровню грамотности и числу типографий и библиотек» (с. 115 дисс).

В третьей главе «Периодическая печать и литературный процесс как новая база просветительской деятельности в провинции (XVII – начало XX вв.)», логически связанной с предыдущей, исследуется место литературы и прессы XIX – нач. XX вв. в просветительской деятельности. Диссертант определяет основные идейные течения общественной мысли: охранительное, либеральное, консервативное – и мотивирует появление нового типа местной печати – коммерческого. В главе дан обстоятельный анализ первой частной общественно-политической газеты «Вятский край», показана динамика типологического развития губернских ведомостей (в том числе роль А. И. Герцена в их судьбе), изучен печатный орган Вятского губернского земства «Вятская газета», обнародованы неизвестные факты подготовки несостоявшихся изданий.

К числу ценных результатов исследования можно отнести анализ методики работы «Вятской газеты» с читательской аудиторией (опросный метод), освещение в «Вятском крае» мултанского дела, характеристику прессы революционного периода (1905–1907 гг.) на основе архивных материалов. Отмечая взаимодействие вятской и столичной прессы, участие местных журналистов в столичных изданиях, А. А. Вахрушев делает вывод: «Вырабатывается, таким образом, общая функционирующая система российской журналистики» (с. 217 дисс.).

Небольшая по объему заключительная четвертая глава диссертации «Истоки и возникновение печати и литературы на удмуртском языке» является логическим завершением исторического изучения местной национальной прессы. Появление и развитие печати на удмуртском языке находилось в неразрывной связи с существованием русскоязычных изданий. В главе исследуется влияние переводной религиозной литературы и светских национальных книг на местное население, зарождение национального журналистского и литературного процессов; дается анализ первого частного периодического издания на удмуртском языке «Удмурт кылын календарь» местного просветителя И. С. Михеева.

Отмечая высокий методологический и методический уровень диссертации, комплексный и системный подход А. А. Вахрушева к исследованию актуальной научной проблемы, следует обратить внимание автора на некоторые недочеты, которые имеют частный характер и не влияют на общую оценку работы.

Во-первых, глубоко анализируя просветительскую миссию печати и литературы истории журналистики Южного федерального университета в провинции, автор не разделяет понятия «просвещение» и «просветительство». Они имеют общую основу, однако просвещение принято трактовать как распространение знаний, а просветительство как идейное течение, имеющее свою историю.

Во-вторых, автор упоминает о проведенном им контент-анализе (с. 31. автореф.), однако в тексте диссертации нет характеристики его результатов. Целесообразно было бы их опубликовать в приложении.

В-третьих, при характеристике типологических особенностей изданий автор не всегда точно оперирует понятиями. Например, он использует такое понятие, как «размер газеты» (с. 38. автореф.). Характеризуя «Епархиальные ведомости», автор называет их журналом, хотя название, содержание и другие типологические признаки позволяют их рассматривать как газету.

Личный вклад соискателя заключается в непосредственном участии в сборе, обработке и интеграции большого объема информации, содержащейся в десятках периодических изданий; в привлечении многочисленных архивных материалов; в разработке теоретических основ изучения просветительской миссии печати и литературы в провинциальной России; в подготовке основных публикаций по теме диссертации (общее число которых – 54, в том числе 13 в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК для публикации основных научных результатов). Публикации и автореферат диссертации А. А. Вахрушева дают полное представление о содержании его работы.

Результаты диссертационного исследования А. А. Вахрушева имеют практическое значение при разработке лекционных курсов, дополнительных модулей бакалаврских и магистерских программ для студентов, обучающихся по направ-

лению «Журналистика», «Регионоведение», при подготовке обобщающих трудов, посвященных истории провинциальной печати и литературы России.

Учитывая научную новизну, актуальность, высокий методологический уровень, самостоятельность и глубину решения научных проблем, поставленных в диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Просветительская печать и литература в провинциальной России (на материале Вятской губернии XVII – начала XX веков)», можно сделать вывод о том, что она соответствует требованиям части второй п. 8. «Положения о порядке присуждения ученых степеней ВАК РФ», а ее автор Александр Алексеевич Вахрушев заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.10 – «Журналистика».

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры истории журналистики Южного федерального университета, протокол № 1 от 2 сентября 2013 г.

Поступила в редакцию 2.12.2013

Станько Александр Иванович,
доктор филологических наук, профессор,
Южный федеральный университет
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
E-mail: info@stedu.ru

Stan'ko Aleksandr Ivanovich,
Doctor of Sciences (Philology), professor,
Southern Federal University
344006, Russia, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 105/42
E-mail: info@stedu.ru

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

УДК 352(078)

В. А. Шадрин

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ ЭКОЛОГИЯ

Направление подготовки – 081100 – «Государственное и муниципальное управление».

Профиль подготовки – «Муниципальное управление», «Антикризисное государственное управление».

Степень выпускника – БАКАЛАВР.

Форма обучения – *очная*.

1. Место дисциплины в структуре ООП бакалавриата

Принципы построения курса.

– Курс входит в вариативную часть дисциплин по выбору математического и естественнонаучного цикла ООП бакалавриата.

– Курс адресован студентам профиля «Муниципальное управление», «Антикризисное государственное управление» 1 года обучения – 2 семестр. Программа может быть адаптирована для других направлений, не относящихся к естественнонаучному циклу.

– Для успешного изучения курса студенту необходимо иметь элементарные знания по наукам о Земле.

– Курс построен из лекций и практических (семинарских) занятий, заканчивающихся экзаменом – 2 семестр.

– Основу курса составляет изучение основных абиотических и биотических компонентов окружающей среды, адаптации живых организмов к изменениям природной среды во взаимосвязи с природными (ненарушенными) и антропогенными экосистемами в аспекте обзора основных экологических проблем города.

– В курсе выделено несколько разделов: в введении рассматривается история и суть предмета, во 2-4 разделе – общие вопросы и принципы экологии и системная связь их с окружающей средой и взаимодействию с человеком, 5 разделе – экологические особенности и проблемы городской среды и место

в ней человека, 6 разделе – прикладная экология и проблемы, порожденные антропогенными факторами, 7 – сохранение биоразнообразия и охрана окружающей человека природной среды.

2. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины

Код компетенции ОК-17 – способность к формированию, поддержанию и использованию конструктивных общефизических и социально-психологических ресурсов, необходимых для здорового образа жизни.

Код компетенции ОК-18 В (внутривузовская – составленные автором программы) – умелое сочетание и грамотное применение экологических знаний в профессиональной деятельности без видимых нежелательных последствий для окружающей среды и социума, умение анализировать и оценивать социально-значимые явления и события через экологическое воспитание, оценивать полученную информацию и принимать решения с учетом критического анализа своих возможностей.

В результате освоения дисциплины обучающийся должен:

– *иметь* представление об основах экологии как методологической науке, о взаимосвязи живых организмов (в т.ч. человека) с неживой природой; о биоразнообразии как основы устойчивости живых систем и биосфере в целом; о природных и антропогенных экосистемах; о природоохранной деятельности и разумном природопользовании;

– *знать* что такое экология, основные компоненты (абиотические и биотические) и их взаимосвязь в окружающей среде и биосфере; что такое экосистема и важнейшие мировые экосистемы, их роль в биосфере; экосистемы, созданные и регулируемые человеком (антропогенные и искусственные); основные экологические проблемы города и возможное их решение;

– *уметь* соотносить в природе живое и неживое, подчеркивая и подтверждая их связь с окружающей средой; отличать экосистемы природные и антропогенные; проявляя экологическую культуру и экологическое сознание; адекватно вести себя в природе и социуме, способствуя их целостности и взаимосвязи в сознательном (созологическом) аспекте;

– *владеть* навыками самостоятельной, творческой работы и адекватно применять экологические знания в своей будущей работе, используя современные технологии (в т. ч. компьютерные);

– *планировать* свою работу по подготовке к семинарским занятиям и экзамену;

– *пользоваться* литературными источниками;

– *формулировать* и обосновывать свои выводы и взгляды по той или иной проблематике.

3. Цель освоения дисциплины

Основная цель дисциплины *ЭКОЛОГИЯ* направлена на развитие и повышение у студентов общей экологической культуры, ориентирование взаимосвязи и необходимости педагогической культуры поведения в природной, антро-

погенной и производной (искусственной) среде, особенно городской, а также взаимодействие в них человека и общества, способствующие поддержанию и сохранению окружающей природной среды в урбанизированных ландшафтах.

Задачи освоения дисциплины:

– акцентировать внимание на моральной стороне познания природной и городской среды, на их симбиотической связи, на зависимости развития и жизнеобеспечения хозяйственно-экономических систем от природных экосистем;

– определить основные подходы, помогающие раскрыть суть экологии развития не только природы, но и общества людей, урбанизированной среды, существования городов и их экологических проблем и зависимости последних от экологического воспитания и сознания городского и сельского населения;

– рассмотреть основные понятия и термины экологии, характеризующие природную и антропогенную среду и особенно городскую среду;

– научить синтезировать и использовать полученную теоретическую и практическую информацию для самостоятельного применения в профессиональной деятельности.

4. Учебно-тематический план дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 3 зачетные единицы, 108 часов, в том числе – 18 часов – самостоятельная работа, 36 часов – подготовка к экзамену.

Наименование разделов и тем	Неделя семестра	Всего часов		Текущий контроль
		лекции	практ.	
Раздел 1. Введение	1	1	-	посещ.
Раздел 2. Общая экология и основные ее компоненты	1–3	2	5	посещ.
Тема 2.1. Абиотические компоненты		1	3	
Тема 2.2. Биотические компоненты		1	2	консп.
Раздел 3. Компоненты экологии в экосистеме	2–5	3	3	посещ.
Тема 3.1. Характеристика и структура экосистем		2	-	
Тема 3.2. Биосфера, экосфера, ноосфера, созология		1	1	
Тема 3.3. Разнообразие экосистем		-	2	
Раздел 4. Антропогенные экосистемы	4–8	3	6	посещ. э. опрос
Тема 4.1. Разнообразие и особенности антропогенных экосистем		2	4	
Тема 4.2. Экологическая оптимизация нарушенных экосистем		1	2	консп.
Раздел 5. Городская экология (Урбаноэкология)	6–12	4	10	посещ. э. опрос
Тема 5.1. Особенности абиотической и биотической среды		1	4	

Тема 5.2. Город как экосистема		2	4	
Тема 5.3. Экологические проблемы современного города		1	2	консп.
Раздел 6. Прикладная экология: Основные экологические проблемы	10–14	4	6	посещ. э. опрос
Тема 6.1. Загрязнение окружающей среды		1	-	
Тема 6.2. Сельское хозяйство и целенаправленные загрязнения		1	2	
Тема 6.3. Промышленность и транспортные загрязнения		1	2	
Тема 6.4. Загрязнения твердыми бытовыми отходами		1	2	консп.
Раздел 7. Природоохранные вопросы экологии	9–16	1	2	посещ. э. опрос
Тема 7.1. Охрана природы и мониторинг		1	-	
Тема 7.2. Охраняемые природные ландшафты		-	2	консп.
Форма промежуточной аттестации – экзамен				

5. Содержание курса лекционных занятий

1. Введение

Наука «Экология», ее место и роль для других наук и дисциплин: Гносеология, связь с естествознанием, понятие и история термина «Экология», экология – дитя биологии, экология как мировоззрение и методология для других дисциплин.

Структура экологии: биоэкология, экосистемы и сферы Земли, человек и природа. Предмет и подходы изучения в экологии: живые организмы (аутэкология), популяции (популяционная экология), сообщества (синэкология), местообитания (эко топ, биотоп), экосистемы. Известные компоненты экологии: абиотические, биотические.

Экологические постулаты Б. Коммонера.

2. Общая экология и основные ее компоненты

2.1. Абиотические компоненты.

Суть и роль, абиотических компонентов: эдафические (почвенные), климатические, топографические компоненты. Геохимические циклы; преобразование солнечной энергии: закон сохранения энергии, 1 и 2 законы термодинамики.

Основные абиотические компоненты: Вода – происхождение, круговорот, баланс; Воздух – состав, происхождение, круговорот кислорода, углекислого газа, азота; Почва – состав (профиль), происхождение, жизнь. Закон минимума Ю. Либиха, закон толерантности В. Шелфорда.

2.2. Биотические компоненты.

Суть и роль биотических компонентов: растения, животные, микроорганизмы, человек (аутэкология). Передача энергии и биогеохимические циклы, трофические уровни и связи, пищевые цепи и пирамиды, биомасса и продуктивность. Продуценты, консументы, редуценты, автотрофы, гетеротрофы, детритофаги, сапрофаги. Правило 10 %, или закон перехода энергии Р. Линдемана.

Экология сообществ (синэкология): взаимоотношения – симбиоз, комменсализм, мутуализм, паразитизм, хищничество. Ценозы, биоценозы, биота. Сукцессии и их смена: пионерные, первичные, экологические, вторичные, антропогенные. Климакс, поликлимакс, субклимакс.

Экология местообитаний: биотоп, экотоп, экологическая ниша. Взаимосвязь биотопа, экотопа и биоценоза.

3. Компоненты экологии в экосистеме

3.1. Характеристика и структура экосистем.

Состав и основные характеристики экосистем: абиотическая и биотическая компоненты и их действие друг на друга, биогеохимические циклы, биомасса, продуктивность. Понятие экосистемы – диалектическое единство организмов и окружающей среды; открытость систем и постоянство (гомеостаз); взаимосвязь и смена экосистем. Биогеоценоз и экосистема. Границы и переходы, экотон. Три природных принципа экологии в экосистемном подходе.

3.2. Биосфера, экосфера, ноосфера, созология.

Биосфера и экосфера как экосистемы. Учение В. И. Вернадского о биосфере и сфере разума (ноосфера): смысл, причины, история появления термина «Ноосфера». Понятие и смысл учения «Созология» И. П. Лаптева для социума.

3.3. Разнообразие экосистем.

Классификация и типы экосистем: природные, энергетические, антропогенные. 14 важнейших природных экосистем Земли (биомов): суть, факторы жизнестойкости и факторы воздействия.

4. Антропогенные экосистемы

4.1. Разнообразие и особенности антропогенных экосистем.

Основные типы экосистем: сельскохозяйственные (агрэкология), лесохозяйственные (лесная экология), гидротехнические (гидроэкология), горнопромышленные (промышленная и геологическая экология), селитебные (социально-архитектурная экология), рекреационные (рекреационная экология), транспортные (орбитоэкология), городские (урбаноэкология). Особенности их функционирования: позитивы и негативы. Условия развития хозяйственных систем: зрелые (протективные) и растущие (продуктивные) системы жизнеобеспечения, селитебные, промышленно-хозяйственные (небиологические) и рассеивающие (диссипативные) системы.

4.2. Экологическая оптимизация нарушенных экосистем (ландшафтов).

Мероприятия по оптимизации экосистем: рекультивация и мелиорация; создание мозаичности и экотонов, разновозрастности и гетерогенности (разнообразия) ландшафтов. Рациональное природопользование и оптимальный ландшафт.

5. Городская экология (урбаноэкология)

5.1. Особенности абиотической и биотической среды.

Климат и микроклимат города, тепловая шапка, температурная инверсия, смог. Эдафические (почвенные) условия. Орография и гидрогеология. Природные аналоги урбанизированной среды. Биота искусственной среды. Урбанизация растительного и животного мира (общие понятия).

5.2. Город как экосистема.

Индустриально-городские экосистемы: особенности (движимые топливом) и условия развития (эволюционирования) города. Энергия, деньги и цивилизация. Акры-приведения и их значимость в жизнеобеспечении городов. Биоэкономика и ее роль в оптимизации городского ландшафта. Город и его системы жизнеобеспечения (гетеротрофная экосистема); город – как антропоэкосистема, структура, границы и время существования (общие понятия).

5.3. Экологические проблемы современного города.

Урбанизация: формы пространства городской среды, рост городов и процессы урбанизации. Загрязнение городской среды (современные экологические проблемы).

6. Прикладная экология: Основные экологические проблемы

6.1. Загрязнение окружающей среды.

Определение и классификация. Типы загрязнений: химическое, физическое, физико-химическое, биологическое, визуальное, вербальное, информационное. Загрязнения, связанные с проблемами и развитием сельского хозяйства, промышленности, городской среды (урбанизации). Краткий обзор других экологических проблем: миграция (перенос) химических элементов и изменение геохимических циклов, нехватка воды и голод, перенаселение, природные энергоресурсы и отходы, опустынивание, парниковый эффект, угроза ядерной войны, терроризм и экологическая безопасность.

6.2. Сельское хозяйство и целенаправленные загрязнения.

Применение ядохимикатов (пестицидов) и удобрений. Биологическое загрязнение: интродукция и акклиматизация – их негативы.

6.3. Промышленность и загрязнения автотранспортом.

Подвижные и стационарные источники автотранспорта как основные загрязнители: химическое и физическое воздействия. Особенности загрязнения железнодорожным, речным, авиа- и трубопроводным транспортом.

6.4. Загрязнения твердыми бытовыми отходами.

Проблемы ликвидации, захоронение, рециклизация, компостирование, сжигание в печных установках. Юридические аспекты рециклизации, реутилизация.

7. Природоохранные вопросы экологии

7.1. Охрана природы и мониторинг.

Общие представления о мониторинге окружающей среды. Вопросы охраны природы (биота, леса, почвы, вода). Красные книги и их необходимость.

7.2. Охраняемые природные ландшафты и зоны.

Национальные парки, природные парки, биосферные заповедники, заповедники, заказники, памятники природы, природные достопримечательности, курортно-санаторные зоны.

6. Содержание практических (семинарских) занятий

2. Общая экология и основные ее компоненты

2.1. Абиотические компоненты.

Основные абиотические компоненты: Вода – происхождение, круговорот, баланс; Воздух – состав, происхождение, круговорот кислорода, углекислого газа, азота; Почва – состав (профиль), происхождение, жизнь.

2.2. Биотические компоненты.

Взаимоотношения организмов: симбиоз, комменсализм, мутуализм, паразитизм, хищничество. Сукцессии и их смена: пионерные, первичные, экологические, вторичные, антропогенные. Взаимосвязь биотопа, экотопа и биоценоза.

3. Компоненты экологии в экосистеме

3.2. Биосфера, экосфера, ноосфера, созология.

Биосфера и сфера разума (ноосфера). «Созология», гносеологические корни и человек.

3.3. Разнообразие экосистем

14 важнейших природных экосистем Земли (биомов): факторы жизнестойкости и факторы воздействия (краткий обзор позитивов и негативов их состояния).

4. Антропогенные экосистемы

4.1. Разнообразие и особенности антропогенных экосистем.

Сельскохозяйственные, лесохозяйственные, гидротехнические, горно-промышленные, селитебные, рекреационные, транспортные, городские: позитивы и негативы их функционирования (краткий обзор).

4.2. Экологическая оптимизация нарушенных экосистем (ландшафтов).

Рекультивация и мелиорация; создание мозаичности и экотонов, разновозрастности и гетерогенности (разнообразия) ландшафтов.

5. Городская экология (урбаноэкология)

5.1. Особенности абиотической и биотической среды.

Климат и микроклимат города, тепловая шапка, температурная инверсия, смог. Эдафические (почвенные) условия. Орорафия и гидрогеология. Природные аналоги городской среды (их смысл). Биота искусственной среды.

5.2. Город как экосистема.

Биоэкономика и ее роль в оптимизации городского ландшафта. Город – как антропоэкосистема, структура, границы и время существования.

5.3. Экологические проблемы современного города.

Рост городов и процессы урбанизации. Типы загрязнения городской среды. Особо охраняемые территории города. Поддержание биоразнообразия в городской среде.

6. Прикладная экология: Основные экологические проблемы

6.2. Сельское хозяйство и целенаправленные загрязнения.

Биологическое загрязнение: интродукция и акклиматизация – их негативы.

6.3. Промышленность и загрязнения автотранспортом.

Особенности загрязнения железнодорожным, речным, авиа- и трубопроводным транспортом. Температурная инверсия и образование смога, виды смога и опасность для здоровья.

6.4. Загрязнения твердыми бытовыми отходами.

Ликвидация, захоронение, рециклизация. Юридические аспекты рециклизации, реутилизация. Защита биосферы от загрязнения твердыми отходами.

7. Природоохранные вопросы экологии

7.2. Охраняемые природные ландшафты и зоны.

Национальные парки, природные парки, биосферные заповедники, заповедники, заказники, памятники природы, природные достопримечательности,

курортно-санаторные зоны. Красная книга и ее необходимость. Охраняемые территории Удмуртской Республики.

Методические указания по дисциплине для преподавателей

Практические (семинарские) занятия проводятся в форме обсуждения проблемы по обозначенным направлениям, для чего студенты готовят сообщения, доклады, презентации. Могут быть организованы диспуты, ролевые игры с обсуждением конкретных ситуаций, например с привлечением данных из средств массовой информации.

Основная цель таких занятий – формирование у студентов представлений об основных региональных и других проблемах, о возможностях и приемах их разрешения.

Заключительное занятие может быть проведено в форме беседы за круглым столом, где каждый студент будет иметь возможность высказать свое мнение в отношении, прежде всего, региональных экологических проблем, предложить варианты их решения, сделать прогноз на будущее и обозначить свою роль как жителя Российской Федерации и Удмуртской Республики в решении рассмотренных проблем.

7. Программа самостоятельной работы студента

Наименование разделов, тем	Вид	Форма	Количество часов
Раздел 2. Общая экология и основные ее компоненты	р, д	срс	3
Раздел 3. Компоненты экологии в экосистеме	р, д, к	срс	3
Раздел 4. Антропогенные экосистемы	д	срс	3
Раздел 5. Городская экология (урбаноэкология)	д	срс	4
Раздел 6. Прикладная экология	р, д	срс	4
Раздел 7. Природоохранные вопросы экологии	д, п	срс	1
Основные понятия и термины по разделам экологии	кс, к	ксп	4
Форма промежуточной аттестации – экзамен (36 часов)			

Формы контроля самостоятельной работы: рефераты (р), доклады (д), конспекты (к), консультации (кс), презентации (п). СРС – без участия преподавателя, КСР – контроль самостоятельной работы студента.

Перечень тем, выносимых на самостоятельное изучение

1. Вода, воздух, почва – состав, происхождение.
2. Взаимоотношения организмов: симбиоз, комменсализм, мутуализм, паразитизм, хищничество.
3. Важнейшие природные экосистемы Земли (биомы)
4. Экологические особенности сельскохозяйственных экосистем.
5. Экологические особенности селитебных экосистем.
6. Экологические особенности рекреационных экосистем.
7. Климат и микроклимат города.
8. Рельеф и гидрогеология города.
9. Город – как антропоэкосистема, структура и время существования.

10. Особо охраняемые природные территории городов.
11. Биота искусственной среды.
12. Основные экологические проблемы города (на примере Ижевска).
13. Экологические особенности исторического центра города.
14. Экологические особенности спальных районов города.
15. Экологические особенности промышленных зон города.
16. Экологические особенности транспортных зон города.
17. Экологические особенности парков города.
18. Экологические особенности пустырей города.
19. Экологические особенности городских водоемов.
20. Образование смога, виды смога и опасность для здоровья. Фотооксиданты и температурная инверсия.
21. Ликвидация и захоронение твердых бытовых отходов.
22. Городские сточные воды: проблемы, опасность и очистка.
23. Биологическое загрязнение, интродукция и акклиматизация – их негативы.
24. Национальные и природные парки.
25. Биосферные заповедники и заказники.
26. Памятники природы и природные достопримечательности.
27. Красная книга и ее необходимость.
28. Охраняемые территории Удмуртской Республики.

Основные понятия и термины, выносимые на самостоятельное изучение для проведения экспресс-опроса по КСР

Общая экология и экосистемы

Абиотические компоненты. Автотрофы. Биогеоценоз. Биом. Биомасса. Биосфера. Биота. Биотические компоненты. Биотоп. Биоценоз. Гетеротрофы. Зооценоз. Климакс. Комменсализм. Консументы. Мутуализм. Ноосфера. Паразитизм. Пищевая цепь. Поликлимакс. Продуценты. Редуценты. Симбиоз. Сукцессия антропогенная. Сукцессия экологическая. Сукцессия. Толерантность. Трофический уровень. Фитоценоз. Хищничество. Ценоз. Экологическая ниша. Экология. Экосистема. Экосфера. Экотон. Экотоп.

Городская экология

Геттоизация. Гуманополис. Дезурбанизация. Контрурбанизация. Ложная урбанизация. Манхэттенизация. Мегаполис. Профитополис. Рекреация. Рурбанизация. Субурбии. Субурбанизация. Тахиополис. Технополис. Трущобная урбанизация. Урбанизация. Урбанизированная зона. Урбанизированный район. Эконополис. Экуменополис.

Прикладная экология

Биологическое загрязнение. Вербальное загрязнение. Видеоэкология. Визуальное загрязнение. Дeterгенты. Загрязнение. Интродукция. Информационное загрязнение. Мелиорация. Пестициды. Рекультивация. Реутилизация. Рециклизация. Смог. Утилизация. Физико-химическое загрязнение. Физическое загрязнение. Фотооксиданты. Химическое загрязнение.

Природоохранная экология

Биосферные заповедники. Заказники. Красные книги. Курортно-санаторные зоны. Мониторинг. Национальные парки. Памятники природы. Природные достопримечательности. Природные парки. Созология.

График контроля СРС

Недели семестра	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
формы контроля	<i>p</i>	<i>д</i> <i>p</i>	<i>д</i>	<i>д</i> <i>кс</i>	<i>эо</i> <i>к</i>	<i>д</i>	<i>д</i> <i>кс</i>	<i>эо</i> <i>к</i>	<i>д</i>	<i>д</i> <i>кс</i>	<i>эо</i> <i>к</i>	<i>д</i> <i>p</i>	<i>д</i> <i>кс</i>	<i>эо</i> <i>к</i>	<i>д</i> <i>п</i>	<i>крс</i> <i>п</i>

Условные обозначения: *крс* – круглый стол, *д* – доклад, *п* – презентация, *p* – реферат, *к* – конспект, *эо* – экспресс-опрос понятий и терминов по разделам.

8. Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации

Вопросы, выносимые на обсуждение и требующие самостоятельной учебной работы студента при подготовке к семинарским занятиям

1. Как правильно – плохая экология или экологическая ситуация?
2. Основные абиотические компоненты: вода, воздух, почва и их происхождение.
3. Взаимоотношения организмов: симбиоз, комменсализм, мутуализм, паразитизм, хищничество.
4. Сукцессии и их смена: пионерные, первичные, экологические, вторичные, антропогенные.
5. Взаимосвязь биотопа, экотопа и биоценоза.
6. Биосфера, экосфера, ноосфера, созология.
7. Разнообразие и особенности антропогенных экосистем.
8. Экологическая оптимизация нарушенных экосистем (ландшафтов).
9. Климат города, тепловая шапка, температурная инверсия.
10. Природные аналоги урбанизированной среды.
11. Рельеф и гидрогеология города.
12. Типы загрязнения городской среды.
13. Биота искусственной среды.
14. Особо охраняемые природные территории города.
15. Город – как антропоэкосистема.
16. Целенаправленные загрязнения.
17. Транспортные загрязнения, образование смога, виды смога и опасность для здоровья.
18. Загрязнения твердыми бытовыми отходами.
19. Ликвидация, захоронение, рециклизация, реутилизация.
20. Охраняемые природные ландшафты и зоны.

Перечень тем, выносимых на практическое (семинарское) занятие, в качестве альтернативы проведения семинаров

1. Вода, воздух, почва – состав, происхождение.
2. Важнейшие природные экосистемы Земли (биомы)
3. Экологические особенности селитебных экосистем.
4. Экологические особенности рекреационных экосистем.
5. Климат и микроклимат города.
6. Рельеф и гидрогеология города.
7. Особо охраняемые природные территории городов.
8. Биота искусственной среды.

9. Экологические особенности исторического центра города.
10. Экологические особенности спальных районов города.
11. Экологические особенности промышленных зон города.
12. Экологические особенности транспортных зон города.
13. Экологические особенности парков города.
14. Экологические особенности пустырей города.
15. Экологические особенности городских водоемов.
16. Загрязнение твердыми отходами: проблемы, ликвидация, захоронение.
17. Температурная инверсия, фотооксиданты, смог, виды смога, опасность для здоровья.
18. Сбор и очистка сточных вод. Опасность неочищенных сточных вод.
19. Биологические загрязнения и их опасность.
20. Город – как антропоэкосистема.

Студентам предлагается перечень вышеуказанных тем, выносимых на обсуждение (дискуссию). Каждый выбирает тему и готовит по ней доклад или презентацию. На занятии выступающий раскрывает основные вопросы данной тематики, далее происходит обсуждение темы группой с постановкой вопросов к выступающему, по принципу мини-конференции. Оценивается, как умение преподнести доклад (эмоциональность, доходчивость, научность), так и ответы выступающего на заданные ему вопросы со стороны слушателей. Преподаватель следит за регламентом семинара мини-конференции, подводит итоги и разъясняет, как лучше понять и усвоить необходимый материал. В помощь студенту приводятся учебно-методические материалы, позволяющие сориентироваться в выборе того или иного источника. Приветствуется и рекомендуется самостоятельный поиск и работа над любой имеющейся, кроме приведенной, литературы к тому или иному докладу.

Примерный перечень вопросов к экзамену

1. Понятие «экология», компоненты и структура экологии.
2. Экологические постулаты Б.Коммонера.
3. Абиотические и биотические компоненты экологии.
4. Биотические компоненты: продуценты, консументы, редуценты, автотрофы, гетеротрофы, детритофаги.
5. Взаимоотношения организмов: симбиоз, комменсализм, мутуализм, паразитизм, хищничество.
6. Сукцессии и их смена, климакс и климаксные сообщества. Поликлимакс.
7. Экотоп, биотоп, экологическая ниша, биота, биоценоз и экосистемы.
8. Понятие экосистемы, основные характеристики, смена и типы экосистем, экотон.
9. Три природных принципа экосистем.
10. Биосфера и экосфера, ноосфера и созология.
11. Природные, антропогенные и искусственные экосистемы.
12. Понятие Биом, важнейшие мировые экосистемы по биомам.
13. Типы экосистем по использованию солнечной и иной энергии.
14. Основные типы и особенности антропогенных экосистем.
15. Особенности сельскохозяйственных и селитебных экосистем: позитивы и негативы.
16. Особенности гидротехнических и транспортных экосистем: позитивы и негативы.

17. Особенности городских и рекреационных экосистем: позитивы и негативы.
18. Условия развития промышленно-хозяйственных и городских систем.
19. Город – как антропоэкосистема.
20. Экологическая оптимизация нарушенных ландшафтов: рекультивация, мелиорация.
21. Классификация и типы загрязнений.
22. Экологические проблемы современного города.
23. Процессы урбанизации.
24. Типы загрязнения городской среды.
25. Экологические особенности исторического центра города.
26. Экологические особенности спальных районов города.
27. Экологические особенности промышленных зон города.
28. Экологические особенности транспортных зон города.
29. Экологические особенности парков города.
30. Экологические особенности пустырей города.
31. Экологические особенности городских водоемов.
32. Образование смога, виды смога и опасность для здоровья.
33. Ликвидация и захоронение твердых бытовых отходов. Рециклизация и реутилизация.
34. Целенаправленные загрязнения. Биологические загрязнения.
35. Химическое и физическое загрязнение транспортной среды.
36. Общие представления о мониторинге окружающей среды.
37. Красные Книги и их необходимость.
38. Охраняемые территории: национальные и природные парки, биосферные заповедники и заказники.
39. Охраняемые территории: памятники природы и природные достопримечательности.
40. Охраняемые территории города.

9. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

Основная литература

1. Денисов В. В., Курбатова А. С., Денисова И. А. и др. Экология города. М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: Издат. Центр «МарТ», 2008. 232 с.
2. Камерилова Г. С. Экология города. М.: Просвещение, 2003. 192 с.
3. Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Устойчивое развитие: вводный курс: Учеб. пос. М., 2006. 312 с.
4. Тетиор А. Н. Городская экология: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стереотип. М.: Издат. центр «Академия», 2007. 336 с.
5. Хомич В. А. Экология городской среды: Учеб. пос. М.: Изд-во Ассоциации строит. вузов, 2006. 240 с.
6. Черных Н. М., Былова А. М. Общая экология. М.: Изд-во Дрофа, 2007. 416 с.
7. Шилов И. А. Экология. М.: Высшая школа, 2006. 512 с.

Дополнительная литература

1. Агесс П. Ключи к экологии. Пер. с франц. Л.: Гидрометеоздат, 1982. 96 с.
2. Дажо Ю. Основы экологии. Пер. с франц. М.: Изд-во «Прогресс», 1975. 415 с.

3. Коломыц Э. Г., Розенберг Г. С., Глебова О. В. и др. Природный комплекс большого города: Ландшафтно-экологический анализ. М.: Наука; МАИК «Наука. Интерпериодика» 2000. 286 с.

4. Коваленко П. П., Орлова Л. Н. Городская климатология: Учеб. пос. для вузов. М.: Стройиздат 1993. 134 с.

5. Курбатова А. С. Экология города / Под ред. Курбатовой А. С., Башкина В. Н., Касимова Н. С. М.: Научный мир, 2004. 620 с.

6. Лавров С. Б., Сдасюк Г. В. Этот контрастный мир: Геогр. аспекты некоторых глобальных проблем. М.: Мысль, 1985. 207 с.

7. Луканин В. Н., Трофименко Ю. В. Промышленно-транспортная экология. М.: Высш. шк., 2003. 272 с.

8. Маркович Д. Ж. Социальная экология: Кн. для учителя. Пер. с серб.-хорв. М.: Просвещение, 1991. 176 с.

9. Маслов Н. В. Градостроительная экология: Учеб. пос. для строит. вузов. М.: Высш. школа, 2003. 288 с.

10. Небел Б. Наука об окружающей среде: Как устроен мир: В 2-х тт. Пер. с англ. М.: Мир, 1993. Т. 1. 424 с.; Т. 2. 336 с.

11. Одум Ю. Экология: В 2-х тт. Пер. с англ. М.: Мир, 1986. Т. 1. 328 с.; Т. 2. 376 с.

12. Протасов В. Ф. Экология, здоровье и охрана окружающей среды в России: Учеб. и справ. пособие. 2-е изд. М.: Финансы и статистика, 2000. 672 с.

13. Реймерс Н. Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

14. Ситаров В. А., Пустовойтов В. В. Социальная экология: Учеб. пос. для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2000. 280 с.

15. Экология крупного города (на примере города Москвы): Учеб. пос. / Под общ. ред. д.б.н. А. А. Минина. М.: Изд-во «ПАСЬВА», 2001. 192 с.

16. Экологические очерки о природе и человеке. Сокращ. пер. с нем. / Под ред. Б. Гржимека. М.: Изд-во «Прогресс», 1998. 640 с.

17. Экология человека. Учебное пособие / Отв. ред. Б. Б. Прохоров. М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. 440 с.

Программное обеспечение и Интернет-ресурсы

Популярный сайт о фундаментальной науке <http://elementy.ru>

Поступила в редакцию 21.10.2013

Шадрин Василий Андреевич,

кандидат биологических наук, доцент,

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

E-mail: rvkir@mail.ru

Shadrin Vasilii Andreyevich,

Candidate of Sciences (Biology), associate professor,

Udmurt State University

426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1

E-mail: rvkir@mail.ru

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2013 ГОДУ
В «ЕЖЕГОДНИКЕ ФИННО-УГОРСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

№ Стр.

Я З Ы К О З Н А Н И Е

<i>Бусыгина Л. В.</i> Пути и этапы развития системы терминов в удмуртском литературоведении	4 18
<i>Динисламова О. Ю.</i> Фразеологическая картина мира народа манси	2 29
<i>Душенкова Т. Р.</i> Семантика одного выражения: <i>распрягаться</i> или <i>падать духом</i>	3 19
<i>Едыгарова С. В.</i> Об основных разновидностях современного удмуртского языка	3 7
<i>Кельмаков В. К.</i> К текстологии Герда II: одно из программных стихотворений К. Герда в интерпретации издателей и исследователей	1 9
<i>Максимов С. А.</i> Названия подорожника в удмуртских диалектах и их происхождение	4 7
<i>Норманская Ю. В.</i> Реконструкция названий прафинно-угорского комплекса вооружения и его изменения в современных финно-угорских языках	1 19
<i>Ракин Н. А.</i> Языковое своеобразие «Калевалы» и ее коми перевода (диалектизмы, архаизмы и неологизмы в переводе А. И. Туркина)	2 15
<i>Семёнов В. Г.</i> Ромашка лекарственная (<i>Matricaria chamomilla</i>): принципы наименования и распространение в диалектах удмуртского языка	4 47
<i>Цыганкин Д. В.</i> Этимологически общие уральские именные и глагольные основы в мордовских и ненецком языках (сравнительный аспект)	2 7

Шайхулов А. Г., Шайхисламова З. Ф., Асмондьяров В. Н.

- Некоторые методологические аспекты сопоставительных исследований диалектных данных в контексте когнитивных сфер (на материале диалектологических атласов уральских и алтайских языков) 4 54

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

- Енов В. Е.* Классификация рыб бассейна Нижней Оби в лингвокультурологическом аспекте с точки зрения народа ханты и русских сибиряков 3 26
- Мальцева Н. А.* Отражение языческих представлений коми-пермяков в народной игре «Горань» 2 35
- Панина Т. И.* Символика цвета в удмуртской народной медицине 3 34
- Пчеловодова И. В.* Фольклор на сцене: взгляд изнутри 4 60

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Арекеева С. Т., Арзамазов А. А.* Тип героя и особенности поэтики в повести удмуртского писателя И. Дмитриева-Кельды «Кызы умы улон дунне вуоз» («Как придет хорошая жизнь») 3 50
- Арзамазов А. А.* Два этюда о «поэтическом» инфинитиве: Владимир Владыкин – Владимир Романов 1 47
- Атнабаева Н. А.* Венки сонетов – посвящения в удмуртской литературе 3 58
- Богданова Л. А.* Концептосфера повести Г. Д. Красильникова «Остаюсь с тобой» 4 76
- Горина Н. В.* Феномен двойничества в драме А. Лужикова «Ыджыд висьом» (Большая болезнь) 2 46
- Динисламова С. С.* Юван Шесталов. Проблема художественного перевода произведений 4 70
- Камитова А. В.* Библейский контекст в поэтике Максима Прокопьева 4 65
- Хакимова В. Х.* Национальный вопрос в художественном мире Гаяза Исхаки и Кедр Митрея 2 41

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ

- Атаманов М. Г.* Из истории Староигринского городища Каргурезь 2 86
- Васильева Н. В.* Совершенствование системы обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в образовательных учреждениях Республики Карелия 3 93
- Васильева О. И., Воронцов В. С.* Национальная школа в Удмуртии: история и современность 2 70

<i>Ившина М. В., Волкова Л. А.</i> О месте и роли этнографии в системе исторического образования ГГПИ (1991–2012 гг.)	1	60
<i>Карм С.</i> Аудиовизуальное документирование удмуртских религиозных обрядов в советское время	1	78
<i>Лескинен М. В.</i> Проблема ассимиляции финно-угорских народов в обосновании концепции «Волга – русская река»	4	91
<i>Лигенко Н. П.</i> Картины повседневной жизни крестьян с. Якшур-Бодья Сарапульского уезда Вятской губернии. XIX – нач. XX в.	2	55
<i>Мусихин А. Л.</i> Грамоты каринским арским князьям XVI в.: история публикации и изучения	4	82
<i>Никитина Г. А.</i> Новые документы о жизни и деятельности внештатного корреспондента Русского музея И. К. Зеленова	1	67
<i>Перевозчиков Ю. А.</i> Финно-угры как большинство: опыт государственного регулирования статуса миноритарных групп	1	87
<i>Поздеев И. Л.</i> Влияние студенческой молодежи на взаимоотношения власти и общества в Удмуртской Республике	1	102
<i>Попова Е. В.</i> Символика и ритуальные функции пищи и трапезы в святочных обрядах бесермян	3	78
<i>Руденко К. А., Шутова Н. И.</i> Арское городище в Татарстане: индивидуальные находки из раскопок 1983–1984 гг.	3	68
<i>Шкляева С. Л., Юрпалов А. Ю. Ф. В.</i> Стрельцов: штрихи к биографии	1	109

КУЛЬТУРА, ИСКУССТВО

<i>Голубкова А. Н.</i> Авторская песенная поэзия как явление музыкальной культуры. К проблеме становления песенного жанра	3	96
<i>Ившина В. М.</i> О реализации этнокультурного компонента образования в системе среднего профессионального образования Удмуртской Республики	4	115
<i>Красновская Е. Г.</i> Высокий полет чувства и мысли... ..	1	114
<i>Сазыкина И. А.</i> Влияние орнаментальных мотивов вышивки финно-угров на современный сценический костюм	4	106
<i>Сорокина А. И., Сорокин И. В.</i> Архитектурно-художественный ансамбль «Открытый двор – Якшур-Бодья»	2	95

ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ

<i>Мельникова О. М.</i> Программа специализированной подготовки магистров по направлению 030600 «история» «Финно-угорский мир в историко-культурном и социально-политическом измерении»	1	118
---	---	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ

- Шадрин В. А., Чиркова Е. А.* Экологическая ценность
Архитектурно-этнографического музея-заповедника (АЭМЗ)
«Лудорвай» (на примере растительного покрова) 2 101

ДИСКУССИИ

- Кудрявцев А. Ф.* Географическое осмысление понятия
«Финно-угорский мир» 3 125

РАБОЧИЕ ПРОГРАММЫ

- Шадрин В. А.* Рабочая программа дисциплины Экология 4 134

РЕЦЕНЗИИ

- Имайкина М. Д.* Рец. на: Цыганкин Д. В. От Суры... до Мокши:
Названия рек и озер Республики Мордовия: Этимологические
разыскания. Саранск, 2010. 108 с. 1 127
- Миннихметова Т. Г.* Рец. на: Шутова Н. И., Капитонов В. И.,
Кириллова Л. Е., Останина Т. И. Историко-культурный
ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная
монография. Ижевск, 2009. 244 стр.: цв. ил. 1 134
- Никольская Г. Н., Ившина В. М., Карпова Л. Л.*
О книге Е. В. Назаровой «Удмурт кыл. Дышетскон книга» 2 123
- Семёнов Ю. В.* Рецензия на электронную версию энциклопедии
«Удмуртская Республика: Просвещение, образование
и педагогическая мысль» 2 120
- Шибанов В. Л.* О книге Р. В. Кирилловой «Мифопоэтика в поэзии
Михаила Петрова» 3 135

ОТЗЫВЫ

- Станько А. И.* О диссертации А. А. Вахрушева «Просветительская
миссия печати и литературы в провинциальной России...» 4 130
- Тагирова Ф. И.* Отзыв о кандидатской диссертации
Разили Зуфаровны Садыковой «Валентность татарского
глагола» 2 130
- Цыганкин Д. В.* О втором выпуске «Диалектологического атласа
удмуртского языка»... 3 133

ЮБИЛЕИ

- Васильев С. Ф.* Удмуртский алхимик 4 127
- Голубкова А. Н.* Биографические сведения 3 104
- Ермолаева Н. Г.* Незабываемый мой Алексей Ермолаев 4 121

<i>Загребин А. Е.</i> Слово об учителе (К 70-летию Владимира Емельяновича Владыкина)	1	7
<i>Нуриева И. М.</i> Звуки музыки и души (к юбилею А. Н. Голубковой)	3	121
<i>Толкач Ю. Л.</i> Многогранность (к юбилею Заслуженного деятеля науки Удмуртской Республики, музыковеда А. Н. Голубковой)	3	118
<i>Чикина Н. В.</i> Георгий Мартынович Керт (к 90-летию со дня рождения)	2	114

А Н О Н С Ы

<i>Ракин А. Н.</i> Все флаги в Оулу придут	1	136
--	---	-----

Указатель статей и материалов, опубликованных в 2013 году в «Ежегоднике финно-угорских исследований»	4	147
---	---	-----

Уважаемые коллеги!

Приглашаем вас к сотрудничеству в издании «Ежегодника финно-угорских исследований»

В «Ежегодник» принимаются статьи по следующим направлениям:

I. Процессы социальных изменений – технологии развития финно-угорских этносов

- Роль и место финно-угорских языков в учебных планах высших учебных заведений финно-угорских регионов РФ
- Изучение финно-угорских языков и литератур в ближнем и дальнем зарубежье
- Зарождение и формирование финно-угорской интеллигенции
- Особенности менталитета финно-угорских народов

II. Проблемы развития финно-угорских этносов

- История и перспективы развития финно-угорских языков
- Тенденции развития финно-угорских литератур
- Историко-культурное наследие финно-угорских народов
- Изучение финно-угорских языков и литератур в общеобразовательной школе

III. Инновации в системе социальных изменений

- Роль окружающей среды в формировании социально активной личности
- Основные социальные изменения в финно-угорских республиках под влиянием глобализации и ее последствий
- Финно-угорские образовательные учреждения в современных условиях
- Реагирование финно-угорских образовательных и культурных учреждений на современные вызовы общества

Требования к оформлению статьи

Статья должна быть представлена в электронном виде (на дискете или по электронной почте) и обязательно в виде распечатанной на принтере копии формата А4 (14 шрифтом). Электронная версия записывается в формате Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97) или RTF. Размер поля снизу, слева, справа – 2 см, сверху – 2,5 см. Страницы должны иметь сквозную нумерацию. Шрифт Times New Roman, размер шрифта 11 пт. Межстрочный интервал – одинарный. Красная строка 0,75 см. Переносы в словах не допускаются.

Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статья должна быть подписана автором или соавторами. К статье необходимо приложить рецензию за подписью профессора или руководителя Вашей кафедры.

Объем рукописи статьи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам и рисунки) не должен превышать по техническим и естественным наукам более 0,5 уч.-изд. л. (12 стр. 11 шрифтом); по гуманитарным не более 1 уч.-изд. л. (24 стр. 11 шрифтом); для информационных публикаций и рецензий – 1–5 стр.; для рекламы – 0,5–1 стр. Объем рисунков не должен превышать 1/4 объема статьи. Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например: [1], [1. С. 5].

Порядок расположения частей статьи:

классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК) (11 шрифт, прямой светлый);

инициалы и фамилия автора (11 шрифт, жирный строчной);

название статьи (11 шрифт, жирный строчной);

аннотация статьи (3–5 предложений – 10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова (10 шрифт, светлый курсив, сами слова (5–7 слов) – прямым светлым);

текст статьи (11 шрифт. Заголовки набрать в левый край, 11 шрифт, жирный строчной. Подзаголовки, если таковые есть, набираются в тексте – 11 шрифт, жирный курсив);

примечания (10 шрифт);

поступила в редакцию (дата ставится отв. редактором выпуска, 10 шрифт);

инициалы и фамилия автора на английском языке (10 шрифт, курсив жирный строчной);

название статьи на английском языке (10 шрифт, жирный строчной);

аннотация на английском языке (10 шрифт, прямой светлый);

ключевые слова на английском языке (10 шрифт, светлый курсив, сами слова – прямым светлым);

сведения об авторе (фамилия, имя, отчество – 10 шрифт, жирный строчной. Ученая степень, должность, место работы. Страна. Город. E-mail – 10 шрифт, прямой светлый).

Таблицы и рисунки нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица и рисунок должны иметь свой заголовок (жирным строчным) (текст таблицы набирается 10 шрифтом). В рукописи карандашом указываются места расположения таблиц и рисунков.

Сокращения. Разрешаются лишь общепринятые сокращения: названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т.п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеизвестных. Названия учреждений при первом упоминании в тексте даются полностью, и рядом в скобках приводится их общепринятое сокращение; при повторных упоминаниях дается сокращенное название. *Пример:* Удмуртский государственный университет (УдГУ), повторно – УдГУ, в Гербарии УдГУ и т.д.

Благодарности. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования статьи.

Литература оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008.

За правильность и полноту представления библиографических данных ответственность несет автор.

Дополнительная информация:

426034 Ижевск, ул. Университетская 1, УдГУ, корп. 2 (ФУНОЦГТ)

тел./факс: 8 (3412) 916-276

e-mail: rvkir@mail.ru

Анатолий Васильевич Ишмуратов (зам. гл. редактора)

Роза Владимировна Кириллова (отв. секретарь)

Научное издание

Ежегодник финно-угорских исследований

«Yearbook of Finno-Ugric Studies»

Выпуск 4

Составители – *А. Е. Загребин, А. В. Ишмуратов, Р. В. Кириллова*

Дизайн обложки – *Л. Н. Загуменова*

Оригинал-макет – *И. В. Широбокова, Н. Ю. Юрпалова*
(Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН)

Сдано в производство 25.12.2013. Печать офсетная.
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 13,47. Уч.-изд. л. 11,26.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034 Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru

Типография ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет».
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.
Тел. 68-57-18.